

Собрание слов. Том I митрополит Сергей (Ляпидевский)

Том II

От Совета Одесского Свято-Андреевского Братства

Совет Братства, желая облегчить для священнослужителей Херсонской епархии дело проповеди слова Божия и дать Херсонской пастве душеполезное чтение, доступное разумению всякого, просил Высокопреосвященнейшего Сергея, Архиепископа Херсонского и Одесского, предоставить Братству право издать полное собрание слов и речей своего Архипастыря, начиная с изданных в Москве в 1870 году, с присоединением к ним слов и речей, напечатанных после того в разных духовных периодических изданиях, каковы: «Душеполезное Чтение», «Православный Собеседник», «Известия по Казанской Епархии», «Кишиневские» и «Херсонские Епархиальные Ведомости».

Получив от Архипастыря, в октябре 1892 г., «право на одно издание его слов и речей, всех, которые по сие время имеются в печати», Совет Братства составил из них два тома, предлагаемые ныне благочестивому вниманию читателей.

Выручаемая за эти книги сумма, по восполнении расходов на издание их, будет обращена на нужды Братства и на поддержание церковно-приходских школ Херсонской епархии.

Отделение 1. Слова на праздники Господни и на воскресные дни

1. Слово на день Рождества Христова. (Первое)

И отверзше сокровища своя, принесоша Ему дары, злато, и ливан, и смирну. (Матф. 2:11)

Мудрецы восточные, под водительством чудной звезды в Вифлеем пришедшие, воздали родившемуся Христу поклонение, как Богу, и поднесли Ему богатые дары, по чувству своего усердия.

Что же мы принесем Ему? ибо ради всех нас родился Он на земли. – Да руководит нас в этом деле пример мудрецов, почтивших Господа дарами.

Принесенное ими злато не было только свидетельством о богатстве их дома и страны. Быть может, многие видели чудесную звезду; но только трое узнали в ней указание свыше, и решились последовать за нею в неизвестную им страну, на поклонение царю, также для них неведомому. Они могли ожидать, что увидят царя в великолепии. Между тем звезда остановилась над беднейшею хижиною, в которую вошедши, они нашли смиренную Матерь, простого Старца, Кроткого Младенца, среди окружавшего их убожества. Но вера пришельцев не поколебалась: они, падше, поклонились младенцу.

Много в жизни и для нас знамений укрепляющих веру в Воплотившегося Господа. Но как быстро движущийся путешественник и предметов великих может не рассмотреть, потому что они мгновенно пред ним исчезают, а он неудержимо несется вперед; так есть люди, увлекающиеся вихрем современности, которые не хотят, или уже не могут остановить внимание на событиях, требующих размышления, на предметах, возвещающих нам Христа Бога. Мудрецы восточные, если б не оставили своей страны, не пришли бы в Иерусалим, не нашли бы в Вифлееме родившегося Царя-Христа. Подобно им люди, ищущие Христа, находят в событиях жизни своей и общественной следы Его благого промысления; не удаляясь ближних сердцем, оставляют обычаи удаляющие от благочестия; встречаясь с недоумениями, разрешают их по

смыслу Божия закона, который, подобно чудесной звезде, есть для нас неугасимый светильник; чтут внешние церковные обряды, в которых заключены высочайшие истины. Такие христиане безбоязненны среди опасностей жизни и, как волхвы в Иерусалиме прямо открыли Ироду цель своего пришествия, они открыто говорят, в Кого веруют и Кого ищут, доколе не придут в ту незримую страну, в которой не нужно будет спрашивать: где есть рождется царь Иудейский? Это злато веры и есть тот дар, который, по свидетельству Апостола Петра, выше злата гибнуща, так или иначе удоботеряемого (1Пет. 1:7).

Мудрецы восточные принесли Христу ливан, так как обыкновенно воскуряется фимиам пред Богом.

Будем приносить Богу фимиам благодарности и хвалы. Нынешний праздник – общее для всех к тому побуждение: сего бо ради Бог на землю сниде, да тс на небеса возведет. К стыду нашему, человек в счастии подумать не хочет, откуда ему счастье, а в несчастьи повергается в уныние. Посему, наоборот, тем чище будет дар нашей признательности, если и в дни скорбные, при неустройствах семейных, при потерях невозвратимых, не забудем благодарить Спасителя за те утешения, какие Он дает нам в святой Своей церкви, и за те благодеяния, какие неожиданно получали в прежней нашей жизни. С этой точки зрения, прекрасно учреждение, нынешний день повсюду в православной России исполняемое. Уже пятьдесят лет¹, как Бог избавил ее от врагов, в средину ее вторгшихся; были, по грехам нашим, после того потери и скорби для отечества нашего; но не забыло оно чудной помощи Божией: благодарное за нее молебствие возносится ежегодно, возбуждая и каждого из нас не роптать в горести, а благодарить Бога за милости.

Третьим даром, который был принесен восточными мудрецами Спасителю, была смирна. Это есть драгоценное вещество, истекающее из аравийского дерева. Ее свойство предохранять тела от гниения: потому и умащали ею мертвых. Христу, как Богу, этот дар не был бы приличен: но он был предзнаменование, что Христос, как человек, подвергнется смерти. По выражению песни церковной, волхвы, «как

мертвецу, принесли смирену бессмертному» (Стих. праздн. на стих. 3).

Никакого погребального вещества нельзя принести Христу, не только родившемуся, но уже и воскресшему. Но есть смирен духовная, которою мы можем предохранить нашу веру в Него от мертвенности, и которую каждый может приносить, как приятный Ему дар. Что Мне множество ваших жертв? – взывал некогда Бог к лицемерным иудеям. – Научитесь добро творить (Ис. 1:11,17). Явно, что никакой дар не будет Богу приятен, никакая жертва наша не будет жертвою живою, без нашей готовности добро делать людям, служить обществу. Мертво растение без листьев и плодов, мертвы будут наши праздники в честь Божию, если не будем оживлять их благодеяниями ближним. Послушаем, чему учит нас один святой отец в праздник Рождества Христова. «В этот день, Господь пришел к рабам: да снисходят и начальствующие к своим подчиненным. В этот день нас ради Всебогатый обнищал: да соделает же и богатый бедного участником своих излишков. В этот день получен нами свыше дар: будем же подавать и мы милостыню неимущим. День сей отверз горнюю дверь мольбам нашим: отверзем и мы дверь свою тем, которые нанесли нам обиду и умоляют о прощении». (Тв. Ефр. Сир. ч. VI, стр. 310).

Итак, веровать в Спасителя, Его благодарить, делать добро ближним, – вот что мы можем приносить Ему в дар. Не нужно быть мудрецом, чтобы все это иметь и приготовить; но тот не ниже никаких мудрецов, кто действительно сии дары Богу будет приносить. Аминь.

2. Слово на день Рождества Христова. (Второе)

И пастырие беху в той же стране, бдяще и стрегуще стражу ночную о стаде своем. (Лк. 2:8).

Чудное совершилось ныне событие, и чудным образом оно возвещено. Ныне Слово явилось во плоти, и первое слово о рождении Его приносит на землю вестник небесный.

Но к кому обращается ангел Господень с благовестием о рождестве Спасителя? Е пастырям стада бессловесного. Что же сие значит? Ангел послан благовествовать радость, яже будет всем людям, а благовествует только пастырям немногим.

Нет сомнения, что простота и смирение пастырей привлекли к ним небесного вестника. Но есть сему причина и в том обстоятельстве, что пастыри, по свойству занятий своих, в ту ночь не предавались сну: беху бдяще и стрегуще стражу ночную.

Пример пастырей Вифлеемских приводит нас к мысли о нужде и важности духовного бодрствования в отношении к вере и христианской жизни.

Бодрствование души есть такое ее состояние, в котором она наблюдает за движениями своих сил и чувств, отверзает свой духовный слух к приятию внушений только истинных и чистых, в то же время охраняя себя, чтобы не вкралось в ум какое-либо лжеучение, а в сердце что-либо нечистое.

Истины веры открыты для всех. Но как лишившиеся зрения, и при сиянии солнечном, ничего не видят, или как иные намеренно смежают очи, чтобы не видеть того, чего не хочется им видеть: так бывают несчастные, которые при свете веры погружаются во тьме духовного неведения. Само Слово присносущное и вечное в мире бе и с человеки поживе: но только очи немногих, видящих, Его истинно видели (1Ин.1:1); между тем как весьма многие свои Его не прияли, мир Его не позна (Ин.1:10,11). Где же причина такого ослепления? – Прежде всего, в недостатке духовного бодрствования.

Рождается Спаситель мира, – и благовестие о рождестве Его принесено с небеси пастырям; а мир оставался глухим к

сему великому событию, хотя Спаситель не несвидетельствована Себе остави.

Не говорим о язычниках, которых сон духовный простирался до омертвления, которых апостол назвал мертвыми по преступлениям, безбожными в мире (Еф. 2:5,12); самый даже народ избранный, несмотря на многие знамения близкого пришествия Христова, не познал времени посещения своего. Наставники закона не ведали судеб Господних, и, почивая на законе, остались глухи к указаниям его. Фарисеи, думавшие о себе, что им невозможно не узнать Мессию, впали в самообольщение, которое и воспрепятствовало им узнать Его. Бодрствовал, по-видимому, Ирод, смутившийся слухом о рождении Христовом. Но его смущение не было ли подобно беспокойству человека нечестивого, когда он, возбужденный от сна грозным сновидением, не знает сам, что делает?

От сих явлений невнимательности перенесем взор на состояние Вифлеемских пастырей, не только бодрствовавших телом, но не воздремавших и душою. Они конечно могли слышать гласы пророческия, по вся субботы чтומыя (Деян. 13:27), и о Христе Спасителе возвещавшие. Когда явился ангел, они хотя убоялись, но боязнь сия усилила их внимание в явившемся. Возвестив им о рождении Спаса Христа, ангел научает их, как найти Его; но указывает им такое знамение, которое души рассеянные и слабые могло бы привести не к вере, а к сомнению: вот вам знамение: обрящете Младенца, лежащего в яслях! Надлежало пастырям утвердиться в детском доверии, чтобы, по указанию ангельскому, узреть славу божественную в облачении крайнего убожества и унижения. И когда окончилось чудесное видение, они не престают бодрствовать над расположениями своего сердца и как бы слыша еще глас, призывавший их к Спасителю, побуждают друг друга спешить к указанному месту. Прейдем до Вифлеема, и видим глагол сей бывший, егоже Господь сказа нам. И приидоша поспешшеся, и обретоша Младенца, лежаща в яслях. Так бдительность пастырей удостоила их слышать небесного вестника; та же бдительность отверзла их сердце к принятию благовестия, утвердила в желании видеть Благовестуемого, и

увенчалась вожделенным успехом, – поклонением рождшемуся Господу.

Без сомнения не одна только тайна рождения Спасителя требует от нас смиренного внимания; и другие предметы веры уразумеваются по мере духовного бодрствования, при утрате которого люди не видят истин очевидных. Зряще узрите, и не имате видети (Мф. 13:14), – обличал Господь слепотствовавших иудеев, и неоднократно указывал пагубу душевного усыпления. Хощет ли Он показать безуспешность в некоторых евангельского слова? Он между прочим изъясняет ее тем, что у иных сердце бесчувственно, как камень, у других усыплено печалию века сего. Вопрошают ли Его, как лжеучения появились в роде человеческом? Он отвечает, что спящим человеком, прииде враг, и всея плевелы (Мф. 13:25). Что означает это многократно повторяемое в Евангелии воззвание: имеяй уши слышати, да слышит, – как не прямое и сильное возбуждение к тому, чтобы мы со вниманием недремлемым и изощренным принимали учение Христово? Ежели в слушании человеческих наставлений потребно удаление от развлечений: то тем более сие требуется для уразумения внушений веры, которые, при всей простоте, заключают много и такого, к чему стремится сердце, но мысль с трудом подняться может.

Бодрствование духовное есть необходимое условие правильной и доброй жизни.

Жизнь христианская есть жизнь благодатная. Благодать спящему душевно человеку взывает: востани спяй (Еф. 5:14). Как ангел уstraшенным пастырям сказал: не бойтесь, и указал им путь ко Христу; так и благодать Божия, когда грешник, пробудившись, содрогнется от своего недостойнства, успокаивает его своим миром, и чувством внутреннего удовлетворения. Но нужен тонкий слух, чтобы слышать неизглаголаные внушения Святого Духа: иначе душе не будут слышны благие и спасительные звуки. Благочестивые и святые мужи неусыпным бодрствованием над собою стяжавали непогрешительное уразумение всякой внутренней в себе перемены.

Жизнь христианская есть поприще добрых дел. Но надобно смотреть за собою, чтобы не остановиться оком самолюбия на том, в чем Господь помог нам успеть, чтобы спешить горящим духом к тому, что еще ожидается от нас на пути добра, и совершение чего требует усилий. Только недремлющее око души испытует предприемлемые дела, по-видимому, даже и чистые: не будет ли в них или после них чего-нибудь такого, что может болезненно подействовать на совесть. Ибо в мире все смешано: и милосердие иногда проникается тщеславием, и добрые речи о ближнем могут исходить из сердца не искреннего, и бережливость служит у иных рабынею любостыжанию. И если облачение добрыми делами есть лучшее украшение души: то блажен бдяй и блюдый ризы своя, да не наг ходит, и узрят срамоту его (Откр. 16:15).

Жизнь добродетельная есть путь небезпечальный, и кто воздремет, тот близок к опасности. Бдите, говорит Спаситель, и молитесь, да не впадете в напасть (Мф. 26:14). И, в другом месте (Мф. 24:43) изъясняет необходимость бодрствования тем, что если бы хозяин знал, когда придет тать, то не дал бы подкопать храмины своей. Храмина есть душа, и нужно нам стоять на страже, чтобы враги благочестия не вторгнулись в нее и не произвели в ней опустошения. Большая часть бедствий в роде человеческого суть плод неосторожности и беспечности. Кто в себе самом пресекает поток нечистых мыслей и желаний, тот избавляет себя от многих в жизни неприятностей, и непоколебимо готов, при помощи Божией, противостать несчастьям, которых в сем мире и невинность не всегда может избежать, и предусмотрительность предотвратить.

Век нынешний нельзя упрекнуть в недеятельности: многие полезные начинания совершились; все направляется к развитию. По-видимому, это признаки возникновения от сна и бодрствования. Но Спаситель, уча бдению, указывал на времена, когда люди предавались сну беспечности и нечестия, несмотря на возбужденную внешнюю деятельность, несмотря на то, что не только ели и пили, но покупали, продавали, садили и строили (Лк. 17:27). Предостерегая учеников, Он давал вразумление всем векам и народам: яже вам глаголю, всем

глаголю: бдите (Мк. 13:37). Надобно и нам углубиться в себя, чтобы решить: бодрствуем ли мы бдением духовным? Очами ли веры испытуем знамения времен и событий, и верно ли постигаем их дух и направление? Пользуемся ли внушениями, какие дает нам приснобдящий над всем Промысл? Ныне воспоминает церковь страшную годину, какую испытало отечество наше. Чуждые народы видели наказавшую и помиловавшую нас Божию десницу. Но памятуем ли мы, сыны отечества, те добрые примеры, те христианские черты, какие явились в жизни наших отцов и соотечественников во дни приснопамятной брани? Храним ли приверженность к православной вере; или судим о ней не выше тех убеждений, которые так же можно переменять, как изношенную одежду? Чтим ли память наших предков подражанием их благочестию; или легкомысленно платим смехом и презрением их простодушию? Любим ли ближних любовью истинно христианскою; или только любим рассуждать об условиях благоденствия царств и народов? О сынове света и дне! Да не спим, якоже и прочии; но да бодрствуем и трезвимся (2Сол. 5:5,6). Аминь.

3. Слово в праздник Сретения Господня. (Первое)

Се лежит Сей на падение и на востание многим во Израили, и в знамение пререкаемо. (Лк. 2:31)

Когда Иисус Христос, как первенец, был в сорок день по рождении в храм Иерусалимский: туда же пришел благочестивый старец Симеон, и, приняв в свои объятия Божественного Младенца, предсказал о Нем Марии, Матери Его, что Он соделается для многих предметом противоречий.

Что же значит печальное предсказание сие? Спаситель в мир пришел, да чада расточенная соберет во едино (Ин. 11:52); чтобы каждый Его учением мудрствовал, Его жизнью дышал. Для кого же и для чего Он – предмет противоречий?

Для людей гордых, лукавых, развращенных и соблазняющихся.

По рождении Спасителя, между тем как ангелы пели славу в вышних Богу, пастыри поклонялись и дивились рожденному Младенцу, и мудрецы несли Ему дары: в то время уже смущался Ирод с своими единомышленниками, и готовил смерть Тому, Кто соделался невинным предметом беспокойства и ненависти для мрачной души его.

Когда начат Иисус творить же и учить (Деян. 1:1), одни обратились в Нему, другие вооружились против Него; одни Его слушали и поучались, другие искали уловить нечто от уст Его (Лк. 2:54). Кто же были сии недоброжелатели? – Книжники и фарисеи, которые выше себя никого не ставили, а сами были низкими рабами страстей, от истины свой слух закрыли и вникнуть в нее не хотели. Они повсюду преследовали Христа и распространяли в народе клевету, будто Он лстец и силой веельзевула творит чудеса.

Уже Спаситель был на кресте, но не умолкли и тогда пререкания о Нем. Один разбойник молился Ему; другой – злословил Его. Сотник взывал: воистину Сын Божий бе Сей; а книжники и старейшины, ручаясь, говорили: иныя спасе, Себе ли не может спасти (Мф. 27:42,54).

По вознесении Спасителя учредилась Его церковь; но не перестал Он быть предметом противоречий. Одни приняли Его учение, и за истину стояли до крови; другие не хотели вникнуть в сущность христианства, и считали суеверием то, чего понять не могли и не умели. Очевидные чудеса люди ожесточенные приписывали волхвованию. Христианство распространилось, а между тем отец (Диоскор), язычник, отсекал главу дочери (Варвары), христианки, и домашние вели родных на мучение. Так исполнилось слово Спасителя: не приидох вовреши мир, но меч. «Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь – с матерью ее, и невестку – с свекровью ее» (Мф. 10:34,35).

И ныне вера во Христа не производит ли разделение в семействах? Одни ли православные убеждения господствуют в обитателях одного дома и членах одного семейства? Не мыслит ли сын уже иначе, нежели как мыслил и веровал отец? Истинные христиане духом и истиною поклоняются Богу; иные, напротив, смотрят на божественный лик Спасителя, как на изображение простого человека. Одни с благоговением стремятся к чудотворным иконам, к святым мощам, своими глазами удостоверяясь, что и в наши поздние дни не пресекался ток чудес; другие или невежественно повторяют, будто ныне православной церкви нет на земле и благодать взята на небо, или в надмении односторонней учености непостижимые предметы веры согласны изъяснять всем, чем угодно, только не тем, чем должно.

И в этот век противоречий и сомнений, быть может, не одна полная священной ревности душа воздыхает и взывает: О, всемогущий Господи! Отчего не являешься Ты в громах и молниях, или в иных поразительных знамениях божественной Твоей силы, чтобы всех привлечь к истине, всех обратить к вере? – Для того, ответствуется нам, яко да откроются многих сердец помышления (Лк. 2:34); для того, чтобы до скончания мира имел силу вопрос: кого Мя глаголют человецы быти (Мф. 16:13)?

Действительно, хотя нам объяснено, в чем истинная вера, и чего нам держаться; но нужно для нас испытание: так ли мы веруем, как должно, и веруем ли, или хотим все постигать

умом? Свойство откровенного Богом учения таково, что всегда в нем есть нечто неудобопонятное и таинственное. Какое бы это было учение веры, если бы кто сказал: верьте, что огонь жжет, а вода сверху вниз течет. Это видит малое дитя, любя играть на воде; это оно легко узнает, однажды прикоснувшись в огню. Но когда нам говорят, что силою Божиею люди ходили по водам, и из огня выходили невредимы; здесь уже начинается испытание, настолько ли мы веруем в могущество Божие, чтобы такие чудеса почитать действительно бывшими, и такие происшествия истинно чудесными. В прикровенных предметах веры есть пища для ума, ибо если бы в ней все было ясно, то не о чем было бы ему размышлять; есть сладость для сердца, ибо оно ищет, где действует Бог, творя чудеса; есть основание заслуги, ибо человек на пути веры, побеждая сомнения, обнаруживает твердость души. Мзду получит не тот, кто видит, чего нельзя не видеть; а тот, кто верует, не оскорбляя неверием предметы, превышающие ум. Не с человеком советовался Господь, предопределив спасти его; но ведет его ко спасению при добровольном его согласии. Посему Он дал нам такую веру, в которой может всякий найти новой своему духу, но которая имеет и столько таинственности, что чрезмерная и легкомысленная взыскательность может на уме пытливом образовать кору, его ослепляющую. Но это вина самого человека, и вина непростительная: ибо на Святого Духа истины хулившему не останется во веки ([Лк. 12:10](#). [Мк. 3:20](#)). Таковы были упорные иудеи: силе нечистой приписывали они чудеса Христовы, уклоняясь вникнуть в сущность дела и понять, что не станет враг добра творить и ложных своих чудес для блага людей, не будет древний лжец посредством каких-либо знамений направлять неведущих к истине.

Христос Сам сказал: «блажен, кто не соблазнится о Мне» ([Мф. 11:6](#)). Посему блажен тот из нас, кто, подобно праведному Симеону, силой веры приобретет дерзновение, отходя ко Господу, сказать: «видели очи мои спасение Твое!». Аминь.

4. Слово в праздник Сретения Господня и в субботу мясопустную. (Второе).

Видесте очи мои спасение твое, еже еси уготовал пред лицом всех людей. (Лк. 2:30, 31)

Как в благозвучном пении голоса, то разделяясь, то сливаясь, исполняют одну стройную песнь, проникающую не только в чувство слуха, но и в сердце; или как струны, ударяемые руками искусными, издают различные и в то же время согласные между собою звуки, которые, переливаясь, уносят душу в иной не земной мир: так в православных храмах богослужебные действия то различаются между собою по различию дней и событий священных, то сближаются и даже иногда сливаются одни с другими, от чего бывает, что совершенно разнородные между собою обстоятельства воспроизводятся чином Богослужений в один или два близкие между собою дня. Ныне святая церковь воспоминает, как Спаситель, еще младенцем, принесен был, по закону, в храм Господень, и встречен был там праведными Симеоном и Анною; завтра чин Богослужения, песнопений и особенно смысл дневного Евангелия возведут нас к представлению, как нам неизбежно всем сретить Господа, грядущего судить живых и мертвых.

Не просто такое сопоставление воспоминаний церковных о сретении Иисуса Христа и Страшном Суде Его. Сближая в Богослужении сии события, чин церковный дает нам ту мысль, что сретением Господа, некогда бывшим в храме, предвозвещается иное сретение того же Господа при конце сего мира; внушается нам необходимость сего торжественного сретения. Спасение уготовано пред лицом всех людей; и все люди некогда должны явиться пред лицом своего Спасителя и Судии.

Иисус Христос, давший на Синае закон Моисею, Сам, в исполнение этого закона, ныне в храм приносится. Он ценою и жертвою выкупается, как первенец: потому что евреи, в память избавления из Египта чрез избиение первенцев, искупали у

Господа своих сынов перворожденных. Для чего же Спаситель показал пример такого строгого исполнения закона? Для того, чтобы нам внушить важность его исполнения и нравственную необходимость взыскания за его нарушения. Христос дал нам Свой новый закон; нет сомнения, что потребует и ответственности за него. Как не призрачно, но существенно явился Он в храме, с самых первых дней жизни Своей земной уча людей исполнять закон: так несомненно и торжественно снова явится Он, чтобы обнаружить пред всеми, кто как исполнял закон. Жизнь земная есть время испытания нашего, и когда сама земля прейдет и кончится возможность жить и грешить на ней, тогда явится и Мздовоздатель.

Многие любят в Евангелии те умильные, успокаивающие душу картины, в которых является Спаситель кроткий, милующий, исцеляющий, и боятся тех изображений, в которых Он угрожает нам, как всемирный Судия, страхом будущего Своего суда. Но в Евангелия нельзя верить одному, чтобы не верить и другому; все в нем писано, чтобы мы веровали. Иисус, кроткий Младенец, приносится в храм, и тут же сказано, что этот Младенец, лежащий в объятиях старца, лежит на падение многих (Лк. 2:34). В сем выражении уже заключается мысль, что Господь осудит тех, которые не хотели верить Его делам и слову. Так было возвещено в начале земной Его жизни; то же открылось и в конце. Когда с горы Елеонской Он стал возноситься на небо, явились ангелы изумленным ученикам Его и сказали им: «Что стоите и смотрите? Сей Иисус, Который возносится от вас, опять придет, в той же славе, в какой идет теперь на небо» (Деян. 1:11). Зачем же придет? Конечно не для второго страдания; следовательно для открытия праведного Своего суда (Рим. 2:5).

Спасение, которое видел старец Симеон, соделал Господь посреде земли, пред лицом всех народов. Все стихии потрясены были Божиим пришествием; весь мир поражен был новым учением. Однакож неверующие и сомневающиеся были и будут до скончания мира: ибо дело веры есть дело свободы. А где свобода, там и ответственность. Нужно посему торжественное обнаружение мыслей каждого, причин

маловерия и неверия, зависевших от свободной воли человека. Вера христианская есть вера всемирная, для всех стран и народов учрежденная Христом; посему и всякое оскорбление, ей неверием нанесенное, всемирного требует изобличения. Было время, когда приходил Искупитель, Который среди людей жил, с грешниками беседовал, больных исцелял, за всех нас пострадал и умер; будет время, когда Он явится как всемирный Судия, Который скажет заблуждавшим: «Я звал вас, и вы не послушали; простирали слова Мои в вам, и вы не внимали» (Притч. 1:24).

Если б не так ясно открывалось из Евангелия, что Младенец, принесенный ныне в храм и принятый во объятия Симеоном, есть наш единый Законоположник и Судия: то потребности души нашей, самая жизнь наша на земле требуют мздовоздаяния на небе.

Человек ищет совершенства и всегда боится ответа за себя. Его гордость ему не позволяет, или не вполне позволяет воспользоваться средствами, которые предлагает ему вера христианская. Между тем, падая, чувствует нужду исправить то, в чем погрешает; но видит, что жизнь многих оканчивается не успехами, а падениями. Потребность ответственности за себя, возмездия за протекшую жизнь, так глубоко во всех нас положена, что иные, в своей неготовности к ответу, мечтают, по смерти телесной, или снова возвратиться в жизнь земную, или поселиться на одном из светил небесных, воображая, что души грешные будут просвещаться там, но совершенно забывая, что даже в солнце, как были от начала темные пятна, так и доныне остаются в нем. Не внушает ли это, что никакое светило не просветит нечистой и темной души? не исправит ее по смерти ничто, если пятна пороков исказили ее? Как из земли взято тело и туда возвратится; так жизнь в этом теле есть время испытания для души. В каком теле она грешила, в том же, по воскресении, должна дать ответ: лежит человеку единою умереть, потом же суд (Евр. 9:27).

Далее, чувство правды неизгладимо в нас; а оно постоянно оскорбляется. Как бы ни был человеческий суд совершен: полной правды не будет на земле. Лицемерие, лукавство, ложь,

клятвопреступничество, клевета, пристрастие, мщение, корыстолюбие – все это такие враги правосудия, против которых не может с полным успехом бороться самый благонамеренный судья. Господи, – утомленный взывает он, – когда же будет конец всем неправдам человеческим? Когда виновные перестанут более называть себя невинными? Когда неправое дело потеряет возможность казаться законным? – Но этот голос уже давно раздается в целом мире, как в пустыне, и только тогда найдет себе отголосок, когда труба архангела позовет всех на суд.

Какова на земле правда, таково и счастье. Чем заслужил его один, и чем не заслужил другой, часто совсем бывает закрыто завесой Божиих судеб. Видим только, что и невинные страдают, и порочные благоденствуют. Стара эта истина, но не перестает проповедывать она, что должно быть не все кончится так, как начинается, что придут некогда в равновесие и добродетель и блаженство. Тогда развяжутся узлы, которыми скреплены были сети жизни человеческой; тогда спадет с очей наших завеса, и несчастная мать узнает, отчего она преждевременно лишилась сына, поверженный в нищету поймет, за что лишился богатства, неудовлетворенный в своих желаниях уверится, как многие предприятия его были легкомысленны и вредны. Тогда будет воздано каждому свое.

Некто пришел к одному пустыннику, и просил у него наставления. Старец² ему сказал: «В темнице преступники с трепетом спрашивают, когда и как их будут судить. Обличай и ты себя, говоря: как я предстану на суд Христов, и чем буду оправдываться пред Ним? Если об этом будешь помышлять, можешь спастись». Аминь.

5. Слово в праздник Сретения Господня. (Третье)

И бе ему обеща̀нно Духом Святым не видети смерти, прежде даже не видит Христа Господня. (Лк. 2:26)

Это было обещано праведному Симеону. Почему же ему дано было такое обещание?

Если скажем потому, что он чаял утехи Израилевой, что был Дух Святой в нем, сим еще вполне не разрешится вопрос. Ибо мнози пророцы, в которых несомненно был Дух Святой, и царие восхотеша видети Христа и Его дела, и не видеша (Лк. 10:24), и многие из ветхозаветных, послушествовани бывше верою, не прияша обетования (Евр. 11:39), – жили верою в грядущего Христа, но не сподобились Его видеть на земле телесными очами.

Умолчанное в Евангелии дополняется преданием, которое, заимствуя из древности, сообщает нам святой Димитрий Ростовский³. По его сказанию, праведный Симеон принадлежал к числу ученейших людей своего времени. Когда, по повелению Египетского царя Птолемея, предпринят был в Александрии перевод книг закона Моисеева и пророческих с еврейского языка на греческий, тогда в число седмидесяти двух толковников, на это дело избранных, включен был и Симеон. Трудясь над переводом книги Исаии, он дошел до сих пророческих слов: Се дева во чреве зачнет, и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил (Ис. 7:14).

Конечно, слова сии и прежде Симеону были известны, но необычайный внутренний их смысл, побеждавший законы естества и требовавший веры безусловной, поверг толковника в сомнение. Он до того колебался, что уже близок был к решимости совсем исключить эти слова в своем переводе. Тогда ангел является ему, и говорит: «Верь написанному. Ты сам увидишь исполнение сих слов, и не умрешь, пока не узришь Христа Господа, рожденного от чистой Девы».

Чтобы видеть Спасителя, Симеону дано было достигнуть необыкновенного в то время долголетия. Переживая своих сверстников, он понимал причину, почему как будто забывала

его смерть. Отсюда, между прочим, объяснить можно и то особенное чувство, с каким он воскликнул: Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко! Чтобы спокойно умереть, ему только недоставало увидеть Спасителя. Ожидание исполнилось; препятствие устранено, и Симеон, веру сохранив, скончался.

Случай, указуемый преданием в жизни сего праведника, внушительен для нас. Всякому человеку свойственно сомнение, но опасно упорство, чтобы не остаться в нем, и нужно размышление, чтоб выйти из него. Дерзко поступил бы тот, кто стал бы требовать видений и чуда, чтобы в вере утвердить себя. Ежели сомневающийся путем рассудительности захочет выйти из сомнения, для него достаточно исследовать, как Иисус Христос жил, чему учил, и что Он делал. Дела Его, можно сказать, суть продолжающиеся чудеса; а кто не хочет верить им, для того бесполезны будут новые. Усомнившемуся Симеону сказал голос свыше: «Верь написанному». Но что такое для всех нас есть Евангелие, как не голос свыше, который сердцам нашим говорит: Сия писана быша, да веруете (Ин. 20:31)?

Сорокадневного младенца Иисуса приносят в храм. Для чего это было нужно? – Для утверждения нас в том, что Христос, – как выражено в песнопениях нынешнего праздника, – «явился миру не мнением, ни привидением, но истиною». «Давый древле на Синаи закон Моисею, днесь Младенец видится, и закон исполняя в храм приносится»⁴.

Так углубляясь в смысл и прочих евангельских событий, каждый сомневающийся сам открыл бы себе путь к убеждению, что Христос есть истинный человек, в законе ветхозаветном родившийся, и ему повиновавшийся, и вместе есть Бог, творящий чудеса, из которых важнейшее есть чудо нашего спасения. Такое углубление в сущность предметов веры и знаменательных событий не только может уничтожать наши сомнения, но и служить оружием против проповедников неверия, которые самое существование Спасителя покушаются поставить предметом сомнения, и не знают никакого Бога, кроме своего ума.

Встретился апостол Филипп с Нафанаилом, и говорит ему: «Мы нашли Мессию; это сын Иосифа, что из Назарета».

Нафанаил возражает: «Из Назарета может ли быть что доброе?». Филипп на сие ответил: прииди, и виждь (Ин. 1:46). Во всеуслышание мы говорим: «Мы нашли Мессию; веруем в Господа нашего Иисуса Христа, истинного Бога и человека». Но нас уже не Нафанаилы, хотя сомневающиеся, однакож, правдолюбивые спрашивают, а решительные безбожники встречают насмешкою: «Из Палестины может ли быть что доброе от людей хитрых, каковы евреи, от общества первых христиан, которые поставили себе задачею навязывать всем свои убеждения?» – «Приидите, и посмотрите», – ответим и мы. Вникните в связь и сущность событий: за что Иисус Христос безгрешный пострадал? Какая цель Его чудес неложных ни в своей действительности, ни в своем величии? Говорил ли когда язык человеческий так чисто и духовно, как учил Христос, заповедавший нам даже врагов любить? Какую надобность имели апостолы следовать за Христом, когда их никто не принуждал к тому? Какие были у них средства распространять Его учение, когда во всем они терпели нужду, и не оставили никому никакого наследства, кроме духовного всему миру сокровища? Можно ли помыслить о малейшем с их стороны обмане, когда они апостольским трудам своим пожертвовали своим земным счастьем и самую жизнь? Что подвигло мучеников, между которыми было немало людей образованных и ученых, запечатлеть своею кровию свою ко Христу приверженность? Что, наконец, заставляет и нас любить православную веру, как не сердечная уверенность в чистоте и превосходстве этой веры, в которой да сподобит нас Господь скончать свои дни и, подобно Симеону, умирая, сказать: видят очи наши спасение Твое, еже еси уготовал не потаенно, а пред лицом всех людей. Аминь.

6. Слово на праздник Сретения Господня. (Четвертое)

И яко скончашася вся по закону Господню, возвратишася в Галилею. (Лк. 2:39)

Так написано об Иосифе и Марии Богоматери. Они не прежде отправились из Иерусалима в свое местопребывание, как совершив все по закону Господню.

Что же такое они совершили? Принесли младенца Иисуса в сороковой день по рождении в храм Иерусалимский, поставить Его пред Господем.

Закон требовал, чтобы родители, как скоро рождался у них сын, посвящали его Богу, и чтобы каждая мать, – потому что каждая во гресех рождает, – в сороковой день по рождении младенца приносила жертву об очищении своем.

Спаситель, как Богу Отцу единосущный и совечный, не имел нужды в сем обряде посвящения. Его Мать, как Приснодева, нетленная и пречистая, не имела нужды ни в каких средствах очищения.

Для чего же Она над Собою, и над Божественным Своим Сыном исполнила закон? – Для того, чтобы матерям христианским и всем нам показать важность церковного закона, и нашу обязанность соблюдать его.

Сорокадневный младенец Иисус принесен был в храм по обычаю законному. Сам безгрешный, Он повиновался сему закону, чтобы наше грешное естество очистить и Богу посвятить. Таким образом, нам даны право и пример, чтобы каждый христианский младенец был Богу посвящаем. Это и бывает, когда мать приносит в церковь свое сорокадневное дитя, и когда священник, подобно Богоприимцу Симеону, с молитвою и крестным знамением приемлет младенца, приближает его к святыне Господней, и сим обрядом воцерковляет его, вчиняет его в число членов церкви православной.

Обряд знаменательный и великий! Но как он над нами совершен, того мы не помним; как совершается над другими, редко кто заботится быть свидетелем.

Все младенцы христианские, как первенцы в духовном смысле, посвящаются Богу. Закон ветхий требовал, чтобы в память избавления от смерти первенцев израильтян, в то время, как погибли первенцы египтян, каждый первенец в семействе израильском посвящаем был на служение Богу, а впоследствии, когда составилось сословие левитское, они были искупаемы священной ценою. Соответственно сему, все христиане, ценою крови Христовой купленные, и с младенчества Богу посвященные, уже не свои (1Кор. 6:19), не на рабство страстям осуждены, но в свободу жизни чистой изводятся и призываются Бога прославлять в телах своих и душах своих. О Спасителе сказано: отроча, после принесения в храм Господень, растяше и крепляшеся духом, исполнялся премудрости (Лк. 2:40): так и в нашем воцерковлении дан был нам залог укрепления духовного, просвещения от света благодатного, возрастания в вере и добре. «Ты ведешь его, новопросвещенного крещением, – говорит св. Иустин мученик, – в собрание наше, в церковь, где совершаем общее моление, чтобы и ему и нам быть добрыми гражданами и исполнителями заповедей». Итак, воцерковление есть введение всякого крещенного в Общество верующих, церковь составляющих, чтобы он исполнял то, чего требует она, чтобы повиновением святому закону служил Богу.

Совершается обряд, но теряется его значение. Исполняется буква закона, но не проникает в душу нашу дух его, и мы не хотим поглубже размыслить: к чему обязывает нас наше состояние по вере, и к чему мы призваны?

Оканчивает девица свое воспитание, и мать вводит ее в общество. Юной посетительнице собраний внушено, что ей нельзя избегать их и что в них нужно держать себя прилично; и она не простила бы себе, если б в каком-нибудь движении, во взоре, случайно брошенном слове, отступила от уроков матери и от требования приличия. Воцерковляется христианская душа: ей внушается, чтобы она уважала и хранила правила, на которых учредилось и существует православное общество. Что же, соблюдает ли она, чего требует дух христианского приличия? Верна ли урокам своей матери – церкви? Старается

ли быть угодною, уже не людям светским, а небесному Жениху? – Каждый, кто делается членом какого-либо общества, спешит понять устав его, чтобы действовать в пределах этого устава. А человек, принадлежащий к церкви православной, считает как будто себя в праве нарушать ее уставы. Или иной скажет, что в православие записан в детских летах? – Детская и насмешливая отговорка! Во-первых, Православная Церковь не принуждает никого, чтоб именовался православным лицемерно и притворно; во-вторых, наше православное общество основано на таких чистых, безукоризненных и незыблемых началах, что нет на земле выше чести, как именоваться и быть истинно православным. Какая же более общая причина, что члены одного и того же христианского общества не одинаково смотрят на закон церковный, а иные и совсем им пренебрегают? – О сем святой Василий Великий так рассуждает: «В иных художествах и науках большое примечаю я согласие между теми, которые, как должно, ими занимаются; в одной только церкви Божией увидел я чрезвычайное у людей разногласие. В недоумении, какая бы причина сего зла, пришло мне на память изречение из книги Судей: Всяк, еже угодно пред очима его, творяше, яко в тыя дни не бяхе Царь во Израили (Суд. 21:25). Не от того ли, думал я, и между членами церкви Божией несогласие, что отступают от учения единого Царя Христа, и собственные мысли и положения выдают за истину, и хотят лучше властвовать над умами других, вопреки Господу, нежели быть под властью у Господа»⁵.

Если б только по слабости человеческой нарушаемы были заповеди церковные, это было бы не так опасно. Хуже то, когда смотрят на них презрительно.

Православным заповедуется ходить чаще в храм, и особенно в праздничные дни. «Можно, – говорят, – молиться дома!» – Можно и дома, но должно и в храме: потому что храм – Сам Бог назначил и назвал домом молитвы (Мф. 21:13. Ис. 56:7).

Заповедует церковь соблюдать посты. Спрашивают: «для чего это?» – Для подвига, для очищения духа. Но поверить этому и испытать это не хотят, а спрашивают, чтобы только уклониться от поста.

Требует церковь, чтобы люди неопытные не читали книг еретических и вольномысленных. Иной православный спросит с удивлением: «ужели есть такая церковная заповедь?» – Не только есть, но если б соблюдалась, меньше бы ходило в нашем обществе заблуждений, и молодые нравы не клонились бы к упадку.

Так люди нынешнего века только то считают законным, что пред очами их угодно, а что церковь есть духовное царство, где Царь – Христос, и в уставах ее святой закон Его, – о том и не думают.

Но есть между нами мнительные души, которые хотя и уважают заповеди и уставы церковные, однако так боятся их тяжести, что считают их почти неудобоисполнимыми для себя в оковах суеты житейской. Им хочется соблюдать закон церковный, но по обстоятельствам домашним и общественным нередко и невольно нарушают его, и от того впадают в уныние.

Эти люди действительно требуют доброго участия, и их может поддержать совет, данный одним великим старцем своему ученику, который обратился к нему с сердечной печалью и такою мольбою:

«Отец мой святой! Испроси ты мне у Бога силу. Что я заповедую себе, будучи один, того не исполняю, когда схожусь с другими, и боюсь, чтоб мне не привыкнуть, согрешая, только раскаяваться, а не исправляться».

Старец на это отвечал: «Делай должное по силе твоей, храня заповеди отцов твоих. Если увлечешься: постарайся управить себя. Такому человеку не обратится в привычку падать, и не одолеет им нерадение. Не ослабевай, но, доколе имеешь время, делай, смиряться, будь послушен, повинуйся, непрестанно говори: Иисусе, помоги мне! И поможет тебе Бог, дающий смиренным благодать»⁶. Аминь.

7. Слово в праздник Сретения Господня. (Пятое)

И та вдова, яко лет осмдесят и четыре, яже не отхождаше от церкви, постом и молитвами служащи день и ночь. (Лк. 2:37)

Между лицами, которые находились в храме Иерусалимском, когда сорокадневный младенец Иисус принесен был туда, упоминается Анна, прозванная пророчицею, потому что в то время говорила о Христе и будущих действиях Его, как Спасителя мира.

Ее достоинство евангелист поставляет в том, что она не отходила от церкви, постом и молитвами служа Богу день и ночь.

Что пребывание в храме и в молитве угодно Богу, – против этого едва ли станут спорить и ленивые молиться. Но как служить Богу посредством поста, – это не совсем ясно понимают многие и из тех, которые сами соблюдают посты.

Если, по установлению церкви православной, праздник Сретения Господня ежегодно сближается с великим постом, а ныне совершается даже в преддверии его: то не бесполезно и очень прилично теперь заняться вопросом: как христианин постом своим служит Богу?

Когда смеются над постящимися, то защитники устава церковного спешат оговориться, что истинный пост состоит не в лишении пищи, или худом качестве ее, а в обуздании страстей и делах богоугодных. В такой защите есть односторонность. Правда, церковь приглашает: «постяся, братия телесно, постимся и духовно»⁷. Но от этого напоминания не теряет значения тот строгий пост, под которым должно разуметь или совершенное и довольно долгое неядение, или весьма воздержное вкушение сухих и малопитательных снедей. Такой, буквально принимаемый пост важен и как прямая жертва Богу, и как пособие к тому, чтобы другими святыми делами угодить Ему.

Верный воин несет изнурительные труды, готов на всякие лишения, иногда по целым дням не пьет, не ест, особенно если видит, что и начальник его разделяет с ним тяжесть военной

службы. Все это по долгу присяги земному царю. Не тоже ли касается всех нас христиан, которые вписаны в службу небесному Царю? Лучшим свидетельством нашей верности Ему служат труды и лишения, если подъяем их, последуя заповедям Его и примеру. Он сорок дней постился, и нам заповедал: «смотрите за собой, чтоб сердца ваши не отягчались объядением» (Лк. 21:34). Вкушая Сам с учениками пищу, Он однако же дал предуказание, обязательное для Его последователей: егда отъимется от них Жених, и тогда постятся (Мф. 9:15). Теперь наступает время воспоминаний о том, как Он чрез страдания и смерть разлучен был с друзьями Своими. Пойдет ли на ум пища, когда оплакивается кончина близкого, любимого родного? Простительно ли, чтобы воспроизведение дней поста Христова, последних событий земной жизни Спасителя, сопровождали христиане пресыщением и веселием, а не печалью и постом? Когда человек живее способен вспомнить Бога, – тогда ли, когда голоден, или когда пресыщен? По крайней мере, в Писании встречаем прямую жалобу на сластолюбивый народ иудейский, который, слепо и жадно предавшись чревоугодию, забыл о Боге Промыслителе: яде Иаков, и насытися, и отвержеся возлюбленный; уты, утолсте, разшире; и остави Бога, сотворшаго его, и отступи от Бога Спаса своего (Втор. 32:15). Подобное предсказано и о последних временах, когда будут человецы, между прочим, невоздержницы паче, нежели боголюбцы (2Тим. 3:1 и след.). По правилу святых апостолов 69-му, подлежит отлучению, кто не постится в святую Четыредесятницу. Следовательно, тот не есть вполне православный христианин, в строгом смысле сего слова, кто не по немощи телесной, а по своеволию не соблюдает великого поста.

Скажут: «можно и постной пищи много есть, и за скоромным столом соблюдать воздержание».

Что ж из этого? – Церковь, узаконив пост, не покровительствует многоядению, а назначая пищу растительную и сухую, указывает в ее малой питательности двоякую пользу, – именно укрощение страстей и пособие к занятиям духовным.

У святых отцов есть прекрасное сравнение. Когда полководец хочет взять неприятельскую крепость, прежде всего ищет, нельзя ли удержать воду и съестные припасы, и неприятель, побуждаемый голодом, скорее сдается. Так бывает и с плотскими страстями. Когда держат пост: они слабеют и умолкают⁸. Напротив, кто пресыщает свое чрево, и однако ж мечтает победить чувственные страсти, тот подобен человеку, который погасить хочет пожар маслом⁹. Посему в самый первый день четьиредесятницы нам возвещается в храмах: «Прииде пост, мати целомудрия». Неправильно было бы считать такое укрощение страстей боязливым и невольным. Человек тем и отличается от животных, что благоразумно и свободно может управлять своими склонностями, уравнивать естественные потребности, подчинять низшие высшим и слепые благородным. Чревоугодник подобен тяжело нагруженной ладии, которая глубоко в воде сидит: он близок к опасности погибнуть в греховных волнах. Могут быть и у постника свои тонкие страсти; но только тогда, когда он не понимает значения поста и налагает его на себя самонадеянно. Несмотря на то, остается несомненным, что постящийся освобождается из рабской зависимости от вожделений чувственных, и потому более способен в делах чистым и богоугодным.

Возьмем простой пример. Отчего судии и делопроизводители, а также люди ученые и учащиеся являются в свои места утром, и, занимаясь, иногда до позднего часа, остаются без пищи? – Ответ незатруднителен: всяким важным, сложным, требующим умственной работы, делом, лучше заниматься до обеда, не после обеда. Блаженный Иероним сказал: «От сытого чрева не жди чистого ума»¹⁰. Если же так на службе гражданской и в деятельности ученой: дела ли наши христианские, обязанности ли церковные до того неважны, чтоб для их выполнения успешного не нужно было нам прибегать к воздержанию? – Когда молиться легче, и молитва чище: тогда ли, как сытость клонит ко сну, или когда чистота желудка, и тихое, неразгоряченное движение крови успокаивают воображение, и даже помогают душе ощущать сладость священного умиления? Кто сам добровольным неядением

смиряет свое тело, тот по своему опыту может вернее судить, как тяжело нищему поневоле терпеть голод. И тогда как пресыщенный голодного не понимает, постящийся щедрую милостыню расточает бедным. Так, при посредстве поста, приучаемся служить и угождать Богу добрыми делами.

А для тревожно жизнелюбивых и малодушно боящихся смерти не излишне напомнить, что Анна пророчица хотя жизнь вела в посте постоянном, однако же более восьмидесяти лет жила. И это не единственный пример. Ясно, что если кто воздержен и постится ради Бога, получить может в награду долголетие и дожить до глубокой безболезненной старости. Аминь.

8. Слово на праздник Сретения Господня. (Шестое)

Бе повинуюся има. (Лк. 2:51)

Евангелист Лука, повествуя о принесении Иисуса Христа во храм и умалчивая о бегстве Его в Египет, бывшем после того, замечает вообще, что Иосиф и Мария имели жительство в Назарете, и что там, пребывая с ними неразлучно, возрастал отрок Иисус.

Какое же там было Его воспитание? – На этот вопрос тот же евангелист отвечает кратко: бе повинуюся има.

Итак все Его воспитание было повиновение, – и кому же? – Мнимому отцу и смиренной Матери. Какой урок нынешнему времени, когда средства воспитания расширяются и умножаются, а повиновение детей родителям со дня на день слабеет!

Действительно, не составляют редкость ныне молодые люди, которые смотрят на отцов своих не более, как на своих предшественников в общем нарождении и вымирании рода человеческого. Для них ничего нет внушительного в том, что их родители предупредили их на дороге жизни; по их мнению, чем люди старше, тем больше они отстали от духа и выгод современности. Незрелый юноша в присутствии родителей не стыдится говорить о таких предметах, о которых и думать ему бы рано; с пренебрежением и скукою выслушивает отца и мать, и не щадит их, если замечает слабости за ними.

Для христиан высочайший пример есть Иисус Христос, который Сам благоволил прожить на земле тот возраст, когда люди особенно подвергаются преткновениям и ошибкам – именно возраст младенческий, юношеский и отчасти мужеский. По силе Своего божества, Он двенадцати лет удивил ученых Своей премудростью и разумом (Лк. 247); а как Сын бедных родителей, Он подчинился условиям простого семейного быта. Иосиф, занимавшийся ремеслом плотничным, в те же занятия ввел Иисуса Христа, и есть предание, что божественный Архитектон, по смерти Своего мнимого отца, еще продолжал труды древоделия, по желанию пречистой Своей Матери,

оставаясь с ней. Для чего же все это, как не для того, чтобы Своим примером освятить и поддержать древнюю заповедь: «Чти отца твоего и мать»?..

Никакое воспитание невозможно без послушания. Когда человек учится, непременно кого-нибудь слушает – учителя, книгу, собеседника. Где же дитя лучше может привыкнуть послушанию, как не в сближении с своим отцом и в объятиях своей матери? Это первая, по обнаружению, добродетель человека. Никто не учит младенца слушаться отца и матери: а первые движения его развивающегося ума и невинного сердца выражают именно его доверие, любовь и покорность к ним. Посему, кто не оставляет навыка слушаться родителей, тот легко делается нежным семьянином и человеколюбивым деятелем в обществе. Трудно, напротив, ожидать добра от такого юноши, который в дерзостях, какие делает родителям, находит удовольствие, и в насмешках над ними изощряет свое остроумие.

Обязанность повиновения родителям, по своему столь важному значению, и в Священном Писании нередко напоминает детям: чада, послушайте своих родителей во всем: сие бо угодно есть Господеву (Кол. 3:20). Чада, послушайте своих родителей о Господе (Еф. 6:1). Объясняя сии апостольские слова, святой Златоуст поучает: «Какое твердое основание для жизни в почитании родителей! Они для нас после Бога главные виновники жизни; они же первые имеют право на наше уважение. Если кто непочтителен к родителям, тот будет ли когда-нибудь таковым в отношении к сторонним лицам?».

В извинение себя иные говорят, что отказывают родителям в послушании за неосновательность их требований, в уважении – за их слабости и недостатки. Что касается исполнения требований, то действительно нужно повиноваться о Господе, то есть, доколе они не противны прямой воле Божией. А уважать отца и мать не потому только должно, что они нравственно хороши, но и просто потому, что они родители. – Всем сердцем твоим почитай отца твоего, и матерних болезней не забуди. Помяни, яко темя рожден еси, и что има воздаси,

якоже они тебе? (Сир. 7:29,30). Если иным нравится душевные действия изъяснять силами природы и законами вещества, то почему же такие умствователи ленивы соблюдать тот закон природы, который нудит нас почитать родителей? Ибо к ним привязанность есть чувство, всем врожденное, и оно столь сильно в нас, что мы расположены и о тех животных лучше думать, которые продолжительнее и яснее выражают свою любовь к родившим их. Но в роде человеческом связь между родителями и детьми ближе, прочнее, разумнее и священнее, так что бесславие отца падает и на сына, по замечанию Премудрого: «Не ищи славы в бесчестии отца, и обесславленная мать – детям позор» (Сир. 3:10,11). Посему, не осуждать родителей за их слабости, а снисходить к их недостаткам – свойственно детям. Если Хам дурно поступил, что не покрыл наготы отца телесной, то не более ли низки и бесстыдны те дети, которые намеренно открывают нравственное безобразие своих родителей? Каковы бы они ни были, им власть над детьми Богом дана. Ибо сказано: «Господь поставил отца над детьми, и дал матери суд над сыновьями» (ст. 9). (Сир. 3:2)

Много хвалится нынешний век образованностью и человеколюбием. Но это не мешает взрослым детям напомнить совет древней и священной мудрости: «Чад! Не отвергни в старости отца своего, и не оскорбляй его в животе его. Если и разумом оскудеет: снисхождение имей, и не презирай его в полноте твоей силы» (Сир. 3:12,13). Аминь.

9. Слово на праздник Сретения Господня. (Седьмое)

И еже дати жертву, по реченному в законе Господни, два горличища, или два птенца голубина. (Лк. 2:24)

Закон Господень требовал, чтобы мать после рождения сына, в сороковой день, приносила в храм жертву очищения, состоявшую из одного ягненка и молодого голубя, или горлицы, а в случае бедности, только из двух горлиц и двух голубят. И сам новорожденный, если он первенец, посвящаем был Господу.

В исполнение сего закона Иисус Христос, в сороковой день по рождестве Своем, принесен был во храм Иерусалимский, что воспоминается нынешним праздником.

Какое же значение для нас имеет закон о жертвах, которому подчинялся сам Христос?

Жертвы ветхозаветные сами по себе не имели бы никакого значения, если б не указывали на искупительную жертву Христову. Иначе осталось бы непонятным, как пролитие крови животных и сожжение их может способствовать очищению грехов человеческих. Святой Златоуст рассуждает: «Не сами по себе жертвы были приемлемы, но были приятны ради первообраза. Ибо на всех их печатлеется образ Христа. Закалался ли овен? Он был образом заклания Христова. Телец, юница, голубь, горлица, или другое что приносимо было в жертву, все имело отношение к Спасителю»¹¹. Чрез свое по закону жертвоприношение люди выражали и сознание своей греховности, и свою веру в Искупителя, Который Един может очищать грехи.

Для чего же сам Христос подчинился жертвенному закону? – Конечно, не для Себя. Родившись безгрешно, Он не имел нужды, как и Его Пречистая Матерь, в очищении. Но Он исполнил, по реченному в законе Господни, все ради нас грешных, чтобы взять на Себя наши грехи, понести наши немощи, и подать нам пример строгого повиновения закону.

Один святой отец сказал: «Жертвы ветхозаветные и всесожжения были преобразованиями душ, желающих спастись

и принести себя в жертву Богу»¹².

Не приносится ли как жертва Богу новорожденное дитя, когда мать, в сороковой день по рождении его, приносит его в храм Господень, и когда священник, воцерковляя его, возглашает о нем в молитве: «Господи, Боже наш, в čtyредесятый день во храму принесенный от Марии, и во объятиях праведного Симеона носитися изволивый! Сам и сего Младенца, принесенного явитися Тебе, благослови и на всякое дело благое его возрасти».

Что в младенчестве сделано с нами, по вере и благочестию родителей, то с возрастом должно быть усвоено нами добровольно и с убеждением сердечным. Апостол Павел внушает всем христианам: «Представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего» (Рим. 12:1). Вся жизнь христианина должна быть единым разумным служением Богу. Как принадлежностью богослужения ветхозаветного были жертвы кровавые; так жизнь богоугодную христианскую составляют жертвы духовные. Они суть все те наши действия и подвиги, в которых мы, из уважения к евангельскому закону, преломляем свою волю, препобеждаем греховные свои желания. Ибо как в ветхом завете для жертвоприношения закалалось животное; так в христианстве, для жертвоприношения духовного, закалается в природе нашей все чувственное и страстное. Посему напоминает нам в Писании: Умертвите уды ваши, сущия на земли, – страсть, похоть злую (Кол. 3:5). Жертва Богу дух сокрушен (Пс. 50:19), – дух покаяния, от греховных помыслов и увлечений очищенный.

Если каждый верующий в ветхозаветной церкви обязан был приносить жертву; то мудрость Законодателя предусмотрела и устроила, чтобы ни для кого не было затруднительно приобретать нужное к жертвоприношению животное. Никакой нищий не был лишен этого утешения. Много ли надобно, чтобы купить двух горлиц, или двух птенцов голубиных? Так и христианские жертвы духовные столько же для души верующей обязательны, сколько для нас удобны, чтобы каждый мог приносить их Богу, как собственность свою. Кому, например,

неизвестны кротость горлицы и чистота голубя? Не нужны деньги, чтобы приобрести эти прекрасные качества и другие добродетели. Нужна твердость воли, потребно теплое усердие, чтобы приносить те духовные жертвы, которыми благоугождается Бог (Евр. 13:16).

Итак, настоящий праздник побуждает и нас дати жертву, но по реченному не в законе Моисеевом обрядовом, а в евангельском, где сам Христос нам сказал: Аще любите Мя, заповеди Моя соблюдайте (Ин. 14:15). Аминь.

10. Слово на Сретение Господне, в среду сырной недели. (Восьмое) Лукаво мудрование чревоугодников

Не входящее во уста сквернит человека, но исходящее из уст, то сквернит человека. (Мф. 15:11)

Ныне праздник Сретения празднуется на сырной неделе, пригласительной к великому посту. И самый этот праздник наводит на нас мысль о нашей обязанности поститься. Сему поучает нас Анна пророчица, которая при других своих подвигах служила Богу и посредством поста. Иисус Христос, принесенный ныне во храм, как сорок дней постился в пустыне; в память чего и учрежден у нас великий пост.

Но как лукаво чревоугодие! Примеру постившегося Спасителя оно хочет противопоставить Его учение; в Его словах старается уловить предлог к уничтожению постов. Сказал Господь: «Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что исходит из уст, оскверняет человека». Из сего заключают, что все можно есть во всякое время, только бы душа была чиста.

Такое заключение противно смыслу изречения Христова. У евреев строго соблюдаем был обычай умывать руки пред вкушением пищи. Апостолы от сего обычая нередко отступали не намеренно, а случайно¹³. Замечая это, книжники и фарисеи спросили Христа: зачем Его ученики нарушают предание старцев, и не умывают рук, когда едят хлеб. Апостолы не запрещенную пищу ели, иначе бы фарисеи не умолчали, а дозволенную. Посему вопрос возбужден о нарушении не закона относительно пищи, а предания об умовении рук пред вкушением ее. Спаситель, обличив вопросивших, как сами они лицемерно извращали важнейшие заповеди, сказал во всеуслышание народу: «Не то, что входит в уста, оскверняет человека», – не то, что употребляется в пищу, само собой делает его нечистым, но то оскверняет его, что исходит из его уст, а из уст исходят дурные сердечные помышления. Господь

сими словами касается не нравственного или церковного различия пищи, не разборчивости в ней, заповеданной законом, но только самого ее вещества, входящего в наше тело для его питания. Чисто ли пища приготовлена, или неопратно, умытыми или черными руками берет ее человек, – это неважно. Если бы нечистота рук и пристала к ней, то не приразилась бы к душе, и самая пища, как дар Божий, не теряет своего достоинства от нечистого ее приготовления и принятия. Кому не случалось видеть, как земледельцы летом в поле едят свой хлеб, держа его в руках, замаранных землею? Мало ли таких работ и ремесл, что люди трудящиеся совсем и не могут отмыть своих рук? Разве это вменяется им в грех? Нисколько. Но если бы кто из них замышлял худое, стал бы сквернословить, обижать других; чрез сие он бы изобличился, что у него душа нечистая и порочная. «Ибо, – говорит Спаситель, – из сердца исходят злые помыслы, убийства, кражи, любодеяния, лжесвидетельства, хуления. Сие оскверняет человека, а есть неумытыми руками не оскверняет человека» (Мф. 15:19, 20).

В сем именно смысле наставление Спасителя о пище поняли ученики Его, и потому продолжали держаться законной разборчивости в ней. Уже по вознесении Господнем, апостолу Петру было видение, образно внушавшее ему принимать в новозаветную церковь всяких язычников. С неба спустилось полотно, на котором были животные четвероногие, птицы и пресмыкающиеся. Апостол слышит голос: Петре! Заколи и яждь. Но он усомнился и сказал: «Господи! Ничто скверное или нечистое никогда не входило в уста мои» (Деян. 10:5 и след.). Если бы Спасителем было совсем отменено нравственное различие пищи, и каждому во всякое время не предосудительно было есть что угодно; почему же апостол Петр не решался вкусить то, чего прежде не вкушал, и для чего свидетельствовался совестию, что ничего нечистого никогда не ел?

Последуя учению Христову, апостол Павел говорит: Брашно нас не поставляет пред Богом, само чрез себя не приближает нас к Нему. Ниже бо, аще ямы, избыточествуем; ниже, аще не ямы, лишаемся (1Кор. 8:8). Кто, например, имеет всегда

хороший стол с дорогими яствами, ничего не приобретает чрез это для своей духовной жизни; и тот, кто довольствуется пищею простою и дешевою, ничего не лишается в стяжании благ духовных. Но далее предостерегает апостол, как бы свобода в пище не повела нас ко греху. Все зависит от мысли каждого, от того значения, какое придает совесть подлежащему роду пищи. В природе нет ничего нечистого; но делается что-либо нечистым по недоброму намерению и преслушанию человека¹⁴. От того и пища позволительная может оказаться законопротивною. Сам апостол связал о себе: Аще брашно соблазняет брата моего, не имам ясти мяса вовеки (1Кор. 8:13). Он изъявляет готовность отвязаться от употребления вещи позволительной, чтобы только не соблазнить ближнего, и указывает на мясо потому, что оно было (1Кор. 8:7; 10:28) и может быть предметом греха и соблазна. Следовательно, когда мясо вкушать, и когда не вкушать, это зависит от христианской совести, которая должна руководиться законом евангельским и церковным.

Когда Христос говорил, что не входящее в уста сквернит человека, Он восставал не против только брезгливости в употреблении пищи, но и против лицемерного пощения. Постился фарисей два дня в неделю; однако же он осужден. Какая и ныне польза тому, кто стал бы соблюдать церковные постановления о пище, чтобы только казаться благочестивым? Пост назначен быть пособием истинному благочестию; он «есть узда греха»¹⁵. По мере того, как человек лишает себя утучняющей пищи и разгорячающего питья, порывы страстей слабеют. Осажденный город сдается, если жители его терпят недостаток в съестных припасах. Так и плотские страсти, если человек подвизается в посте, теряют свою силу¹⁶.

Последуем же гласу матери нашей церкви: «Постом очиститися потщимся от скверны прегрешений наших, да нас мучительствующую плоть поработивше, достойни будем причастия Агнца, за мир закланного Сына Божия»¹⁷. Аминь.

11. Слово в день Сретения Господня. (Девятое) Отменение ветхозаветного закона обрядового

По нужди и закону пременение бывает. (Евр. 7:12)

Слова сии мы ныне слышали в апостольском чтении. Какое же они имеют отношение к нынешнему празднику, и какое употребление у нас в общежитии?

Апостол Павел говорит о перемене закона обрядового, а не какого-либо другого. Под именем обрядового закона разумеется состав постановлений относительно ветхозаветного жертвоприношения, – кто, когда и что должен был приносить, и какие были обязанности священников и левитов. Чтобы объяснить евреям, как утратил значение этот обрядовый закон, апостол указывает на его зависимость от священства. Священники, начавшись от Аарона, поставляемы были, еже жречествовати, и доколе они преемственно существовали, дотоле и самое жертвоприношение могло продолжаться. Прелагаему же священству, по нужди и закону пременение бывает. Переменилось священство: возстал иной Первосвященник не по чину Ааронову, а Мельхиседекову, Архиерей великий, Иисус Сын Божий. Он учредил новозаветную церковь и дал ей апостолов и пастырей, от которых по преемству рукоположения происходят и поныне архиереи и священники. При появлении новозаветного священства, переменился и закон о жертвоприношении. Прежде назначались в жертву даже и животные, ныне хлеб и вино; прежде жертва кровавая, а ныне бескровная; прежде огонь и сожжение, а ныне Святого Духа наитие. Христос на тайной вечери Свою литургию совершил, и при новом священстве Христовом невозможно было старым жертвам оставаться. Так, с переменою священства надлежало быть перемене и закона.

Когда Христос родился, закон обрядовый имел еще свою силу. В том законе предписано, чтобы первый у родителей сын посвящаем был Богу (Исх. 12:2). Хотя Христос – сам законодатель, но сему установлению подчинился, чтобы нам дать пример повиновения закону. Он «законным повинуетя

велением, нас ради, и закон исполняя, в храм приносится»¹⁸. От матери, в сороковой день по разрешении, требовалась жертва очищения, – две горлицы, или два голубиных птенца (Лев. 12:8), – что исполнила и Божия Мать, хоть и пречистая. Но поелику священство изменилось; то не требуется ныне никакая жертва от матерей-христианок. Каждая христианка, в сороковой день по рождении своего дитяти, приносит его в храм для воцерковления: священник вчиняет его в общество верующих для служения Богу, а родившую благословляет участвовать в церковных молитвах. Так, с переменю священства ветхозаветного на новозаветное, необходимо было перемениться и закону об очищении.

Между тем словам: по нужди и закону пременение бывает, дают совсем иной смысл, а именно: будто бы нужда сильнее закона и отменяет его. Что же происходит от такого превратного толкования?

Уличается вор в краже. Его спрашивают: что понудило его нарушить закон? Он отвечает: «Нужда заставила; есть нечего; одеться не во что. По нужде и закону пременение бывает».

Иной в тесных обстоятельствах прибегает к обману, дает обещания, которых исполнять не станет; просит в долг, никогда не думая отдавать его; рассказывает о несчастьях, которых не было, чтобы только выпросить себе пособие. Ему говорят, что так поступать бесчестно, а он объясняется, что нужда побуждает прибегать к хитрости: «по нужде и закону пременение бывает».

Есть, которые любят рассуждать о различии яств и о степенях поста по церковному уставу; а как скоро приходится им быть в веселом обществе, на гостеприимном пиршестве, легко забывают и умеренность, и различие блюд постных от скоромных, и после извиняют себя тем, что связями с добрыми людьми надобно дорожить, – что «по нужде и закону пременение бывает».

Нет, – повторять, что нуждой отменяется закон, значит тоже, как если бы кто сказал, что по нужде можно быть и бессовестным. Основные требования закона начертаны в нашем сердце, хранятся в нашей совести. Если б и никто человека не учил, сама совесть напоминает ему: «не проливай

крови ближнего, не бери чужого, не обманывай, не делай никому, чего себе не хочешь». Нужда может иногда смягчать виновность преступлений, но не уничтожает силы закона. «Не спускают, – сказано в Писании (Притч. 6:30), – и тому вору, который крадет, да насытить душу свою алчущую», но гораздо большего заслуживает взыскания, кто делает большие кражи, чтобы этим способом вести жизнь роскошную и развратную. На таком различии виновности и основывается различная мера церковных и гражданских наказаний за преступления. Но если бы за иной грех и не могло быть взыскание по суду, и если б он допущен был по нужде: то нет такой нужды, которая бы избавляла нашу совесть от упреков за него. Мы молимся, чтобы Господь очистил грехи наши не только вольные, но и невольные, в которые впадаем внезапно против желания, но неведению и неосмотрительности (Числ. 15:27. Евр. 12:1). Грехи невольные потому и тяготят душу, потому и требуют очищения исповедью, что закон Господень непреложен, и ему ни по какой нужде пременение не бывает, и не будет до скончания мира. Аминь.

12. Слово в день Сретения Господня. (Десятое)

И благослови я Симеон. (Лк. 2:34)

При сем евангельском упоминании возбуждается вопрос: как же старец Симеон мог благословить Матерь Божию, которая выше херувимов? – Без всякого прекословия меньшее от большего благословляется (Евр. 7:7).

Есть предание, что этот Симеон был священник; почему и в песнопениях церковных он называется иереем, священником, святителем: «Неискусобрачная Матерь младенца – Законодавца принесе старцу-святителю; подаяше рукам старца-иереа»¹⁹. Посему он имел право священнически благословить и Деву Марию, как всякую дочь иудейскую.

Откуда же получили священники право благословлять, и какое имеет значение их благословение?

Еще в ветхом завете учредил сам Господь иерейство людей, и дал сим лицам право служить Ему вкупе и священствовать, и благословляти люди Его именем Его (Сир. 45:8,9). Как Аарон и его преемники должны были благословлять народ, – это также было определено самим Богом. Сице благословите сыны Израилеви, глаголюще: да благословит тя Господь, и сохранит тя. Да просветит Господь лице Свое на тя, и помилует тя. Да воздвигнет Господь лице Свое на тя, и даст ти мир. И да возложат имя Мое на сыны Израилеви, и Аз Господь благословлю я (Чис. 6:23,27).

Христос Спаситель, дав пастырей, даровал им и право благословлять верующих. Видимый знак Своего благословения Он показал на детях, когда возложь руце на них, благословляше их (Мк. 10:16). Потом при вознесении, окруженный верными Своими последователями, Господь воздвиг руце Свои, и благослови их (Лк. 24:50). Так стали благословлять апостолы и их преемники; только руковозложение вскоре заменилось знаменiem крестным. Сей образ благословения донныне сохранился, по непосредственному преданию. Святой Василий Великий замечает: «благословляем воду крещения и елей

помазания, еще же и самого крещаемого, – по преданию умалчиваемому и тайному» (О св. Д. гл. 27).

Пастырское благословение имеет свое духовное значение. Христос, благословляя апостолов, изрек им: примете силу, нашедшу Духу Святому на вы (Деян. 1:8). Так и пастырь, благословляя именем Божиим, призывает на благословляемых силу Божию, освящающую, помогающую, охраняющую и утешающую. Как действует сия сила, то зависит от веры приемлющего благословение. Но примечательно, что издревле народ неудержимо стремился к лицам священным, чтобы осениться крестным знамением от их рук. «Цари и князи, – свидетельствует святой Амвросий Медиоланский, – удостоивали преклонять свои выи пред священниками, и целовали их руки, в надежде оградить себя их молитвами» (О дост. свящ. гл. 2). Кто подходит под благословение, тот очевидно делает это из уважения к сану. А почтение к священному сану неразрывно и с благоговением к Богу. В Писании сказано: всею душею твоею благоговей Господеви и иереи Его чти (Сир. 7:31). Поясняя сие, Златоуст говорит (на 2 Тим. бес. 2, отд. 2): «Кто почитает священника, тот будет почитать и Бога; а кто стал презирать священника, тот мало-помалу дойдет и до оскорбления Бога. Хотя бы священник был и неблагочестив, но Бог, видя, что ты из благоговения к Нему, почитаешь даже и недостойного чести, Сам воздаст тебе награду». Аминь.

13. Слово на праздник Сретения Господня, в субботу сырной седмицы. (Одиннадцатое)

Вознесоста Его во Иерусалим, поставити Его пред Господем, якоже есть писано в законе Господни. (Лк. 2:23)

В евангельском повествовании о Сретении Господнем неоднократно говорится, что обстоятельства сего события соответствовали требованиям закона. Иосиф и Мария «введоста» в храм «Отроча Иисуса, сотворити има по обычаю законному о Нем»; дали «жертву очищения, по реченному в законе Господни»; и тогда только возвратились в свое местопребывание, когда «скончашася вся по закону Господню».

Закон, об исполнении которого теперь упоминается, был обрядовый, церковный. Иисус Христос, как безгрешный, не имел нужды в очищении жертвенном. Но Он повиновался обычаям законным, чтобы нам внушить уважение к ним.

Утратил силу закон обрядовый ветхозаветный, но существует закон церкви Христовой, постановления которого мы обязаны неуклонно исполнять.

Закон церковный не только определяет чин и порядок богослужений, но и предписывает христианам правила взаимных отношений их, как членов одного духовного общества, их поведения и суда, и те наружные действия, по которым сына церкви православной можно отличить от иноверца. Например, почему мы полагаем на себя крестное знамение, делаем пред иконами поклоны поясные и земные? Потому что это и подобное предписано уставом церковным.

Церковный закон важен по самой древности своей. Не ныне установлено то, что ныне нами соблюдается; остается непреложным чрез несколько веков то, что служит правильным выражением нашей православной веры. «Древние постановления, – замечает Василий Великий²⁰, – всегда внушают благоговение, представляя в самой древности своей, как бы в некоей седине, досточтимый вид».

Но церковные законоположения еще более для нас важны потому, что в самом происхождении своем священны и святы.

Седьмой Вселенский собор (прав. 1) оставил нам пример уважения к ним, так изъяснив высоту их происхождения: «Начертанные правила несокрушимы и непоколебимы. Посему мы со услаждением приемлем оные, и всецелое содержим постановление сих правил, изложенных от всехвальных апостол, от шести Вселенских соборов, и поместно собиравшихся для издания таковых заповедей, и от святых отец наших. Ибо все они, от единого и того же Духа быв просвещены, – полезное узаконили». Мы веруем в Духа Святого, действующего в соборной и апостольской церкви. Как же дерзнем отказывать в уважении тому, что они под осенением Святого Духа законоположили?

Замечательно выражение: «полезное узаконили». Заповедали нам отцы воздержание во дни поста от утучняющих брашен: сие одобряют иногда и врачи; сего требует само наше тело, не перенося невоздержания и пресыщения. Повелевается чаще ходить в церковь, и никогда на бесстыдные и душевредные зрелища: всякий благомыслящий поймет, что в храме покой и утешение душе, а «в селениях грешничих» соблазны и крушение духа. Закон церковный более благоприятно действовал бы на народное наше объединение и благосостояние, если б строже соблюдался. Возьмем во внимание народ еврейский. Утратил он чистоту верований, но остался верен преданиям, – что для всех приметно в строгом хранении субботы. Эта приверженность к обычаям законным служит причиною, что евреи хотя за христубийство по всем странам скитаются, но ни с одним народом не смешиваются, и везде свою вековую особенность сохраняют. Если так у евреев, у которых осталась буква закона, а духа нет, то несравненно благотворнейшее может иметь на нас влияние наш закон церковный, который «есть духовен» (Рим. 7:14), и нам предан богоносными отцами. По мере того, как проникает он в жизнь, он дает своим последователям высокий нравственный, православный облик: «ибо о Христе Иисусе несть иудей, ни еллин, но вси едино» в Нем (Гал. 3:28). Посему долг родителей словом и примером утверждать в детях уважение к учреждениям и правилам церкви православной. Для сей цели и

сам Христос, от дней младенчества, являл Себя строгим исполнителем закона. «Не приидох, – говорит, – разорить закон» (Мф. 5:17).

Указывают однакож затруднение в том, что церковные постановления не всегда удобосовместимы с требованиями жизни общественной. Один юный христианин спросил старца²¹, опытного советодателя: «Если закон Господень повелевает одно, а закон мира определяет противное: что должно делать? Помысл говорит мне, что так как по законам мирским устроено общество, то несправедливо поступит, кто их станет нарушать». Старец отвечал: «Закон Божий важнее; ибо он говорит о спасении души. Закон же мирский, будучи плотян, говорит людям плотским». «Посему уставы церкви и определения отцев надлежит исполнять, как неизменную заповедь»²². Так и поступали истинные ревнители закона церковного. «Мы готовы лучше умереть, – говорили Маккавеи, – нежели преступить законы отеческие» (2Мак. 7:2). «Хвалю я вас, братия, – писал апостол к коринфянам, – что вы все мое помните, и держите предания так, как я предал вам» (1Кор. 11:2). Притом неудобое исполнение постановлений церковных часто бывает только кажущаяся, а недействительная. Довольно указать на церковное назначение настоящей сырной недели. Зная, как для иных трудно переходить от пищи мясной к великопостной, святые отцы умыслили сделать эту неделю сыромятною, чтобы миряне, постепенно отставая от утучняющих и льстящих вкусов, тем охотнее возложили на себя узду великого поста²³. Как обыкновенно проводится сырная неделя, – это можно примечать повсюду в наших городах и весях, в домах и на стогнах. А между тем не составляет особенного труда соблюсти устав церковный; ибо никто не обязывается бывать на гульбищах, участвовать в пиршествах и возбраняемых церковью увеселениях. Напротив, честь и хвала христианину, если он в сии дни, вопреки укоренившемуся обычаю ходить на конские ристалища и зрелища, посещает храмы Божии, и свободное время отдает на безгрешные и питательные для души занятия в кругу своих семейных и родных.

«Отложим убо дела темная» (Рим. 13:12). Мы в «преддверии поста»²⁴, воспользуемся хотя последними днями недели «предочищения»²⁵, чтобы в добром расположении душевном вступить на поприще святой сорокадневницы. Аминь.

14. Слово в день Сретения Господня. (Двенадцатое) О почитании церковных праздников

И та, в той час приставши, исповедашеся Господеви. (Лк. 2:38)

Когда христианская вера сделалась господствующею, тогда праздники наши начали совершаться открыто, а главные из них и торжественно. Сретение же Господне, хотя и было воспоминаемо в сороковой день после праздника Рождества Христова, но без торжественности.

В шестом веке, при императоре Юстиниане, появилась в Константинополе и его окрестностях страшная моровая язва; люди умирали тысячами, и по местам «многих богатых человек телеса бяху не погребена: измершим бо слугам, не бе кому самих господ погребати». Тогда одному из богоугодных было открыто и чрез него внушено, чтобы установлено было праздновать Сретение Господне, как и прочие великие праздники Господни. Приспело второе число февраля; празднество совершено было величественное, со всемогущим бдением и исхождением со кресты. «Абие в тот день отъяся язва смертная, и всеконечно мор преста»²⁶. О сей Божией милости в песнопении настоящего праздника возглашается: «И ныне спасл еси нас, Христе Боже!»²⁷.

Хотя нельзя прямо поставлять таинственную причину попущения бывшей язвы то обстоятельство, что не был совершаем с подобающею торжественностью праздник Сретения Господня; но несомненно как то, что в день первого его празднования «мор преста», так и то, что общественные бедствия навлекаются грехами, в которых обнаруживается упадок народной нравственности и к которым относится непочитание церковных праздников, их оскорбление. Сам Господь назначил народу Своему праздники; их хранения, с обетованием награды, Сам требовал не только от него, но и от других народов, обращающихся к истинной вере (Ис. 56:4, 6); угрожал страшным наказанием за нарушение и осквернение праздничных дней (Иез. 20:13, 24).

Если теперь напомнить: «наблюдайте праздники»; то многим покажется, что об этом нечего и говорить. Народ их знает и соблюдает. Но как соблюдает? – Разве тем только они чтутся, что бывает для празднующих полная свобода от будничных занятий и от работ? Разве праздность есть отличительная черта праздника? Или в том еще праздничный день узнается, что одни с утра нетрезвы, другие сходятся на игры, отправляются на зрелища, а те, которым нельзя отлучиться, придумывают дома какое-нибудь легкомысленное или даже греховное времяпровождение? «У всякого, – говорит святой Григорий Богослов²⁸, – свой способ торжествовать. Празднует иудей, но по букве. Празднует еллин, но телесно, в удовлетворении страстей, в угождении демонов. А нам праздновать должно духовно».

Скажут: «Торжественность праздника зависит от церковных распорядителей». Правда, что они ее устроители и предначинатели, но и простые христиане должны быть в ней участники. Путие Сиона некогда рыдали, яко несть ходящих по ним в праздники (Плч. 1:4); так и храмы наши приняли бы вид не торжественный, а унылый, если дорога к ним забыта, если миряне не будут ходить на праздничное богослужение. – Принесение младенца Иисуса во храм было действие обычное, требуемое законом. Но когда оно получило вид торжественный, когда святая Мать поставлена была на месте дев, когда праведный Симеон хвалебно стал благословлять Бога; тогда и старица Анна, в той час приставши к сему священному сонму, исповедашеся Господеви, стала прославлять Его и пред всеми окружающими говорить о Нем, как о Спасителе. Так и ныне все могут содействовать торжественности праздника: один, прислуживая в храме, другой, кто способен, участвуя в чтении и пении, третий, принося пожертвования на церковное украшение, а все вместе, соединяясь в чувстве благоговейного умиления, подобно тому, как некогда в храме Иерусалимском все множество людей бе молитву дея (Лк. 1:10). Это праздничное настроение духа добрые христиане из храма износят с собою. Оно побуждает их после богослужения искать духовного собеседования и

назидания, посещать страждущих, утешать скорбящих, благотворить бедным. Можно сказать, что чем больше праздник, чем глубже проникает в христианскую душу его благодатное влияние, тем она более бывает расположена благотворить ближним.

Да празднуем, сказано, не с закваскою злобы и лукавства, но в безквасии чистоты и истины (1Кор. 5:8), «удаляясь от всякого зла и устремляясь к предметам духовным; ибо в этом состоит истинный праздник»²⁹. Аминь.

15. Слово в день Сретения Господня. (Тринадцатое) О благопристойном поведении в храме

Якоже есть писано в законе Господни. (Лк. 2:23)

В ветхозаветном храме Иерусалимском молитвенные действия и жертвоприношения совершаемы были по точным указаниям обрядового закона. Посему старец Иосиф и Мария Богоматерь, пришедши туда и принеши младенца Иисуса, в сороковой день по рождестве Его, все там исполнили так, как было предписано в законе Господни.

Вместо храма иудейского – у нас храмы христианские; вместо закона обрядового ветхозаветного – у нас свой закон церковный, богослужебный.

Мы, чада церкви православной, обязаны согласовать все свои действия в храме с сим церковным законом.

К этому дает нам побуждение и нынешний праздник. Божия Матерь, как пречистая и нетленная, не имела нужды в очищении, но она принесла очистительную жертву, показуя пример, чтобы и мы были верны своим обрядовым установлениям. Единородный Сын Божий ценою выкупается, как первенец, по реченному в ветхозаветном законе, чрез сие внушая нам повиноваться всему, установленному в Его новозаветной церкви.

Наш закон церковный есть Его закон. Он учредил Свою церковь и в ней священноначалие. Апостолам и их преемникам изрек Он: слушай вас, Мене слушает (Лк. 10:16); и чтобы они правили и законополагали в церкви, даровал им благодать Святого Духа. Святые соборы и богоносные отцы «все, от тогожде единого Духа быв просвещены, – полезное узаконили»³⁰. Под их руководством и в их направлении действует и ныне церковная власть.

Всякое общество имеет свой устав и обязуется не отступать от него. Мы, как члены православной церкви, строго ли исполняем ее установления, собираясь в храм, соблюдаем ли здесь во всем ею требуемую благопристойность?

Чтобы ближе судить об этом, возьмем несколько примеров.

В церкви не должно не только смеяться (хотя бы внезапно и оказалось что-либо, возбуждающее смех), но и разговаривать. Здесь требуется благоговейное молчание. Допустившим беспорядок в священных собраниях апостол дал упрек: или о церкви Божией не радите (1Кор. 11:22). Приведя сии слова, святой Златоуст³¹ продолжает: «Позвольте и мне сказать тем, которые здесь разговаривают: разве вы не имеете домов для пустословия? Или не радите о церкви Божией, и развращаете желающих сохранить спокойствие? – Церковь не есть место для разговоров».

В древние времена мужчины, женщины, девицы и дети за богослужением помещались отдельно³². Если ныне не везде это соблюдается, то церковный порядок непреложно требует, чтобы всякий оставался на своем месте и не переходил на другое. Между тем для иных как будто скучно стоять на одном месте.

Не та же ли скука и совсем некоторых уводит из храма, прежде окончания службы? – Быть может, выходить из церкви они не считают и грехом. А какое строгое дано святыми апостолами правило: «Верных, входящих в церковь, но не пребывающих в молитве до конца, яко безчиние в церкви производящих, отлучати должно от общения» (Прав. 9).

Бывают даже набожные действия, однако с порядком церковным несогласные. В великие праздники коленопреклонения в храме отменяются³³. Несмотря на то, иные молящиеся, в чувстве покаяния, даже и на пасхальных службах повергаются долу и стоят на коленях. Или еще: целование икон есть святой обычай, но прикладываться к иконам, кто когда захочет во время богослужения, запрещается³⁴. Надобно это делать или прежде, или после службы.

Если отступление от церковного порядка происходит по неведению, в простоте сердечной, то оно простительно. Нужно только, чтобы и неведущие старались узнавать, что в храме позволительно, и что нет. Но когда кто из предстоящих презирает приличие церковное и в храме держит себя почти так же свободно, как и у себя дома, то это уже неизвинительно, ибо служит признаком, что недостает в душе страха Божия. Пишется

в книге Судей израилевых, что в тыя дни не бяше царя во Израили: муж, еже угодно пред очима его, творяше (Суд. 21:25). Не так ли своевольные поступают в храме, как угодно пред очима их? Но да помыслят бесстрашные, разве не присутствует здесь сам небесный Царь, разве не зрит на их сердца Его всевидящее око?

Не так держат себя в храме люди благоговейные; в своем внешнем поведении они сохраняют полное приличие, ни на одно мгновение не забывая, где находятся. Святой Григорий Богослов говорит о своей матери Нонне: она чествовала святыню молчанием, никогда не обращала хребта к досточтимой трапезе, не плевала на пол в Божием храме»³⁵. Будем остерегаться и мы всего, чем могли бы мы нарушить благоприличие церковное. В священных собраниях, по заповеди апостольской, «все должно быть благопристойно и чинно» (1Кор. 14:40). Аминь.

16. Слово во вторую неделю поста

Видев же Иисус веру их, глагола расслабленному: чадо, отпускаются тебе греси твои. (Мк. 2:5)

Удивительный опыт веры предложен нашему вниманию в нынешнем Евангелии. – Спаситель в Капернауме, в одном доме, имел беседу с народом; вошедших было так много, что сделалось тесно. Приносят расслабленного, но войти было нельзя. Однако веру принесших не остановило это препятствие. Они взошли на верх, и раскрывши кровлю дома, спустили одр с больным на то место, где находился Спаситель. Видя их такую веру, Он отпустил грехи расслабленному, и исцелил его.

Этот случай весьма внушителен для нас. Он наводит на мысль, что и ныне ходатайство пред Богом одних за других может увенчаться успехом.

Апостол Иаков прямо говорит: Молитесь друг за друга, яко да исцелеее (Иак. 5:16). Чем бы человек ни страдал, – угрызениями ли совести, болезнью ли телесною, унынием ли от несчастных в жизни обстоятельств, – во всякое время молитвы ближних за него могут быть для него благотворны. Поэтому и сам Спаситель учил нас молиться не о самих себе только, но и о наших ближних, и такие ходатайственные к нему обращения милостиво исполнял. Он исцелил слугу сотника, дочь жены хананеянки; Он осушил слезы Марфы и Марии. Апостол Петр изведен был ангелом из темницы, потому что верующие прилежно о нем молились Богу (Деян. 12:5). Апостол Павел неоднократно приписывал свои успехи и свою безопасность молитвам за него многочисленных учеников его.

Иной подумает, что тут действовала молитва людей благочестивых также за благочестивых и святых; но поможет ли людям грешным молитва таких же грешников за них, как и они сами? Ибо давно замечено, что грешников Бог не слушает (Ин. 9:31). – Правда, много может усиленная молитва праведного (Иак. 5:15); однако же, при своих известных условиях, не осуждена на безуспешность и молитва души грешной. Тут нужна вера, что Бог всякий грех простит и всякую болезнь исцелит;

нужно покаяние, вводящее в душу благодать прощения; нужна любовь. Вы представьте себе, с какою пламенной неотступностью, покорностью, с каким самоотвержением молится сестра о брате, жена – о муже и мать – о сыне. О такой смиренной молитве и сказано, что она проходит облака (Сир. 35:17). Святой Григорий Двоеслов рассказывает об одном человеке, который, быв взят в плен, томился в оковах. Жена его молилась за него и делала в храм приношение. Когда он избавился от плена, то говорил, что в иные дни спадали с него оковы сами собою, и оказалось, что это были дни, когда она делала за него жертвоприношение. Конечно, не святая молилась за святого, а грешная – за грешного. И сам апостол Павел у всех верующих просил молитв себе, а между ними были и грешные, и свое избавление от опасности смертной приписывал молитвам таких людей, которых иногда сам же обличал (2Кор. 1:10,11).

Притом кто желает, чтоб за него молились, должен сам несомненно верить в силу такого ходатайства. Расслабленный сам имел веру ко Христу; иначе не позволил бы, чтоб несли его туда, где Он, и спускали чрез кровлю дома. А у нас, напротив, не оказывается ли выражением обыкновенной, только несколько благочестивой учтивости просить у других молитв за себя, или поручать себя молитвам лиц духовных?

Итак, снимем кровлю маловерия, которая нас иногда отделяет от Христа, и повергнем сами себя пред Ним в глубине смирения. Споспешествуйте и мне, – скажу словами апостола, – в молитвах о мне к Богу (Рим. 15:30). Блажен, кто имеет теплых за себя молитвенников, чтобы хотя при помощи их услышать некогда благодатный голос: Чадо, отпускаются тебе греси твои. Аминь.

17. Слово в неделю крестопоклонную

Мне же да не будет хвалиться, точию о кресте Господа нашею Иисуса Христа. (Гал. 6:14)

Настоящая неделя называется крестопоклонною, потому что бывает поклонение кресту. Какую же имеет цель это церковное учреждение?

Великий пост, в точном значении своем понимаемый, есть подвиг немалый. Он есть лишение утучняющих яств; он требует малоядения, а иногда и продолжительного неядения. При таком лишении нельзя не чувствовать утомления. Для подкрепления постящихся проще казалось бы разрешение на вся. Но святая сорокодесятница не допускает такого перерыва; ибо учреждена в честь сорокодневного поста Христова. Посему нам в постном подвиге церковь предлагает иное, не телесное, а духовное подкрепление. «Якоже долгий и трудный путь проходящий, аще где древо благосеннолиственное обрящут, мало седше, упокоятся; тако и в постное время насадися посреде от святых отец живоносный крест, ослабу и прохлаждение нам подавая, благомужественны же и легки к прочему труду устрояя»³⁶. Когда мы вспомним, что крестом Христовым низложены невидимые враги наши, эта мысль вливает освежающую бодрость в душу нашу. Крест есть сила непобедимая. От него исходит благодать, укреплявшая подвижников, в постничестве просиявших, как например, Марию египетскую, которая, «древу животному поклониться сподобившись», много лет провела в пустыни, где не имела другой пищи, кроме трав и корней. Посему издревле учителя церковные внушали, что эта «средняя седмица, предлагающая крест для поклонения, делает постящихся более мужественными и готовыми к совершению остального поприща поста»³⁷.

Но пост, кроме воздержания в пище, требует еще обуздания страстей, пожеланий и даже ограничения невинных удовольствий и привычек. Все это сопряжено с ощущением горести, к которой еще присоединяется скорбь о грехах, столько приличная нынешним дням покаяния. Чтобы эти горькие

чувствования усладить для унылого духа нашего, учреждено поклонение кресту. «Горькому источнику подобна есть четиридесятница, сокрушения ради, и сущия нам от поста печали. Якоже убо Моисей в горький источник древо вложи и услади его; тако и древо креста услаждает горесть пощения»³⁸. Чем же услаждает? – Тем, что возбуждает в нас надежду достигнуть веселия духовного. Крест ныне пред нами «проявляет зарю востания Христова»³⁹; он образно напоминает нам, что Христос страданиями Своими и смертью искупил нас и отверз нам врата рая, и что если мы терпеливо переносим свои скорби, делаясь участниками Его страданий, то Он соделает нас общниками Своего прославления, и даст нам полнее вкусить сладость всерадостной пасхи. Апостол Павел, за слово крестное быв подвергаем порицаниям и гонениям, крестом только и хвалился: им облегчал свои горести, им оживлял свои радости. Так и ныне «крест нам есть похвала; крест нам радодование».

Для иных, и может быть, многих, которые не соблюдают поста, в нем конечно нет никакой ни тяжести, ни горечи, а потому и поклонение кресту не составляет особенного утешения. Но церковь пишет и дает свои уставы не для тех, которые только по имени кажутся или значатся православными, а для тех, которые стараются быть верными ее чадами. Чтобы чувствовать сладость праздников церковных, не должно уклоняться от трудов духовных. Известно, что и пища бывает приятнее и вкуснее, если пред ее принятием чувствовался некоторый голод. Так и утешения среди поста и самая радость праздника пасхи тем более могут быть для нас ощутительны, чем прилежнее мы постимся. Что привлекательного в разрешении пасхальных яств, если бы кто и в великую субботу позволил себе их употреблять? – Церковь смотрит на святую пасху, между прочим, как на награду за воздержание. Правда, в день пасхи будет приглашать она и не постившихся, чтобы «возвеселились» тогда. Но каких именно? Не тех, которые, пресыщаясь и упиваясь, насмеются над самыми правилами о посте; но тех, которые по болезни, или даже по слабости воли не постились, и скорбят о том.

Итак, «приступим очищению воздержанием, тепле лобызающе древо креста» и взывая к нему: «воздержания подаждь воздаяние рабом Твоим»⁴⁰. Аминь.

18. Слово в неделю вайй. (Первое)

И приведоста жребя ко Иисусовы: возложиша на не ризы Своя, и вседе на не. (Мк. 11:7)

Ныне воспоминаемый вход Господень во Иерусалим именуется царским: ибо во всем событии были черты встречи царской.

Народ, движимый чувством не только любопытства, но и благоговения, сретает Спасителя и сопровождает; громогласно называет Его Сыном царя Давида; в восторге восклицает: «Осанна», что равносильно тем кликам радости и надежды, какими приветствуют царей; стелет по пути одежды и пальмовые ветви, подобно как и ныне пред царями и лицами их дома бросают полотна, траву и цветы, чтобы по ним прошли они.

Но все это черты величия земного, и если ими почтен был Спаситель, то не потому, чтобы Он был владетель какой земной страны, а потому, что Он был, есть и будет Царь вечный неба и земли. Чудесами был предшествуем, и ими сопровождался вход Его в Иерусалим. Его силой воскресаает Лазарь, которого разлагавшееся тело могли видеть и смердящий запах ощущать самые враги Иисуса, чудесам Его верить не хотевшие, но Его, как Чудотворца, невольно боявшиеся. – Торжественное шествие Спасителя направлено было к храму, где всегда было много хромых, слепых и иных недужных. Господь, как Царь жизни и природы, всех их исцелил. Все совершалось так очевидно и несомненно, что самые завистники Христовы не могли не признать всемогущей силы, и видя чудеса, яже сотвори (Мф. 21:15) Иисус, вознегодовали.

К числу необыкновенных обстоятельств, отличавших вход Его в Иерусалим, принадлежал и самый способ Его путешествия. Он входил, сидя на жребяти, которое не знало ни ярма, ни седока. В сем обстоятельстве нельзя не видеть чудесного исполнения древнего предсказания. Утешая свой несчастный народ, пророк Захария воззвал: Скажите дочери Сионой: се Царь твой грядет, сидя на жребяти осли (Зах. 9:9).

Если б было только сказано: «придет к тебе царь», – это было бы согласно с верой и ожиданием народа Божия; если б было прибавлено, что придет на коне, – и это естественно и неудивительно. Но когда решительно было предуказано, что Он придет, сидя на младом жребяти, на неже никтоже николиже от человек вседе (Лк. 19:30): в этом видна черта боговдохновенного пророчества, превышавшего порядок обыкновенных событий и житейских обстоятельств. К сему ветхозаветному пророчеству присоединилось и в точности исполнилось предсказание самого Спасителя. Посылая двух учеников взять и привести жребя, Он ободряет их: если спросит кто, зачем отвязываете, скажите: «оно надобно Господу», – и тотчас отпустит (Мк. 11:3).

В том, что Господь возсел на животное еще дикое и несом был, покаясь на нем, как на постеле, иль на троне, святые отцы видят указание на ту силу веры Христовой, которая укротила и покорила себе умы и нравы язычников. Эта всемогущая сила гонителей претворяла в мучеников, вольнодумных и безбожных – в защитников истины и добра, сластолюбивых и чувственных – в людей, одуховленных целомудрием и страхом Божиим.

Но эта сила не воздействует в нас, если мы далеки от готовности повиноваться ей. Когда хозяева узнали, что для Господа ученики отвязывали их жребя, беспрекословно пожертвовали своим животным. Так ли усердно мы служим Господу своим достоянием, или осмеливаемся думать, что к нам не посылал Господь что-либо требовать у нас?

О, Царь неба и земли! Устами Твоих духоносных посланников Ты давно уже сказал, чего требуешь от нас. Пошли нам искру Твоего света, чтобы увидеть мрак наших ложных убеждений и своекорыстия!

В Писании глаголет Господь Вседержитель: Мое есть серебро и Мое злато (Агг. 2:9). Но так ли украшены наши православные храмы, чтобы даже в тех, которые почитаются богатыми, были в полном достатке богослужебные вещи и все соответствовало славе имени Господа и велелепию святыни Его?

Сказал Христос о Своих учениках и их преемниках: иже вас приемлет, Мене приемлет (Мф. 10:40). Но во всех ли православных домах поддерживается такая заботливость о служителях алтаря, чтобы общее усердие и почтение к ним приближено было к достоинству пославшего их?

Обещал Христос в лице бедных и несчастных принимать благотворения. Не забываем ли мы сие обещание? Умножается ли в нашем обществе достояние нищих? Помним ли, что чем больше будет между нами тайных благотворителей, тем меньше будет около нас явной нищеты?

От ваий, которые держали в руках, примем окончательный урок. Если эти ветви будут брошены: они увянут и засохнут; если будут посажены в землю: дадут рост, и в свое время зацветут. Укореним наши души в почве христианской веры и добродетели, – и они процветут в жизни не только бессмертной, но и блаженной. Аминь.

19. Слово в неделю вайй. (Второе)

Слышиши ли, что сии глаголют? (Мф. 21:16)

Когда Господь, торжественно вошед в Иерусалим, приближался к храму, то и малые дети, вместе собравшись, стали восклицать Ему: «Осанна». Вознегодовав на это, книжники с насмешкою заметили Ему: «Слышишь ли, что они говорят?» Велика Тебе честь, что несмысленные дети прославляют Тебя? – Христос ученым отвечал: «А вы разве не читали: из уст грудных детей совершил ты мне хвалу?»

Ответом Своим Христос ясно показал, что поступок детей был приятен Ему, и приятен не потому только, что был предсказан, но еще более потому, что дети действовали без предубеждений, бесхитростно, чистосердечно.

Это может служить для нас теперь побуждением, вместе и ключом к разъяснению: в чем же состоит достоинство той простоты, которая так приметна и любезна в детях и которую, к сожалению, многие совсем теряют, выходя из детского возраста?

Очевидно, простота здесь принимается не в дурном смысле, не как малодушие, или слепота в действовании, но как доброе качество, противоположное лукавству, – целость души, чистота ее, доверчивость, искренность.

Детская простота есть необходимое условие веры, ее принадлежность. – Мы не знаем неверующих младенцев. Неверие есть следствие неблагоприятных потрясений души, превратных направлений ума. До таких крайностей доходит человек уже с летами. Детское сердце питается верою, с тонкою проницательностью отыскивает оно сродную себе духовную пищу, и претворяет ее в жизненный сок, потому что не знает сомнения и недоверия. Дети иерусалимские в домах своих слышали уже о Христе. Если Самарянка говорила: «знаю, что придет Мессия и возвестит нам все» (Ин. 4:25); то другие, более православные и более нравственные иудеянки, конечно, не только сами это лучше знали, но и в сердцах детей своих крепче насаждали ожидание пришествия Христова. Посему

слух, что пришел Христос, Царь, исцеляющий больных, милующий грешных, благословляющий детей, – скоро собрал иерусалимских отроков в один хвалебный лик, и побудил их не по слепому подражанию, а по сердечной вере петь «Осанна». Ученые книжники хвалились богопознанием, но пренебрегли предостережением Премудрого: в простоте сердца взыщите Господа (Притч. 1:1). Потому Господь тайны веры утаил от премудрых и разумных, и открыл их младенцам (Мф. 11:25), то есть таким людям, которые, и пришедши в мужеский возраст, хранят детское простосердечие. Пагубно умствовать, где нужно веровать; опасно отказывать сердцу в том, к чему оно стремится по своей, благодатию крещения очищенной, природе. С особенною выразительностью сам Христос внушает нам: «Кто не примет царствия Божия, как дитя, тот и не войдет в него» (Мк. 10:15). Сие внушение блаженный Феофилакт изъясняет так: «Кто примет проповедь Божественную, как отроча, то есть нисколько не раздумывая и не допуская в себе неверия, тот войдет в царство небесное и наследует те блага, которые верою приобрел. Дитя не бежит от матери и, хотя бы рубище она носила, предпочитает ее царице: так и добродетельно живущий предпочитает мать свою, разумею церковь, всему, к чему влекут его житейские соблазны»⁴¹. Сын Сираха говорит: Лукавство не есть премудрость (Сир. 19:19); и не приблизится ко Господу никто с раздвоенным сердцем (Сир. 1:28).

Сердце раздвоенное есть злохитрое, а простое бесхитростно. Простосердечный говорит, что чувствует; его мысль и слово не расходятся к целям противоположным. Его действия благонамеренны и чужды лукавства, которое всегда вредоносно. Простосердечный чего себе не желает, того и другим не делает, и что для себя находит желательным, то советует и старается доставить и другим.

Кто не оценит такую простоту? И как счастливо было бы наше общество, если бы все обходились между собой бесхитростно! Никто бы не боялся от своих друзей тех советов и услуг, которые, по-видимому, мягки и обязательны, но в существе столь тонки и зыбки, что на них можно подломиться, как на льду. Не нужно было бы опасаться потаенных и

двусмысленных действий, которыми человек хитрый вредит всякому, кто неосторожно доверяет ему. Посему сближение с простосердечными дороже больших связей в обществе: ибо лучше есть убог, ходяй в простоте своей, нежели богатый строптив устны своими (Притч. 19:1). Благословенна душа простая (Притч. 11:25).

Согласимся, что простота бывает иногда жертвою обмана. Но лучше быть невинно обманутым, нежели хитрым обманщиком. Впрочем, с чистосердечием совместны меры предосторожности, и оно должно держаться в пределах благоразумия. Можно и не быть откровенным с тем, кто хочет от нас получить сведения, чтобы чрез них нанести вред нам и ближним. Спаситель, желая, чтобы мы были просты, как голуби, советует нам и мудрость змеиную (Мф. 10:16). И апостол Павел пишет христианам: Хочу вас мудрых убо быти во благое, простых же в злое (Рим. 16:19).

Как с малого начинают и до какой высоты доходят люди простосердечные, – это показал нам Павел препростый. Отдался он в руководство Великому Антонию, и чего тот ни требовал, все делал. Велит плести корзину, – он плетет; велит ту же самую расплести, он, молча, расплетает. Раз Антоний, сидя с ним за трапезой и видя его строгое воздержание, предлагал ему есть несколько больше. Павел в простоте спросил его: «А ты сам что мало ешь?» – Антоний отвечал: «Я – монах; с меня довольно». – Павел на это заметил: «И с меня довольно, потому что и я хочу быть монахом». Так Павел и на трапезе подражал апостолам и первым христианам, о которых пишется, что они вкушали пищу в простоте сердца (Деян. 2:46). За сию простоту стяжал он дух силы и прозорливости апостольской. Однажды между входившими в церковь он заметил человека, у которого лицо почернело, как уголь. После службы он увидел, что тот же человек выходил из церкви с лицом светлым и сияющим. Проникнув в его душу, Павел при всех спросил его: что это значит? – Тот объяснил: «Я человек грешный, и готов был на всякие бесчестные дела. Но ныне за службой тронули меня слова Господни: Измойтесь, и чисти будете, отымите лукавства от душ ваших (Ис. 1:16). Отныне я

решился больше не лукавствовать, жить беспорочно, честно и чисто⁴².

Так высоко и так могущественно достоинство простоты сердечной. На опыте оправдывается замечание премудрого Соломона: Кто ходит просто, а не кривыми путями, ходит надеясь (Притч. 10:9). Аминь.

20. Слово на неделю вайй. (Третье)

Во утрий день народ мног, пришедый в праздник, слышавше, яко Иисус грядет во Иерусалим, прияха ваиа от финик и изыдоша в сретение Ему. (Ин. 12:12,13)

Наружная особенность нынешнего праздника та, что во время всенощного бдения в наших храмах православный народ держит в руках ветви с горящими свечами.

Обычай этот, восприявший свое христианское начало от входа Господня в Иерусалим, чрез ряд веков свято был соблюдаем. Святой Амвросий Медиоланский говорит: «Многие из пришедших в Иерусалим, для празднования Пасхи, сретили Господа с финиковыми ветвями в руках. Отселе произошло обыкновение в настоящий праздник, во время славословия, держать в руках ветви». Другой древний святитель, в слове в неделю вайй, присовокупляет: «Свечи наши светлы возмем и ветвие понесем»⁴³.

Но если мы соблюдаем такой обычай древний, то обязаны знать и духовное значение его.

Утрий день, когда народ иудейский вышел навстречу Христу, был другой день после вечери, на которой Мария помазала Господа миром. Утрий день для нас есть все время нашей земной жизни, которое дано нам, чтоб мы служили Господу.

Иудеи пришли в Иерусалим на свой праздник, когда суждено было им сретить Христа. Для человека жизнь в христианстве есть тот праздник, когда можем сретать Спасителя, и, напротив, состояние язычества не только нельзя именовать праздничным, но едва ли можно назвать днем. Жизнь земная есть ноль, не светлая для неверных; надежное же прибежище для человека только в сладости словес Христовых. Как в праздник чувствует себя каждый спокойнее, довольнее, веселее, забывает неудачи житейские, отдыхает от трудов: так в вере православной душа может успокоиться от тревожных мыслей, отдохнуть от горестей, почувствовать сладость радостей духовных.

Однако ж это дается не вдруг. Народ, когда уже услышал, яко Иисус грядет, тогда поспешил Ему навстречу. Так каждого душа должна приготовить свой духовный слух, чтобы уразуметь, яко Иисус грядет. Где же, и как сие слышать? В евангельском учении, в котором приближается к нам Спаситель, как Торжественный Учитель; в событиях земной Его жизни, которые для сердца живого и чувствующего в такой увлекательной естественности изображены, что как бы пред нами они совершались; в святых таинствах, в которых душа, по мере веры, может ощущать наитие благодати; в чудесных событиях, которых и наши поздние дни не лишены. Все это верующему сердцу так доступно, что оно, на сих путях сретая Господа, восклицает в восторге, объявшем некогда детей иерусалимских: Осанна! спасение свыше, от Сына Давидова! – Быть может, найдутся и ныне, как тогда, люди, защищающие свободу мысли и дерзость неверия, которые гласом гордого совета готовы Господу сказать: «Слышиши ли, что сии глаголют? (Мф. 21:16). Уйми своих учеников; останови своих, одно и то же повторяющих, проповедников». – Но если б перестали говорить те, которые, одушевляясь младенческою верою, прославляют Господа, то возопили бы самые камни. Ибо что такое означают многовековые успехи борьбы христианства с язычеством и вольнодумством, величайшие доблести мучеников, терпение пустынных подвижников, высочайшая чистота христианских нравов и правил, благоустройство на них основанных обществ, – что все это, как не камни, которые постоянно, хотя безмолвно вопиют и проповедуют о Христе-Царе кротком, спасти последователей Своих пришедшем?

Воспламени же, дочь духовного Сиона, светильник твоей веры. Вот Царь твой грядет, кроткий и спасающий. Он приближается к тебе, чтобы в твоих нравах утвердить мягкость и любовь, чтобы положить в твоём мятущемся сердце надежду успокоения и спасения. В знамение этой веры, вчера брали мы в руки горящие свечи, но не забудем и того, что достаточно было одного дуновения наших уст, чтоб эти свечи угасли. Остережемся же; отовсюду ходит холодный ветер, который враждебно дышит на душу и легко может угасить светящуюся в

ней веру. Оградим этот светильник основательным разумением внушений евангельских, строгим испытанием мыслей противных, и тогда вера наша будет неугасима, как лампада, которую чувство благочестия умеет возжечь и на открытом воздухе, где-нибудь над святыми вратами.

Народ и дети, неся масличные и финиковые ветви, шли за Христом, входившим в Иерусалим. Буда же направил стопы Свои Спаситель? Он пошел прямо в храм, где приступили к Нему слепые, хромые, недужные, – и Он всех исцелил (Мф. 21:14). Святые и полезные дела требуются и от нас, сдвигающих Спасителя. Правда, мы берем в руки не те ярко зеленеющие ваии, которые свойственны стране, не знающей зимы, но ветви, на которых едва обнаружились признаки жизни и цветения. Идем за Спасителем, и видим, что Он творил чудеса, а мы что сделать можем? – От ветвей и ваий возьмем притчу в наущение наше. Приходит время, что обнаженные ветви и здешних деревьев со дня на день станут показывать новые признаки жизни: так и наши, обнаженные от всякого добра, души постепенно будут оживать в жизни духовной, если поставим себя под теплые лучи любви и истины Христовой. Спаситель не требует, чтоб ты исцелил больных, но пролей целительную влагу теплого участия в страдающую душу, но дай средства, которыми бы могло врачеваться и подкрепиться болящее тело бедного ближнего твоего. Ты не возвратишь зрение слепому, но из множества людей, в невежестве слепотствующих, просвети хотя одному очи его умственные, введи его в познание света Христова, дай полезное наставление, научи чему-нибудь доброму. Тебе не исправить хромых, но постарайся, чтобы тот, кто около тебя хромлет одною мыслию, ради тебя не хромал другою; располагай так поведение твое, чтобы каждый твой поступок побуждал видящих не к осуждению и соблазну, а к назиданию и подражанию.

Достоинство гостеприимства заключается не в наружном только, а в сердечном радушии хозяина. Благо той душе, которая сдвигает небесного Посетителя душ наших с искреннею верою и любовью к Нему. Раньше или позже и в этом доме

духовном услышится Его благодатный глас: Днесь спасение
дому сему бысть (Лк. 19:9). Аминь.

21. Слово на неделю вайй. (Четвертое)

Видевше же архиереи и книжники чудеса, яже сотвори Иисус, и отроки, зовуща в церкви и глаголюща: осанна Сыну Давидову, негодоваша. (Мф. 21:15)

В спасительных чудесах, какие совершал Христос, и в невинном проявлении хвалы, какую возглашали Ему даже младенцы, при входе Его в Иерусалим, что могло быть предметом негодования? Однако же нашлись люди, которые и на это вознегодовали, – люди, считавшиеся лучшими в народе иудейском, первосвященники, фарисеи, книжники.

Какая же причина побудила их негодовать на то, что достойно удивления, и на Того, пред Кем подобает благоговеть? – Зависть.

Они почитали себя вождями народа иудейского, потому не могли они простить Иисусу Христу, что весь мир по Нем идет (Ин. 12:19). Они восседали на Моисеевом седалищи, присвоя себе важность учителей народных; но народ, не понимая, какое поражение им наносит, отзывался об Иисусе Христе: николиже тако глаголаше человек, яко сей человек (Ин. 7:46). Они казались благочестивыми, а Он действительно был Святым и всех их спрашивал, к их стыду: Кто от вас обличает Мя о гресе (Ин. 8:46)? Он совершал чудеса по любви к страждущему человечеству, а они думали о себе, что если б они были чудотворцы, не стали бы нарушать субботу (Мф. 12:10). Таким образом зависть их быстро возростала и, наконец, превратилась в негодование и преследование, столь явное, что его не мог не заметить язычник Пилат, который, когда старейшины иудейские требовали от него судить Христа, ведяше, яко зависти ради предаша Его (Мф. 27:18).

Зависть есть печаль о благополучии, успехах и преимуществах ближнего. Чувство это каждому знакомо: ибо можно ли на свете прожить, чтобы кому-нибудь не позавидовать? Но это чувство черное и вредное, и потому всемерно должно быть искореняемо.

Зависть в мир проникла прежде всякого иного зла. Завистью диаволею Адам и Ева были изгнаны из рая, и смерть вниде в мир (Прем. 2:24). Это порождение духа тьмы заразило и людей. Что внушило Каину убить брата Авеля? – Зависть. Что возбудило родных братьев продать в рабство Иосифа? – Зависть. Что понуждало царя Саула враждовать против кроткого Давида? – Зависть. Так было в древности, так бывает и ныне. Златоуст называет зависть «причиною всех зол», имея в виду то, что с нее начались, и ею на земле поддерживаются несчастья, преступления, пороки.

И в жизни каждого человека эта страсть обнаруживается прежде, нежели какая-либо другая. Блаженный Августин указывает опыт, что когда мать, имевшая двух близнецов, одного кормила грудью, другой в те минуты бледнел от зависти⁴⁴. И кому не случалось замечать, как между малыми детьми ничтожная вещь, пустая игрушка легко делается поводом к ссоре? Начинаясь с колыбели, эта страсть не оставляет человека и до гроба; умирая, он жалеет, отчего не дано ему дожить, как живут иные, до глубокой старости, от чего не удалось насладиться благами, какими наслаждаются другие.

Апостол Иаков замечает: Идеже зависть, ту нестроение (Иак. 3:16). Сие замечание объясняется прекрасным выражением одной песни церковной: «зависть не весть предпочитати полезная»⁴⁵. Эта слепая страсть не умеет выбирать что полезно, и все клонит ко вреду. Она ненавидит, что есть доброго, и любит то, что уничтожается, если ей не достается. Когда разрушается чье-либо благосостояние: зависть, как сытая змея в ущелье, кроется в черном сердце, и спит. Но как скоро дела ближнего получают успешный оборот, завистник беспокоится, как будто сам чего лишается. Чужие действия полезные и богоугодные его раздражают: он не доволен, зачем не он их виновник, и посему в том, что само в себе неукоризненно и похвально, он старается найти черту невыгодную, чтобы только подвергнуть порицанию человека, заслужившего уважение и признательность. Нередко завистник теряет выгоду свою, чтоб ничего не досталось и другому; препятствует общепользному предприятию, чтобы повредить

тому, кем оно придумано. Зависть не щадит и своих; расстраивает семейства, и близких родственников делает непримиримыми врагами. Она – зло постоянное: ибо благополучие ближнего дает пищу этой страсти, и чем счастливее он, тем сильнее возгорается против него злобная зависть. От того сладкие слова завистников уподобляются яду змеиному, и есть старинное поверье, что их взгляд не хорош. Еще в свое время Василий Великий так рассуждал о значении этого поверья: «О завистливых иные думают, что они наносят вред даже своим взором, и на кого они взглянут, у того чахнет тело, исчезает полнота. Я отвергаю такое раз суждение, потому что оно простонародно, и старыми женщинами поддерживается в женских теремах; но утверждаю, что ненавистник добра – диавол, когда находит в людях свойственные ему произволения, пользуется ими, почему и глаза завистливых употребляет на служение своим козням»⁴⁶.

Кто же согласится, завидуя ближнему, быть орудием диавола? – Но эта страсть не вдруг приметна и тому, кто ею одержим, а не приметна потому, что льстит самолюбию. Все мало завистнику, чем обладает он, и – много, что принадлежит другим. Завидует, а ему кажется, что он только желает добра себе. Правда, свойственно человеку искать себе лучшего, но не может один все присвоить себе. Не дал и Бог все дары одному, но разделяет между людьми по Своему усмотрению. Итак, завидовать значит роптать на Творца, почему другим дал, чего нам не дал. Но если б человек все имел на свете: на долго ли это? – Жизнь его так скоротечна, что прежде достижения он утомляется исканием, по приобретении – пресыщением, а за пресыщением, часто даже прежде, и болезни начинают предвещать ему неизбежную разлуку с тем, что любил, чему завидовал и что стяжал. Если смотреть на все, нас окружающее с этой точки зрения, потеряет цену многое, что могло бы служить предметом желаний. Одно на свете прочно, для всех доступно, и ни от кого неотъемлемо. – Это – добродетель. Кто живет благочестиво, – ни к кому не почувствует зависти. Ибо духовного богатства Христова для всех с преизбытком

достаточно, и оно Божие, а не наше. Да не бываем убо тщеславни, друг другу завидяще (Гал. 5:26). Аминь.

22. Слово в неделю вайй. (Пятое)

И аще вама кто речет что, речета, яко Господь ею требут; абие же послет я. (Мф. 21:3)

Известно, что пред страданиями Своими, Господь входил во Иерусалим, «сеза на жребяти осли».

Способ, как сие жребя было приобретено, удобен только для Того, Кто всеведущ и всемогущ; а как оно отдано, это для всех нас поучительно.

Обыкновенно Иисус Христос ходил пеший. За шесть дней до Пасхи шел Он из Вифании. Навстречу Ему собирался народ, удивленный слухом, что Он воскресил мертвого человека, Лазаря. До Иерусалима оставалось весьма недалеко. Вдруг Спаситель подзывает двух учеников, и говорит: «Идите в это соседнее селение, там на перекрестке привязана ослица, и с нею осленок: отвяжите и приведите. Если кто вам скажет что-нибудь: отвечайте, что они надобны Господу, – и тотчас их отпустит». Все так и было. Ученики, привыкшие повиноваться, пошли, и нашли, что нужно. Но когда стали отвязывать и уводить животных, хозяин спросил: «зачем это делаете?» Они отвечали, что – по повелению Господа, и тот беспрекословно отдал свою собственность.

Вот случай, по-видимому, простой, из сельского быта взятый и без всяких украшений евангелистами рассказанный, но как ярко он изображает божественную силу нашего Спасителя! Кто, если не всеведущий, мог знать, что на перекрестке деревни привязана ослица, которая в ту минуту могла там и не быть, и что тут же стоит сам хозяин? Кто, разве только всемогущий, мог обещать посланным, что хозяин отдаст им животное по одному слову: «Господь его требует?».

В сем и подобных указаниях на божественное величие небесного Законодателя заключается для нас весьма сильное побуждение к исполнению Его закона. Богу, Который сказал: «да будет свет», – и бысть свет, должны мы внимать, когда Он говорит, да будет так, а не иначе в нашей жизни и делах. Посему, как пророки, объявляя израильтянам Божии

определения и требования, присовокупляли часто: «Сия глаголет Господь, тако глаголет Господь»; как апостолы, уча верующих жить по-христиански, внушали, что сия есть воля Божия (1Сол. 4:3): так и сам Спаситель полагал в Своем божественном достоинстве незыблемую опору Своих требований: Аз глаголю вам... И действительно, для почтительного сына, чтобы исполнить, желание отца, довольно узнать, что это говорит, этого хочет отец. Так для неиспорченного сердца, чтобы следовать велениям Христовым, непреложно обязательную силу имеет то самое, что их изрек Творец и Спаситель наш.

Из сего открывается вся важность той жертвы, какую Господу, входившему в Иерусалим, принес хозяин осляти. Для простого поселянина великое лишение, когда берут у него рабочее животное. Житель веси Вифсфагии, вероятно, земледелец и человек, конечно, бедный смотрит, как у него перед глазами люди, быть может, неизвестные ему, отвязывают и уводят его ослицу и осленка: и однако ж не останавливает, не прекословит. Чем объяснить такое терпение, повиновение, пожертвование, оказанное бедным человеком? – Только тем, что Господь требует, Господь повелевает. Едва ли когда видел этот поселянин Господа; равно как едва ли знал учеников Его, и едва ли они Его знали. Иначе Спаситель, посылая их, не сказал бы: Аще вам кто речет что... Такой оборот речи больше употребителен о людях, между собою незнакомых. Но конечно этот сельский житель слышал об Иисусе Христе, как Божественном Учителе и Чудотворце, и благоговая пред Ним, расположился пожертвовать Ему свою собственность.

Святой Златоуст по сему случаю замечает: «Это самое, что люди, незнакомые Господу, и не выдавшие Его, отдают Ему свою собственность без всякого противоречия, служило не малым обвинением против иудеев, которые, быв свидетелями стольких Его чудес, не верили Ему»⁴⁷.

Увы! В чем изобличились иудеи, то падает и ныне на многих, которые, именуясь христианами, знать не хотят христианства: которые имеют средства убедиться, что Христос есть Бог и Его веления Божественны, но любят лучше темноту

неверия; которые слышать могут, какими жертвами благоугождается Бог, но также крепко закрывают свой слух, как и те влагалища, где хранятся их стяжания.

«Мы не видим, – говорят, – Христа, и не знаем, в чем бы Он надобность имел». Не видел Его и тот сельский житель, который поспешил отдать Ему ослия свое. Но как же не знать, чего требует Христос? Не нам ли внушает Он: «Что вы сделаете для нищих, для братьев Моих меньших, то сделаете Мне» (Мф. 25:40)? Неизвестно нам Его славное жилище на небе, но не отверсты ли пред нами земные Его храмы, где Он таинственно пребывает? И тот, кто несет сюда не только свою драгоценность, но и свою лепту, не лишится своей mzды, по примеру благословенной евангельской вдовицы. Не может никто дать покрывало для ослиати, на которое некогда возсел Христос, ни бросать одежд Ему под ноги, но можно, следуя совету Златоуста, «подавать одежду тем, которые Христа носят» – священнослужителям, которым, в лице апостолов, Он сам сказал: приемляй вас, Мене приемлет (Мф. 11:40).

Так всяким благотворением, всю жизнь, можем служить Господу. К сему именно мы призываемся, когда при богослужении часто слышим воззвание: «Сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим». Аминь.

23. Слово на неделю ваий. (Шестое)

Множайшии же народи постилаху ризы своя по пути. (Мф. 21:8)

Удивительную преданность показал иудейский народ Христу Спасителю, с царским величием в Иерусалим входившему. Вышедшие к Нему навстречу расстилали по дороге свои одежды, чтобы прошло по ним то жребя, на котором восседал Он. Этим действием народ хотел воздать Иисусу Христу не только величайшую почесть, но и свою посильную жертву. Конечно, не мало тут было людей бедных, которые бросали, быть может, единственную одежду свою, не жалея, что она будет потоптана, разодрана и замарана землей. Невозможно не думать, что такая почетная встреча сделана была от неподдельного восторга, от чистого усердия.

Но засим немного дней, и какая резкая противоположность! Тот самый народ, который так восторженно встречал Иисуса Христа, и взывал к Нему: «Осанна», как своему Спасителю, стал упорно желать смерти Его, и преизлиха пред Пилатом вопиял: распни Его. Тот самый народ, который своими одеждами устилал путь Христу, не отказался от возмутительного зрелища, как суровые воины, приготавлиаясь распинать Спасителя, снимали с Него одежды и делили.

Почему же в столь короткое время народ показал такое ужасное вероломство?

Причиною сего было двоедушие тех людей, которые по своей мнимой праведности, по своему положению общественному, имели сильное влияние на народ иудейский. Книжники и фарисеи не любили Иисуса Христа: ибо Он строго восставал против их лицемерия, и прямо их поражал в их порочное сердце. Но не могли они явно отказать Ему в своем уважении: ибо с того времени, как Он, двенадцатилетний, сидел и беседовал среди их в храме, должны были дивиться разуму и ответам Его (Лк. 2:47), а потом и силе чудес Его. Посему они и умыслили действовать против Него двулично, соединяя наружное к Нему уважение с тайною против Него злобою. В

лицо звали Его учителем, повторяли: вемы, яко истинен еси и пути Божию воистину учиши (Мф. 22:16): а между тем подготавливали обвинение, будто Он развращает народ (Лк. 23:2). Верили, что мог Сей, отверзший очи слепому, сделать, чтобы и Лазарь не умер (Ин. 11:37), и сами соглашались, что человек грешный не может творить такие чудеса (Ин. 9:16): несмотря на то, людей простых и суеверных уверяли, что Он творит чудеса силою бесовского князя (Лк. 11:15); ложными слухами, будто Он запрещает давать дань кесарю и делает Себя царем, старейшины наконец напустиша народы, да испросят Варавву, Иисуса же погубят (Мф. 27:20).

Если же двоедушие восторжествовало на суде над невинным Спасителем, Который никакого греха не сотворил: можно ли определить весь вред, каким сопровождается оно в наших грешных обществах, где невинность и виновность нередко затемняются стечением странных и двусмысленных обстоятельств? Опасность этого вреда еще больше увеличивается от того, что не всегда и не везде двоедушие почитается пороком.

Говорят: «жизнь в обществе есть игра; если в игре лучше успевает тот, кто искуснее умеет держать противника в заблуждении, то почему ж и для успеха в жизни, для веселия в обществе, не рассчитывать на ошибки и недальновидность людей, более способных обмануться?» Что ж от такого хитрого умствования происходит? – Является начальник, держась на высоте своих законных требований. Пред ним подчиненные расстилают свои льстивые речи, как одежды по пути: «ты, говорят, справедлив, не заботишься об угождении кому-либо, – не зриши на лице человеком» (Мф. 22:16). Но те же самые подчиненные в кругу своих знакомых считают удовольствием подшутить над своим начальником, представить в смысле превратном его слова, в виде искаженном – действия его. Не подтачивается ли таким двоедушием, как червем, общественный порядок? – Или, кому из нас не случалось слышать, как наследники иного богатого родственника со всем видимым усердием желают ему многолетнего здоровья, тогда как в действительности с нетерпением ожидают, скоро ли придет

его кончина? – Также между лицами, занимающимися куплей и продажей, как нередко слышатся взаимные уверения с честности! – и, несмотря на то, сколько в этом сословии погибло жертв корыстолюбивого вероломства! И чем же хотят извинить себя? Одним, – будто в торговле нельзя обойтись без обмана.

Если еще все это не преступно, то вникнем в самую сущность двоедушия: насколько оно отвечает достоинству человека и христианина? Смешно бы было, если б кто, на свое непривлекательное лицо надев красивую личину, стал уверять, что это его собственная приятная наружность. А двоедушные так именно и поступают, только с большим искусством. На свою черную душу они надевают личину хитрости, окружают себя блеском тонкого и находчивого обращения со всеми. «Такой человек, – по изъяснению преподобного Дорофея, – лжет самую жизньнюю свою. Это не простой человек, но двойственный: ибо иной он внутри, и иной снаружи, и жизнь его двойственна»⁴⁸. Раздвоение мысли и слова, чувства и дела, если б и не сопровождалось вредом, никак недостойно нашего звания христианского. Чье мы имя носим? – Того, Кто сказал о Себе: Аз есмь истина (Ин. 14:6). Аз на сие родихся, и на сие приидох, да свидетельствую только истину (Ин. 18:37). А отсюда следует, что верующие во Христа и именующие себя христианами должны быть и в слове, и в деле прямосердечны и правдивы. Темже, заключает апостол, отложше лжу, глаголите истину кийждо ко искреннему своему (Еф. 4:25). Верный этому призванию, один святой подвижник (авва Анувий), с чувством внутреннего довольства, при конце своей жизни, сказал о себе: «С того времени, как наречено на мне имя Христа, ложь не выходила из уст моих»⁴⁹. Понятно, почему христиане честные так дорожили правдою: по изъяснению апостольскому, – лукавая скрытность свойственна только делам постыдным (2Кор. 4:2).

Так действовали и так учили истинные христианские учителя. Не только в делах важных они имели добрую совесть, но и в вещах самых обыкновенных и домашних они старались соблюдать искренность и прямоту. Однажды, когда Феодор Освященный сидел в худой одежде подле келлии своей, пришел к нему мирянин принять благословение. Ученик хотел

ему дать одежду получше, но преподобный отослал ее назад, и остался рассуждать с пришедшим о предметах духовных. Когда гость ушел, ученик сказал преподобному: «Что ты, авва, делаешь? Он приходил назидаться, а не соблазняться?» – «Я свое дело сделал, – отвечал Федор. – Кто хочет мной пользоваться, пусть пользуется. Как меня застанут, так и встречаю проходящих. И тебе советую сказывать всем обо мне настоящую правду. Если я сплю, говори, что сплю; если я ем, говори, что ем. – Того нельзя назвать совершенно честным в душе своей, кто имеет причину скрываться»⁵⁰. Аминь.

24. Слово в неделю вайй. (Седьмое)

Глаголаше Иисус к веровавшим Ему иудеом: аще вы пребудете во словеси Моем, воистину ученицы Мои будете. (Ин. 8:13)

Когда Господь, по воскресении Лазаря, входил в Иерусалим, народ восклицал: «Осанна». В сем приветствии выражалась общая всех приверженность ко Христу.

Но какое превращение человеческих мнений! Еще немного дней, и тот же народ, который взывал: «спасение Сыну Давидову», яростно требовал смерти Иисусу Назарянину.

Причина такого непостоянства, между прочим, заключалась в обманутых предрассудках и ожиданиях евреев. Не столько чудеса побуждали народ искать Христа, сколько земные мечты и те хлебы, которыми неоднократно Он насыщал его в пустыни (Ин. 6:26). С победными знаменами иудеи встречали Господа, входившего в Иерусалим, потому что еще не теряли надежды увидеть в Нем своего земного, славного Царя, но как скоро заметили, что этот Царь не оставляет Своего уничиженного вида, не прекращает Своего обличительного слова, не дает пищи мечтам честолюбивым, они переменили мнение о Нем, – и из последования за Ним перешли в погибельную вражду против Него. Предвидя это, Господь говорил им: ищите Мене убить, яко слово Мое не вмещается в вы (Ин. 8:37); а тех, которые уверовали в Него, предупреждал, зная, что и их вера не тверда: «если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики» (ст. 31) (Ин. 8:31).

В сем предупреждении заключается и для нас признак, по которому можем испытывать себя, так ли мы постоянны в православной вере, чтоб никогда не изменять ее духу и закону? так ли чисты, чтобы к нашим верованиям не примешивали никогда наших ошибочных мнений и житейских расчетов? Есть такие между нами, которые, доколе все идет по их желанию, веруют, что есть Отец небесный, и молятся Ему; а как скоро постигнет их несчастье, обида, – повергаются во мрак уныния, как будто нет Бога Промыслителя, как будто свет утешений веры

есть только призрак, а не свет. О сих слабоверных сказано, что они во время, для них благополучное, веруют, и во время напасти отпадают (Лк. 8:13). Встречаются такие последователи Христовы, которые, когда против них не возражают, любят рассуждать о высоком достоинстве православия, о соблюдении обрядов церковных, но те же самые лица устыдятся крестное знамение на себя положить в присутствии людей насмешливых, улыбка которых дает им знать, что это несовременно, и боясь упрека в отсталости, не решатся слова произнести в защиту предметов священных, легкомысленно порицаемых. Это ли постоянство веры? Это ли ее твердость, к которой общество верных возбуждал пророк: не бойся, дщи Сиона: се Царь твой грядет (Ин. 12:15; Зах. 9:9).

Постоянство есть необходимое условие веры и добродетели. Буди верен до смерти (Откр. 2:10), вещает каждому таинственный глас Божий. «А кто поколеблется, не благоволит к тому душа Моя» (Евр. 10:38). Постоянство убеждений вообще означает человека порядочного. Даже самая сила страсти выражает в себе нечто внушающее, если на ней лежит черта твердости. Но поелику православная вера выше всего земного не подлежит закону изменяемости, то неизменна должна быть и наша приверженность к ней. Много на свете морей глубоких и бурных: но искусно построенный корабль, ведомый сведущим кормчим, величаво несется по необозримой поверхности волн. Много умом человеческим составлено учений, разлились повсюду волны мудрований: но корабль церкви православной, руководимый всеведущим Кормчим, возвышается над свободными разливаниями мысли человеческой, и несет к небесной пристани души, вверившиеся ему. Остается нам самим крепко держаться за якорь нашего спасения. Символ нашей веры есть символ неизменяемости. По установлению отцов, он останется один до скончания мира. Он да слышится из уст наших один, и не иной какой-нибудь, до конца нашей жизни. Прияв крещение, мы каждодневно исповедуем едино крещение, и в последний день жизни как отрадно произнести последние слова символа веры: «чаю воскресения мертвых и жизни будущего века!» Быстро ныне

человек развивается; но не догматы веры, не заповеди Христовы он призван усовершенствовать (ибо совершенное не требует усовершенствования), а свои действия должен им подчинять.

Между добром и злом середины нет: иже не собирает, расточает (Мф. 12:30). Некто из святых сказал: «думай о хорошем, чтобы не думать о дурном». В дополнение к этому совету можно присовокупить: «старайся делать всегда доброе, и отвыкнешь делать не доброе». Этому постоянству в добродетели не воспрепятствует неизбежность нашей греховности. Можно ли сказать о путнике, что он не постоянен, если он претывается и падает, но встает и, ободряясь, простирается вперед? Доброе направление выкупает случайные отклонения от долга. Грехопадения кто уразумеет (Псал. 18:13)! И мы, свергая заминающий нас грех, с терпением должны проходить предлежащее нам поприще (Евр. 12:1). Закон усовершенствования не терпит в хорошем намеренной примеси дурного и перехода от лучшего в худшему. Не тот совершен, кто хорошо начал, а тот увенчается, кто непостыдно кончит. Какая польза, если кто ныне молится, постится, делает пожертвования, а потом предается страстным влечениям, как будто хочет дни лишений вознаградить разнообразием жертв необузданному невозддержанию? Одного подвижника вызвал из келлии голос: «поди, я покажу тебе дела человеческие». Старец, вышедши, между прочим, увидел, что какой-то человек стоит у колодца, и черпая воду, льет ее в пробитый сосуд, из которого она опять утекала в колодезь. Таинственный голос объяснил смотревшему: «Этот, черпающий так воду, изображает того, кто хотя и делает добрые дела, но примешивает к ним худые, и чрез то губит добрые дела свои»⁵¹.

От пальм, всегда зеленеющих, брали ветви те, которые сретили Христа, входившего в Иерусалим. Попечемся, чтоб наша жизнь постоянно цвела живою верою и добрыми делами. С сими только знамениями неосужденно мы можем сретить Господа, когда Он опять приидет, и во вратах горнего Иерусалима воскликнуть: «Осанна!» Аминь.

25. Слово в неделю вайй. (Восьмое) О зависти

Учителю, запрети учеником Твоим. (Лк. 19:39)

Когда Господь входил в Иерусалим, Его последователи, объятые чувством удивления к Нему, стали во всеуслышание хвалить и прославлять Его.

Не понравилось это фарисеям. Некоторые из них подошли к Спасителю, и под видом предостережения предложили Ему, чтоб Он воспретил ученикам хвалить Его.

Бывают на свете такие люди, для которых не только сказать, но и услышать о ближнем что-нибудь похвальное так же больно, как если бы кто уколол их в самое сердце. Где причина такого нежелания похвалить того, кто достоин похвалы?

Причина сего в слепоте самолюбия. Чтобы похвалить другого, надобно признать его заслуги. Обыкновенно свое и малое нам представляется великим, и свое не совсем чистое нам кажется чистым, а когда приходится судить о чужих трудах, наше самолюбие подсказывает нам, чем уменьшить их важность, или поколебать самую их несомненность. Если же их достоинство и не подлежит сомнению, то встречается новое затруднение. Признать за другим преимущество, надобно укорить себя. Когда другой лучше нас делает и больше успевает, мы должны сознаться, что для подобных успехов в нас недостает ни искусства, ни усилий. Но каждый ли из нас захочет укорить себя, чтоб похвалить другого? Если порицают ближнего, самолюбивый самодовольно утешает себя: несмы, якоже прочие человецы (Лк. 18:11), или как этот, которого все осуждают. Если же при самолюбивом других хвалят, зависть, как змея, уязвляет его сердце.

Эта черная страсть есть печаль о благе ближнего. Завистливому все мало. Он недоволен, почему все достохвальное, что делают другие, не ему принадлежит. Оттого он не может слышать равнодушно, когда при нем кого-нибудь хвалят. Если б было возможно, он заглушил бы все, что к чести и хвале человека достойного говорится в обществе. Входит Спаситель торжественно в Иерусалим; далеко слышны

хвалебные в честь Его восклицания. Фарисеи почти в отчаянии; ненавистных хвалений остановить нельзя; унылые, они между собою говорят: «ничего мы не успеваем; весь мир за Ним идет» (Ин. 12:19). Но зависть находчива, когда по-видимому теряется. Под видом благожелательства некоторые из них обращаются к Спасителю с советом, чтоб Он сам остановил похвалы, по их мнению, не скромные и опасные. Дело в том, что сопровождавшие Христа громогласно называли Его царем. Фарисеи поставили на вид Ему, что если такое провозглашение дойдет до сведения римского начальства, то всем худо будет. Но Он отвечал им что если ученики замолчат, то камни возопиют (Лк. 19:40). Ничего не успев угрозой, завистники стали действовать насмешкой. Христос приблизился к храму, и там, – как выражено в одной песни церковной, «являются похваляющие дети, Ему же завидят отцы»⁵²; грудные младенцы восклицают: «осанна» Сыну Давидову. Книжники насмешливо вопрошают Христа: слышиши ли, что сии глаголют? Смысл насмешки такой: «Велика похвала, что несмысленные дети хвалят Тебя!» Завистники хотели уничтожить значение детских восклицаний, а Спаситель объяснил, что они предсказаны за тысячу лет (Мф. 21:16; Пс. 8:3). По какому побуждению восставали против Христа книжники и фарисеи, это понял даже Пилат-язычник: ведя же бо, яко зависти ради предаша Его (Мф. 27:18).

Такие своекорыстные расположения души препятствуют ей принимать участие в радостях ближнего и в одобрительных отзывах о нем. Более склонно сердце человеческое к состраданию. «К сему, – замечает Златоуст, – влечет нас сама природа и нет такого каменного человека, который бы не поскорбел при виде несчастного. Но чтобы, видя счастливого, ему не завидовать, и о нем порадоваться, на это нужна душа очень благородная»⁵³. Посему, конечно, апостол дал нам особенную заповедь о том, чтобы радоваться с радующимися (Рим. 12:15). Сорадование есть качество ангельское, а злорадование есть дело бесовское. Не только о великом праведнике, не только о полезном церкви и обществу человеке, а даже и о кающемся грешнике бывает радость на небе у

ангелов Божиих (Лк. 15:10); между тем, как злые духи радуются тогда, когда душа грешит и погибает.

«Если видишь, – поучает святой Златоуст, – что брат твой пользуется доброй славой, не говори: «ведь слава принадлежит ему: чему ж мне-то радоваться?» Так может сказать не брат, а враг. Если твой ближний приобрел похвалу или словом своим, или тем, как держит себя с другими, или благородными поступками; разделяй с ним и ты его добрую славу. Сим участием ты заслужишь награду за твою любовь к нему. Когда ты хвалишь достойного хвалы: значит, ты победил в себе зависть, подавил недоброжелательство. Но мал и твой подвиг» (На посл. к Кол. бес. 11, стр. 182 и след.).

«Будем возлюбленные, – заключает святитель, – иметь это в виду, и мы сами возможем приобрести себе похвалу от благомыслящих людей и славу от Бога». Аминь.

26. Слово в неделю ваий. (Девятое) Знаменование одного из действий Иисуса Христа во время торжественного входа его в Иерусалим

И приведоста жребя ко Иисусови: возложиша на не ризы Своя, и вседе на не. (Мк. 11:7)

Празднуемый ныне вход Господень во Иерусалим хотя был царский, но без всякого великолепия. Не было ни колесниц, ни всадников: Христос восседал не на богато убранном коне, а на жребяти осли. Какая же сему причина?

Если скажем, что так предсказано было пророком Захарию, который за четыреста лет возвестил Иерусалиму: Се Царь твой грядет, всед на подъяремника и жребца юна (Зах. 9:9); то недоумение сим не решается, ибо рождается вопрос: почему же так было predetermined и так было предсказано?

Царство Иисуса Христа не мирское; потому Он и не хотел окружать Себя великолепием царей земных и при Своем царском входе в Иерусалим. Он входил как победитель, но победитель не каких-либо внешних врагов, а темных сил и зла, господствовавшего на земле. Он входил, как возвеститель и начальник мира (Ис. 9:6), но не того, который победитель даст побежденным, а того мира благодатного, которым умиротворяются поработившиеся страстям души, успокаиваются возмущенные грехами совести. Спасителю, которому все повиновалось, мог бы быть доставлен и богато убранный конь. Но это животное издревле почиталось воинственным, необходимою принадлежностью войны. В священной книге Притчей замечено: конь уготовляется на день брани (Притч. 21:31). Для храбрых витязей «сесть на коня» иногда значит то же, что идти на войну. Посему Господь восхотел сести не на коне, а на жребяти осли. Это животное для войны не употреблялось; оно служило знаком мира, пособием в тихих житейских занятиях. Но при сем опять была своя особенность. Жребя ослее, на котором восседал Господь, не знало ни ярма, ни узды, на немже никтоже николиже от человек вседе (Лк. 19:30). Хотя само по себе это животное кроткое и

смирное, но как оно было молодо и к езде не приучено, то легко могло испугаться и сбросить сидевшего на нем. Для чего же Господь избрал такое полудикое животное? «Гадательственно⁵⁴, то есть прикровенно, знаменоваше жеребец сущия ны от язык люди». Нравы язычников были звероподобны; их страсти необузданны, как дикие порывы у животных. «Стропотное языков (их развращенную, непокорную волю) седалище жребца прообразование, из неверия в веру претворяемое»⁵⁵. Неудобно было сидеть на осляти, хребет которого покрыт был только одеждою, но Господь восседал на нем неколеблемо, предзнаменуя тем, что укротит язычников и приведет их к вере. «Обрати внимание, – приглашает Златоуст, – и на послушание осленка: как он, вовсе необученный и не знавший узды, не помчался быстро, но шел тихо и спокойно. Это служило предзнаменованием будущего, выражая покорность язычников и скорую их перемену к благоустроенной христианской жизни»⁵⁶. Сие предзнаменование чрез несколько дней уже начало сбываться. Лонгин сотник, бывший в числе распинателей, видевав трус и бывшая, уверовал во Христа и воскликнул: воистину Божий Сын бе Сей (Мф. 26:54); а впоследствии и мученическую кончину принял за Него. «Заметь же, как превратился порядок. Иудеи умерщвляют, а язычники исповедуют»⁵⁷. Учение Спасителя, сначала неприметное, потом презираемое, наконец гонимое, победило царей, царства и народы. Его благодатная сила из львов соделала агнцев, из гонителей – защитников, из мучителей – мучеников, из сынов противления – возлюбленных чад Божиих. Так «на жребя младо всед Христос, безсловесную идольскую прелесть разрушити и неудержанное стремление уставити всех язык прииде»⁵⁸.

Мир языческий покорился Христу. Но не бывает ли в христианстве, что замечалось в язычестве? Не слышатся ли у нас, православных, убийства, татьбы, лжесвидетельства и другие проявления страстей и злобы? Или благодатная сила Христова ныне менее действительна? Нет, святая церковь и ныне воспеваает: «Воссед на жребя, Благоутробне, в безсловесныя страсти умовредно приникшия, то есть погруженныя, словесныя содеваеши»⁵⁹. Но жребя не волею

было приведено к Нему, а чтобы подвести себя под иго Его закона, нужно наше свободное произволение. Пристрастный к разгорячающим видам пищи и питья не хочет оставить их, хотя и знает, что они вредны ему; привыкший жить в жилище душном и нечистом, не хочет выйти, чтобы подышать свежим воздухом. Так и в жизни духовной. Учение Христово пред всеми открыто; благодать окружает нас, как чистый воздух. Однако ж мало ли таких, которые именуют себя христианами, а отвращаются от всего священного и церковного, ищут пищи для души в предметах суетных и вредных, любят жить в злосмрадии страстей? Казаться христианином, и быть христианином – это не одно и то же. «Благодать, – научает святой Златоуст⁶⁰, – хотя и есть благодать, но спасает желающих, а не тех, которые отвращаются от нее». Обратитесь ко Мне, и обращусь к вам, глаголет Господь сил (Зах. 1:3). Аминь.

27. Слово в неделю вайй. (Десятое)

Кротость ваша да будет разумна всем человеком. (Флп. 4:5)

Торжественный вход Иисуса Христа во Иерусалим совершился по пророчеству, в котором Он назван Царем кротким. «Скажите дочери Сионовой: вот Царь твой грядет к тебе кроток» (Мф. 21:5).

Кротости требует Он и от нас: научитесь от Мене, яко кроток есмь (Мф. 11:29). Та же заповедь напоминает нам и в нынешнем апостольском чтении: «кротость ваша да будет известна всем человекам».

Что же однако произошло чрез несколько часов по вступлении Иисуса Христа в Иерусалим? Вошедши во храм, Он показал Себя совсем иным, выгнал продающих и покупающих, опрокинул столы меновщиков и скамьи торжников, с таким грозным упреком: «Дом Мой вы сделали вертепом разбойников» (Мф. 21:13). Чему же подражать: кротости ли Спасителя, или строгости Его?

Кротость есть качество, при котором человек никого старается не раздражать, но со всеми обходится уступчиво, любовно и снисходительно; равно и сам не раздражается, когда видит что-либо противное своему желанию, подавляет в себе чувство неудовольствия, оскорбления переносит благодушно, смягчая и извиняя виновность обидевшего, спокойно и охотно исполняет все, что клонится к миру. Кротость противоположна злобе и мстительности. Если бы все были кротки, то в обществе господствовало бы совершенное спокойствие, не было бы раздоров и взаимных оскорблений. Господь, называя кротких блаженными, обещает, что они наследят землю (Мф. 5:5), то есть, жизнь спокойную и в этом мире, и землю новую, где вечная правда и безопасность. Чтобы побудить к этой добродетели, Он указал в Себе пример, и из Евангелия мы видим, какую любовь Он во всем являл, как снисходителен был к согрешающим, и многотерпелив к оскорбляющим Его. Внушая и нам терпеливость, апостол Петр напоминает нам, что сам Спаситель, укаряемый противу не укаряше, страдая не угрожал

(1Пет. 2:23). А апостол Павел хочет, чтобы кротость наша известна была всем человекам. Это такая добродетель, которую надобно показывать и нельзя скрывать; ибо в обществе, в обращении с людьми она и имеет только место. Как в древности язычники удивлялись кротости христиан, так и ныне кто хочет быть истинным христианином, тот должен быть кротким.

Однако и эта ангельская добродетель встречает иногда ограничения. Припомним, когда Христос показывал строгость. Грозно Он упрекал фарисеев за то, что они обижали и соблазняли народ. Дважды изгонял Он торжников из храма, угрожая даже им бичом от вервий. Почему же ревность Его проявила себя в таких резких чертах? – Потому что чрез этот торг не только поругаема была святыня, и оскорблялось чувство благочестия, но и хулилось имя Божие во языцех (Рим. 2:24). В отделение храма, где была торговля, могли входить и язычники; храм Мой, говорит Христос, наречется храм молитвы всем языком (Мк. 11:17). Что же могли подумать они, видя какой в нем беспорядок, какое безобразие? Посему Господь и употребил чрезвычайную меру, чтоб очистить храм. Апостолы и святые отцы также с поразительною строгостью восставали против хулителей веры и возмутителей церковного общества. Было бы и ныне не честно, если б кто стал слушать равнодушно насмешки над святыней, терпеть, когда что-либо делают вредное против общего спокойствия, попускать беспорядки, которые сам же обязан пресекать, молчать, когда клеветают на невинного. В подобных случаях кротость есть или робость, или бесчувственная холодность. Святой Василий Великий замечает: «и заботящимся о кротости прилично благовременное негодование. И кроткому можно разгорячаться с разумом, но не повреждать в себе совершенства кротости. Оставаться же неподвижным, или не показывать негодования, когда должно, есть признак недейтельной природы, а не кротости»⁶¹.

Теперь посмотрим, так ли бывает у нас в ежедневной жизни. К беспорядкам, против которых должно бы восставать общественное мнение, мы терпеливы; к насмешкам над верой православной многие равнодушны, как бы сами принадлежали к иному вероисповеданию, а в том, что не нравится их

самолюбия, не в меру раздражительны. Одно неосторожное слово, какая-нибудь двусмысленность бывает нередко причиной непримиримой вражды, подобно как от одной искры воспламеняется великий пожар. И сбывается то, что предсказал апостол: люди, христиане, угрызают друг друга (Гал. 5:15), как звери. Сильный поднимает руку на слабого; родители и попечители истязают детей за ничтожные проступки; ремесленники поступают жестоко с своими учениками. Правда, закон наш милостивый не позволяет насилий, но кто читает ежедневные всенародные листы, тот знает, как часто в них печатаются известия о подобных истязаниях. Есть у нас общество покровительства животным, которого дело препятствовать жестокому с ними обращению, останавливать людей грубых, когда они их мучают. Не более ли все наше православное общество должно заботиться о том, чтобы между его сочленами не было проявлений жестокости, чтобы между нами сохранялось обращение кроткое, благородное, безобидное? Кротость ваша да будет разумна всем человеком. Аминь.

28. Слово в неделю вайй. (Одиннадцатое)

И вниде Иисус в церковь, и изгна вся, продающия и купующия в церкви. (Мф. 21:12)

После как Иисус Христос совершил Свой царский вход во Иерусалим, между первыми действиями Его всемогущества было очищение храма от неприличной купли и продажи. В церковных притворах, близ самого святилища, происходила торговля не только жертвенными, но и другими, не священными предметами. Изгоняя оскорбителей святыни, Он грозно упрекал их: «Дом Мой – дом молитвы, а вы сделали его вертепом разбойников».

Дважды Господь изгонял торжников из храма. Какое Он имел к сему побуждение, – это ученики Его объяснили словами псалма: жалость дому твоего снеде Мя (Ин. 2:17). Святой и Божественный, Он не потерпел, чтобы святыня оскверняема была мерзостью злоупотреблений. Виновные безчинники тотчас повиновались, и уходили. Но коварные фарисеи, всюду наблюдавшие за Христом, и старавшиеся уловить Его словом, спрашивали у Него: коею властью сия твориши? «Каким знамением докажешь ты нам, что имеешь власть так поступать?» Христос отвечал им: Разорите церковь сию, и тремя денми воздвигну ю. Он глаголаше о церкви тела Своего (ст. 18–20) (Ин. 2:18–19), и в сем Своем ответе указал на их злоумышление против Него, на Свою готовность принять смерть за то, чему учил и о чем ревновал, и на Свое воскресение, в котором основание нашей веры и церкви.

Такова ревность истинная: она одушевляется силою, но и проникнута самоотвержением. Писал апостол Павел к Коринфянам: Ревную по вас Божиею ревностью (2Кор. 11:2). Заметив неприличные пиршества в местах богослужения, он властно обличал нарушителей порядка: Еда домов не имате, во еже ясти и пити (1Кор. 11:22); видя козни лжеучителей, убеждениями и запрещениями отклонял своих верных учеников от них; угрозы и гонения не останавливали его святой ревности; за нее безбоязненно преклонил он под меч и главу свою.

Такою же ревностью прославились и многие пастыри церкви. Из них укажем, для примера, на просветителя славян, иже во святых отца нашего, архиепископа Мефодия, в честь которого, чрез три недели, будет совершено празднование во всей России и в прочих славянских странах, по случаю исполняющегося тысячелетия со дня его кончины. Ревность его об утверждении славян в вере православной восставила против его множество врагов, которые достигли того, что заключили его в темницу, и держали в ней около трех лет, нанося ему не только душевное томление, но и телесное озлобление. Однако же это не ослабило его пламенной ревности, и освободившись от уз, он с прежней силой действовал в пользу православия, а одного из своих сильных противников, под видом помощи вредившего святому его делу, неустрашимо и всенародно предал отлучению.

Иной подумает: «все это касается пастырей церковных, а не мирских людей». – Нет. По выражению одного святого отца, «ревность есть ограда веры»⁶². В этой ограде все православные призваны стоять на страже, – утверждать друг друга в послушании святой церкви, остерегаться и остерегать от лжеучителей и соблазнительей, иметь готовность, чтобы потерпеть насмешки и неприятности за свое чистое исповедание. Наконец все мы обязаны быть ревнители добрым делом (Тит. 2:14). А это так важно, что еще древние учителя церкви о своем времени говорили: «Если бы все христиане жили, как христиане, то не осталось бы между нами ни одного язычника» Аминь.

29. Слово в великий пяток. (Первое)

И вси пришедшии народи на позор сей, видяще бывающая, биюще перси своя, возвращахуся. (Лк. 23:48)

То самое зрелище, которое смотреть выходил некогда народ из Иерусалима, открыто ныне пред нами. Пред нашими очами Иисус Христос так преднаписан, так изображен, как бы у нас Он был распят (Гал. 3:1).

Евангелие повествует, что все, приходившие на сие зрелище, биюще перси своя, возвращахуся. Что же, и мы пойдем от сего зрелища, биюще себя в перси? Не сего ожидает от нас распятый Спаситель наш. Прискорбен был для Него час, когда ученики Его разошлись кийждо во своя, и Его единого оставили.

Посему надобно нам помыслить, какая требуется от нас верность Ему, чтобы нам неложно носить имя и не лишиться награды учеников и последователей Его.

Не отвергал Господь и внешних знаков усердия к Нему. Одни служили Ему от своих имений, другие ублажали Его словом, чтили Его поклонением. Даже среди страданий, Он милостиво принимал знаки сострадания к Нему. Тот, Кто един понес неизмеримое бремя грехов наших, позволяет, чтобы бременный человек подал Ему помощь в несении креста. Видит жен иерусалимских, рыдающих о Нем, и обращает к ним благосердный взор и слово, показуя, что их чувство сострадания не неприятно Ему.

Но были и возмутительные опыты участия, даже почтения к Спасителю. Не говорим ни об Иуде, который дал лобзание Учителю, но тем же лобзанием предал Сына человеческого, ни о Пилате, который многократно выражал свое усердие избавить невинного от смерти, но был столько слаб, что сам осудил Его на смерть: посмотрим, что делает народ, который потом от Голгофы возвращался в ужасе. Какой это народ? Тот самый, среди которого Спаситель жил, учил и чудодействовал; его слепцов Он просветил, его прокаженных очистил, его больных исцелял, и мертвецов возвращал к жизни. Но какой народ, к

удивлению всего мира, испросив у Пилата жизнь убийце, жаждал крови и убийения Начальника жизни (Деян. 3:51)? Какой народ, мимоходя у креста, хулил Спасителя, и потом воздвиг первое гонение на учеников Христовых? Опять тот же самый народ, который теперь, видя кончину Спасителя, оплакивает Его, терзается горестию. Если нельзя не согласиться, что знаки умиления, в некоторых иудеях, были выражением их раскаяния, предначатием их обращения к Христу, то несомненно, что в других этот частый переход от изъявления участия пред Спасителем к ожесточению против Него был свидетельством того непостоянства, которым нередко себя посрамлял отверженный Богом народ.

Сии происшествия несколько объясняют нам, на чем должна держаться наша верность Господу. Кто строит здание, тот не на поверхности земли полагает первый камень. Так не на внешних действиях держится истинная верность Господу, но во глубине души, в расположении сердечном. Приступила к Господу, в доме Симона, жена грешная, и начала омыwać ноги Спасителя слезами, отирать их власами главы своей и мазать миром. Другие видели в этом только дерзость грешницы, прикоснувшейся к святыне, но Серцеведец судил иначе, и наградил жену по тому ее чувству, которое подвигло ее принести жертву: отпускаются греси ея мнози, яко возлюбил много (Лк. 7:47). Кого из грешных не вразумит сей пример, что нужно прежде возлюбить Спасителя, чтобы послужить Ему? – Видел Он и другую жену, которая, подошедши к церковному хранилищу, опустила туда две только лепты, – и сказал о ней, что она положила больше всех богатых (Мк. 12:41,43). Ясно, что не по внешней ценности оценил Господь приношение вдовицы, а по тому великому усердию, по которому она принесла в жертву Богу все, что имела. Определил Господь восстановить Петра в подвиге апостольства, но не прежде сие сделал, как пламенный ученик троекратным уверением засвидетельствовал, что сердце его, горьким искушением очищенное, уготовилось наконец в сосуд неизменной любви к Пастыреначальнику.

Спросим же и мы себя: во глубине ли сердца нашего лежит основание нашего служения Богу? – Матерь Божия, любившая

Сына Своего, как ни одна из земнородных не может любить детей своих, видевшая всю силу человеческой неблагодарности к Нему, стоит безмолвно у креста, и не говорит самовидец, чтобы Она показывала какие-либо поразительные знаки своей глубокой печали. Ужели Она меньше других поражена скорбью? – Нет. Но как Она слагала все глаголы Сына Своего в Своем сердце: так и теперь втайне приносит Ему жертву терпения, преданности и упования. Зрители и по вере участники Христовых страданий! Сокрыт ли в нас тот потаенный сердца человек (1Пет. 3:4), которого Богоприятный образ живописуется в нетлении кроткого и молчаливого духа, в чертах любви и радости, мира и долготерпения (Гал. 5:22)? Когда Промысл нас ведет по стопам крестоносного Подвигоположника: чужды ли мы ропота, как безропотная Приснодева, у креста стоявшая? храним ли хотя часть того спокойствия, терпения, каким преисполнена была Она? – Слышим ныне пение лика: «приидите, ублажим Иосифа приснопамятного...» Но, ублажая сего мужа, подражаем ли его подвигу, стяжали ль верою Распятого за нас, положили ль Его, как Иосиф во гробе, в любви нашего сердца, лобызаем ли, повиваем ли плащаницею чистого усердия ту живоносную Его мертвенность, которая, умерщвляя наши страсти, дает жизнь благим нашим начинаниям, успех духовным трудам? – Мы ныне поклоняемся Христовым страстям: но там ли наше сердце, где вечное сокровище наше? О, да не приидет на нас это обличительное слово нашего Спасителя и Судии: «приближаются ко Мне люди сии устами своими, а сердце их далеко от Меня» (Мф. 15:8)!

Правда, мы желаем, чтобы наше служение Господу было искренне и чисто. Но не случается ли, что иногда в человеке, вовсе не благочестивом, раздаются чувствования раскаяния и умиления? Удивительно ли, что сердца иудеев разверзлись к сетованию о кончине Спасителя, когда и нечувственные камни расселись, открывая в себе место тому ощущению ужаса, с каким сострадала вся природа своему Создателю? Не тех проявлений благочестия ожидает от нас Господь, которые так же естественно возникают, как и скоро исчезают. Он требует от нас постоянства в последовании Ему. «Пребудьте в любви

Моей», – заповедал Он нам пред Своею кончиною (Ин. 15:9). Высоко ценится и между людьми постоянство, так что человек непостоянный в своих мыслях и расположениях встречает в обществе недоверчивость, а нередко и презрение. Как же было бы недостойно непостоянство в служении Спасителю, который Сам един и тойже во веки, и возлюбль сущия своя, до конца возлюбил их (Ин. 13:1), и не изменяется? Утреннует ныне душа наша к Истощившему Себе непреложно: но тверда ли воля наша в исполнении заповедей Его? Когда певец поет: на недвижимем, Христе, камени заповедей Твоих утверди мое помышление: мы близки к решимости держаться на этом незыблемом основании. Но не бывает ли, что как только стопы наши двинутся за камень прага церковного, наша добрая решимость погрязает в блате дел житейских и влечений порочных? Ублажается ныне усердие и святых жен, верно послуживших Спасителю. Но сии жены не тогда только Ему служили, когда Его слава, сквозь завесу уничижения, просиявала в Его учении и чудесах; напротив, по мере того, как скрывалась сия слава во глубине Его истощания, возрастала их приверженность к Нему, – и в час Его распятия, они стали сначала среди народа зряще (Мф. 27:55) Господа своего, потом приблизились к кресту Его, наконец, зрясте, где Его полагаху (Мк. 15:47) во гробе, и не просто взирали, но для того, чтобы ароматами и мастьями воздать Ему погребальную почесть. – Кто из нас оставит Спасителя, доколе Он благословляет нас дарами благоденствия? Но бывают времена в нашей жизни, когда щедрая десница Его скрывается под завесою таинственных для нас судов Его. Душа наша ищет Господа, как дитя нуждается в ласках матери; жаждет утешений, в которых привыкла, и которых не знает чем заменить; смотрит, смущенная, в свое будущее, и видит там непроницаемый мрак, в безмолвии которого слышится ей отдаленный гром новых, угрожающих бедствий. Еще немного, – и действительно, возвеяли ветры, наступили напасти. Господь близ (Флп. 4:5); а мы Его не узнаем. Его светлый ангел бдит над нами, и внушает: не ужасайтесь; а мы малодушествуем, мятемся, и хотя делаемся подобны мироносицам, но только в том их состоянии, когда имяше их

трепет и ужас, и оне никому же ничтоже реша: бояхубося (Мк. 16:8).

Но как нам пребыть верными Господу, когда и лучшие ученики Его, в годину напастей, оставили Его? – В их же судьбе дан нам урок, чтобы избегать непостоянства. Неукрепленные Святым Духом, они так были слабы, что глас рабыни был страшен для них; но как скоро осенила их сила свыше, ничто не могло разлучить их от Христа. Во всех нас положено семя сей духовной силы, под печатью дара Духа Святого, и от нашего усердия зависит возрастание крепости духовной. Растение, произникнув из семени, укрепляется и дает от себя новые отростки: и наша духовная жизнь, начинаясь от семени благодатного, укрепляется, при усердии самого человека, так что душа его, как плодородная нива, никогда не будет оскудевать плодами верного служения Христу. Впрошали некогда апостолы Господа: Се, мы оставихом вся, и вслед Тебе идехом, что убо будет нам (Мф. 29:27)? – Быть может, не все мы оставили Для Господа; однако же твердо решаемся не оставлять Его, и желаем знать: что убо будет нам? Будет то, чем увенчалось усердие святых жен. Ища Господа близ погребальной пещеры, они от минутного страха перешли к надежде увидеть Его – и се Иисус сrete я, глаголя: радуйтесь (Мф. 28:9). Если и мы не только тогда не оставим Господа, когда Он является нам в дарах Своей благодати, но не престанем искать Его и тогда, когда, по-видимому, Он сокрывается от нас за мраком испытующих нас несчастий: то постоянство наше не останется без утешений в нашей жизни, и когда приблизимся мы к своей погребальной пещере, сам Иисус сретит нас, глаголя: радуйтесь! Аминь.

30. Слово в великий пяток. (Второе)

И Аз завещаваю вам... царство, да ясте и пиете на трапезе Моей. (Лк. 22:29)

Это говорит Умиравший, смерть и погребение Которого мы теперь воспоминаем. Никакой мудрец, никакой учитель, никакой обыкновенный смертный не говорил, и не мог так сказать: ибо как бы ни был велик и славен человек, умирая, он мог своим родным, знакомым, ученикам оставить свое имущество, свое учение, свои предсмертные желания, но не в состоянии всем им завещать свое царство, так чтобы всегда они ели и пили на трапезе его. Такое завещание мог дать Своим ученикам и апостолам, и всем верным Его последователям только этот человек, умиравший и умерший, но и вместе Бог, вечно живущий.

В чем же состоит Его завещание? Какое Он царство оставил нам?

Неземное. Ибо если б все были царями, над кем бы стали они властвовать? И самое завещание Свое Спаситель произнес тотчас, как избличил в Своих учениках мысль о превозношении.

Он, как Бог, видящий наше будущее, хочет сделать блаженным наше бессмертие. Совокупность того, что удовлетворяет чистым стремлениям души, составляет блаженство, которое, под образом пищи и питания, обещает Христос даровать Своим верным последователям, в Своем небесном царстве. Подтверждение сего обещания, и именно в этом смысле, последовало еще на кресте благоразумному разбойнику: днесь со Мною будеши в раи!

Но прежде нежели соберутся все достойные в это царство небесное, по воле Того же завещателя и по силе крестной жертвы Его, существует среди нас царство благодатное, духовное, которое устроил Он, чтобы оно служило на земле преддверием неба. Царство, о котором речь, есть церковь святая; о ней сам Спаситель сказал: созижду церковь Мою (Мф. 16:18), – и создав ее, покровительству ее Он нас также

поручил, как возлюбленному ученику со креста указал новую Матерь: се мати твоя. Господь учредил сие благодатное царство, чтобы мы ели и пили за трапезой Его, причащались святых Таин Его. В сем заключается залог нашей счастливой будущности, по слову самого Завещателя: «ежели не будете есть плоти Сына человеческого, и пить крови Его, то не будете иметь жизни в себе» (Ин. 6:53).

Воля всякого умершего священна, тем больше обязательна воля Божественного Завещателя. Как же мы исполняем ее?

Не говорим ни о тех, которые, подобно начальникам иудейским и воинам римским, насмехавшимся над Христом, будто мнимым царем, – считают мечтою царство Христово; ни о тех, которые, присоединяясь к обществу фарисеев и книжников, спрашивавших Спасителя: «Ты ли Христос?» – отрицают Его божественность; ни о тех наглых, но вместе и робких предателях, которые, так или иначе, то в двусмысленных сочинениях, то в беседах с юношеством, прикровенно или открыто, пускают стрелы хуления и насмешки против веры христианской, в лицо церкви православной, хвалясь, где можно, своим постыдным подвигом, как некогда люди грубые, дерзавшие «Иисуса, закрыв Ему глаза, ударяли Его по лицу, и спрашивали Его: отгадай, кто Тебя ударил»? (Лк. 22:64).

Не будем говорить о врагах, взглянем на себя, – на нас, которые в числе верных, которые недалеко от того, чтобы к себе отнести этот сладкий привет Спасителя: вы друзья мои есте (Ин. 15:14).

Есть присловие: «живи, не как хочется, а как Бог велит». Оно имеет смысл тот, что непреложны пути промысла Божия, по которым течет наша жизнь, и должны мы довольствоваться тем, что свыше от Бога нам посылается. Если это так в обстоятельствах житейских, тем более так в делах веры. Между тем, нередко случается, что свои личные мнения, свои прихотливые желания мы стремимся внести в ее область, в то святилище, пред вратами которого надлежало бы нам оставить свои житейские расчеты. Учрежден пост; иные не постятся, а толкуют: зачем он велик? Идет служба; хотя иной и в храме не бывает, а глубоко озабочен недоумением: зачем она

продолжительна? – Все это затем, что так приняли мы от отцев; отцы наши – от святых отцев; те – от апостолов; апостолы – от Христа.

Таких примеров много найдет каждый, кто захочет пред этим гробом дать отчет в своих мыслях и словах. Довольно, в заключение, обратиться к обстоятельствам вчерашнего дня. Многие желают в тот день причащаться. Желание само в себе прекрасное. Нельзя без умиления сердечного вспомнить, как Спаситель наш провел вчерашний день с учениками Своими, как Он трогательно с ними беседовал, как возлежал с ними на вечери и преподал им в пищу и питье Свое тело и Свою кровь, как с ними прощался, как молился... Но нынешние причастники тайной вечери входят предварительно в условие со Христом. Когда зовут их куда-либо на трапезу, они поставляют долгом учтивости повиноваться назначенному сроку, и даже за несколько минут до него, являются к радушному хозяину, хотя бы назначенное время трапезы было и не то, к которому они дома привыкли. А когда они, в великий четверг, решаются приступить к трапезе Господней, спрашивают и сетуют, зачем так поздно начинается литургия. Знают ли они, в каком часу Христос совершил, в тот день, Свою тайную вечерю? Церковь это знает, и с теми часами сближает свое воспоминательное богослужение. Иные защищают себя слабостию, будто не могут говеть до полудня, сохранить душу в удалении от греха. Раскройте книгу сего Божественного Завещателя, и читайте ответ: тако ли не возмогосте единого часа побдети со Мною (Мф. 26:40)?

О, безгрешный Страдалец, за нас пострадавший! Даруй нам видеть наши прегрешения, которыми нарушаем мы Твое завещание, и, наше покаяние, нашу веру вместо добрых дел вменив, помяни нас, егда приидеши во царствии Твоем! Аминь.

31. Слово в великий пяток. (Третье)

Язвою Ею мы исцелехом. (Ис. 58:6)

Не удивительно, если на суде человеческом осуждается невинный: здесь и судьи не всеведущи, и преступники очень хитро умеют скрывать свои преступления, а по совпадению обстоятельств иногда неправый кажется виновным.

Но вот что удивительно, и даже не вполне постижимо: Сын Божий, совершенно праведный, пострадал, как неправедный, и определение о сем только изречено на суде человеческом, а низошло оно от судебных Божия всеведения.

О сем любомудрствуя, Исаия возгласил: Той язвен бысть за грехи наша и мучен бысть за беззакония наша; язвою Его мы исцелехом.

Сомневающийся спросит: для чего эти язвы, и всегда ли дается при помощи их исцеление?

Неверующий скажет: какого людям искать исцеления? Все идет естественным путем, и идет к совершенству.

Но когда младенец рождается слабым, едва дышущим: сомнительно, что это так и должно быть. Нет, это знак, что в болезнях мать рождает свое болезненное дитя, а болезнь не есть явление естественное, законное. Это образ, что как младенец нуждается в помощи матери, или кормилицы: так в духовном развитии нужен для всего человечества руководитель и воспитатель.

Встречаем дерево кривое: никто не скажет, что оно должно расти кривым; всякий согласится, что оно было бы красивее, если бы было прямее. Никакое земное воспитание не в силах избавить род человеческий от кривых путей, от заблуждений и страстей. Самый взгляд на искусство воспитания сколько породил предположений, которые на деле так не тверды, что скоро оказывается нужным закрывать их действие! Умножаются изобретения; но еще не изобрел человек искусства, чтобы все около него были добры и счастливы. Обогащаемся познаниями; но заглянем в образованную душу: кто в ней водворит покой, кто заживит раны совести?

Нет, нам нужно исцеление, – и язвою Его исцелехом.

Но зачем такая чрезвычайная жертва? Разве для Бога не могло быть удобно средство иное?

Затем пришел Врач с неба, что не было, и по роду болезни быть не могло врача на земле. Нужен изнемогшему человечеству восстановитель, а восстановить его мог только Господь природы. Для совести нашей нужен примиритель, – и Господь говорит душе грешной: Я тебя не осуждаю (Ин. 8:11). Нужен законодатель, – и нет, и не будет в мире выше и чище закона Христова. Нужен Спаситель, – и Он до того благ и так объемлет все любовью, что даже разбойнику сказал: будешь со Мною в раю!

Но душа слабая и мятущаяся продолжает недоумевать: если дано исцеление, от чего ж оно не так явственно? зачем остаются болезни, и люди, как прежде, впадают в грехи?

Правда – как то, что с греха начались болезни, так и то, что сила его не совсем уничтожена, и нет человека, кто бы не ощущал влечения в нему. Но победитель ада хочет, чтоб мы явились победителями греха. Ради чести, дарованной человеку, Спаситель оставил нечто нашей собственной власти, чтобы каждый был ратоборцем за свое спасение. Где нет места свободе, и ничего не оставляется на свободный выбор: там нет и добродетели, дела не имеют цены, заслуги лишаются похвалы; не за что было бы осуждать невоздержание, и хвалить целомудрие. А посему, ежели видим, что жизнь человеческая, несмотря на врачевание, в язвах Спасителя заключающееся, не престаёт оскверняться грехами: это не должно приводить нас в уныние и сомнение, будто врачевство не вполне действительно, но возбуждать к рассудительности, осторожности и к подвигу. Связавший крепкаго (Мф. 12:29), до времени оставил ему некую ослабу, чтобы мы испытали свои силы в ратоборстве с ним. Убивший страсти не сделал нас во плоти бесстрастными, чтобы мы сами, борясь с своими плотскими влечениями, могли достигать и венцев бессмертия. Один святой отец о сем так рассуждает: «Когда змей получает смертельный удар в голову, вместе с головою не вдруг умирает влачимое им тело; но хотя голова уже мертва, однако же хвост еще одушевлен началом

жизни, и не лишен жизненной силы. Такова и сила греха: получив смертельный удар, он еще беспокоит нас своими остатками»⁶³. С ними нам и предоставлено бороться. Конечно, эта борьба не без трудов и преткновений: но она облегчена тем, что смертью Христовою притуплено смертоносное жало греха, а мы покрыты броней благодати, воссиявшей от живоносного гроба нашего Спасителя. И доколе не затмится в нас грешных свет веры в распятого Господа: дотоле с нами Его помощь, и средство, как обновлять нам наши душевные силы, и врачевать наносимый нам страстями нашими вред.

Итак, истина от нас не сокрыта, и жертва за нас принесена. Но какое страшное слово сказал нам апостол: «Ежели мы, получив познание истины, произвольно грешим: ктому о гресех не обретается жертва» (Евр. 10:27)! Если мы добровольно и упорно будем подклоняться под иго греха, то не спасительна для нас смерть Христова. Если в этих язвах мы, больные душой, не найдем врачевания: нет более для нас спасения. Станем же твердо против сомнений и против греховных влечений, и как бы ни казалась нам томительна с ними борьба, да не позволим себе, чтобы умолк в нашем сердце этот спасительный глас измученного, но благоразумного разбойника: Помяни мя, Господи, во царствии Твоем! Аминь.

32. Слово в великий пяток. (Четвертое)

Ничтоже тебе и праведнику тому. (Мф. 27:19)

В пятницу утром Иисус Христос был осужден на смерть. Прежде нежели произнесен был смертный приговор, и Пилат находился в нерешимости – осудить ли Христа, или отпустить Его, жена сего римского правителя присылает сказать ему, чтоб он не делал ничего оскорбительного преданному на суд Праведнику.

В ту ночь она видела страшный сон. Что именно видела, в Евангелии не изъяснено; но что сон был знаменательный, то показывают обстоятельства. По римскому обычаю и закону, жены судей не должны были вмешиваться в должностные дела мужей. Какого необыкновенного Узника Пилат судит, жена его едва ли знала. Но вдруг во сне узнает она, что пред ее мужем, в числе подсудимых, предстоит Величайший Праведник, и что за Его осуждение страшная постигнет участь Его незаконных судей и кровожадных врагов. В ужасе проснулась она, и разведав, Кого именно Пилат судит, тотчас послала мужу тайное предостережение: «Не делай ты ничего Праведнику тому; я ныне во сне много пострадала за Него».

Вместо того, чтобы делать догадки, какие были подробности этого мучительного для жены Пилатовой сновидения, лучше спросим: зачем оно было дано, и не имеет ли для нас какого значения?

Пилатовой жене страшное видение дано было для предостережения ее мужа, чтобы он удержался осудить Иисуса Христа на смерть. Достигло ли предостережение своей цели? – Для нас очевидным и выразительным ответом на этот вопрос служит перенесение плащаницы, которое нами теперь совершено в воспоминание тех великих и трогательных минут, когда тело Христово, по снятии со креста, перенесено было для погребения в пещеру, изсеченную в каменной скале, у Иосифа Аримафейского в саду. Пока совершался суд над Христом, во всем Иерусалиме никто не возвысил голоса в Его защиту. Только в самый день Его смерти, и только одна женщина, –

жена Пилатова, – решила просить за Него, и та безуспешно: Пилат осудил Его на крест.

Несмотря на это, сон, ей свыше данный, имел свою цель, и достиг ее. Его дальнейшая цель была та, чтобы Пилат знал, Кого осуждает, и принял на себя ответственность за свой незаконный приговор. Хотя Сын человеческий шел, якоже есть писано о Нем (Мф. 26:24), ибо тако подобаше пострадати Христу (Лк. 24:26): но горе тем, кем Он предан и от которых пострадал. Участвовавшие в судебном о Нем деле, имели все средства узнать невинность Его, и даже сознавали ее: однако же, против совести своей, Его осудили. Народ не только не искал Его смерти, но за несколько прежде хотел сделать Его царем своим. Иуда признавался, что предал кровь неповинную (Мф. 27:4). Старейшины тоже покушались сложить с себя ответственность, говоря: нам недостойно убить никогоже (Ин. 18:31). И их вождь, Каиафа, как выражено в одной песни церковной⁶⁴, «не волею пророчествует», что лучше, да один человек умрет за люди (Ин. 11:51). Его невольное пророчество было приличным заключением тех чудесных предсказаний, которые о Христе за несколько веков изречены были богодухновенными пророками, и которые тем удивительнее исполнились, чем более участники суда над Христом имели случаев и предупреждений, чтобы они не исполнялись. Пилат говорил: аз не обретаю в Нем вины (Ин. 19:6). Следствие отсюда прямое: не надобно было и осуждать человека, в котором нет вины. Несмотря на то, он отдал Христа на пропятие, и только умыл руки пред народом, чтобы несколько успокоить свою совесть и засвидетельствовать свою безответственность. Но действительно ли он остался безответен? – Нет, даже по своему языческому взгляду, он был не прав. Римляне, язычники, большое давали значение снам, и особенно снам женщин. Жена Пилатова была женщина с нравственным достоинством. Святая Прокла, – так ее имя, – впоследствии уже не во сне, а наяву сделалась мученицей за Христа. Известие, ею присланное мужу, должно было произвести на него впечатление, тем более сильное, что сон ее был не простой, а мучительный и знаменательный. Но Пилат не

последовал сему внушению свыше, и не потому, чтобы настолько не имел власти. Если, несколько лет спустя, только тысяченачальник римский мог и успел спасти апостола Павла от рук разъяренных иудеев (Деян. 21:13 и сл.): что же препятствовало правителю целой области иудейской освободить Христа? Если он отъявленного злодея отдал иудеям, по их желанию: то, конечно, мог невинного спасти из рук их силою своею. Потому действия Пилата неизвинительны, за что и на земле понес он достойное наказание: заточенный в ссылку, он кончил жизнь самоубийством.

Какое же значение имеет для нас предостережение, посланное Пилату женою его?

Раннее, поверхностное и превратное развитие ума ныне делает многих дерзкими, и они, почитая себя вправе осуждать и то, что веками признано и чтимо, садятся на судищи Пилатовом и делают Вопросы самому Христу: Убо царь ли еси Ты (Ин. 18:37)? Откуда еси Ты (Ин. 19:9)? И что есть истина (Ин. 18:38)? Судии, подобные Пилату, на царство Христово смотрят насмешливо, в божественном достоинстве Спасителя сомневаются, ищут истины только в науке, принимая ее решения за безошибочные во всех, волнующих душу, вопросах. Когда таким путем ум легкомысленный и гордый приближается к неверию, совесть, хотя, окруженная мраком вольнодумства, и сама спит, но раньше, или позже пробуждается, – потому что она по природе христианка, – и обращает свое кроткое предостережение уму: «не делай оскорблений Праведнику сему; не суди, чего не знаешь; не восставай на Того, Кто явился в мире, чтобы только свидетельствовать истину; удержишь насмехаться над тем, что служит средством спасения людей, – над учреждениями церкви Христовой».

С вольнодумством дружелюбно живет и разврат. Вдаваясь в пороки, порочный еще хочет извинить себя. Свои постыдные страсти он старается представить в виде естественных увлечений человеческой природы, для которой требования Евангелия будто бы чрезмерно строги и неудобноисполнимы. А когда на пути порочном встречаются его неудачи, горести, несчастья: он мало душно ропщет на Того же Законодателя,

зачем Он не сделал нас счастливыми, зачем еще угрожает нам вечными наказаниями, не давая будто силы избежать их. В эти минуты ропота, совесть говорит грешнику: «Ничтоже тебе и Праведнику сему. Его закон свят, и заповедь праведна и блага (Рим. 7:12). Не огорчай Его упреком, как прогневлешь пороком. Оставь хулу и обратись к покаянию».

Такое действие совести выразилось в покаянии благоразумного разбойника. Припоминая, как он вразумился сам и вразумлял другого распятого, который хулил Спасителя, позаботимся сдерживать свой ум, свою волю и друг друга. Убоимся Бога, пока еще есть время веровать в Него. И если что приходится нам терпеть в этой жизни, вспомним, что мы справедливо, по грехам нашим, осуждаемся; Сей же ни единого зла сотвори (Лк. 23:11), а за нас зло претерпел. Почему, когда нам тяжело, воззовем в Нему: Помяни нас, Господи, во царствии Твоем! Аминь.

33. Слово в великий пяток. (Пятое)

Бысть первый человек Адам в душу живу, последний Адам – в дух животворящ. (1Кор. 15:45)

Кому из христиан неизвестно, как изображается крест, и на нем Христос распятый? Но все ли мы обращали внимание на то, что в православной церкви есть обыкновение изображать под крестом, или на подножии его, череп головы человеческой?

Что обычай этот правильный, в том не может быть сомнения: ибо церковь наша потому и православная, что ложного ничего не приняла. Но на чем он основывается, и какое имеет значение, – это разъяснить не излишне теперь, когда сама церковь живописует пред нами кончину Спасителя и обстоятельства, к ней относившиеся.

Череп, который изображается внизу под распятою плотию Спасителя, есть голова Адамова. Существует предание, что тело первого человека погребено было на том месте, где возвышается гора Голгофа, от чего она имеет сие название, еже есть сказано, лобное место (Мк. 15:22). Ибо, как гласит предание, ко времени страдания Христова, от тела Адамова оставалась только твердая, лобная часть, и ту землю, под которой она лежала, омочила кровь Спасителя нашего.

Такие мысли мы находим не у второстепенных только писателей церковных, но и у великих отцов и вселенских учителей. Предание о главе Адама святой Василий Великий излагает так:

«Есть сказание, сохранившееся в церкви по неписанной памяти, будто Иудея первым обитателем имела Адама, который по изгнании из рая поселен был в сей стране, для утешения в своих потерях. Потому она первая приняла и мертвого человека, когда над Адамом исполнилось осуждение. Жившим тогда показалось новым это зрелище – головная кость, на которой распалась плоть; и они, положив череп на том месте, назвали его лобным местом. Вероятно же и Ною не был неизвестен гроб началовождя всех человеков, и потому после потопа предан был им этот слух. Почему Господь, изыскав

начатки смерти человеческой, принял страдание на так называемом лобном месте, чтобы там же, где тление людей получило начало, началась жизнь царствия, и чтобы смерть, как стала сильною в Адаме, так и обессилела в смерти Христовой»⁶⁵.

Сие предание согласно и с священным Писанием, где указано соотношение судьбы Адамовой с воплощением и распятием Христовым. Апостол Павел рассуждает: «Был первый человек Адам душою живою, последний Адам – Дух животворящий». То есть: первый человек, ко греху удобопреклонный и душевно-телесный, по внешней жизни принадлежал к кругу животных: Христос имеет силу животворить и мертвенныя тела (Рим. 8:11), давать тварям жизнь, и дыхание, и вся (Деян. 17:25). Первый человек от земли перстен, плотян привязан к настоящему: второй человек Господь с небесе (1Кор. 15:47), принесший нам в Себе жизнь небесную и силу благодатную. Как в Адаме все умирают: так о Христе все оживут (ст. 22) (1Кор. 15:22). Это значит: «Первый человек потерял жизнь: второй – возвратил ее; первый – пал, послушав жену: второй, родившись от Девы, восстановил падшего»⁶⁶.

Соответственно прямым указаниям Писания, усматриваются и другие черты сближения жизни Адамовой с распятием Христовым. Первый человек создан был в шестой день творения мира, и по преданию, пал в шестой час дня: Спаситель был распят в Шестой день недели и в шестой час дня, чтобы воссоздать падшего. Из ребра Адамова взята была жена, родоначальница нас грешных: из ребра Христова истекла кровь, очищающая нас от всякого греха (1Ин. 1:7). В раю вкушение сладкого, но запрещенного плода: на кресте вкушение противного и горького оцта. Древо райское послужило гибелью непослушному Адаму и его потомкам: «древом крестным, разбойник в рай вселился», и спасение всему человечеству. Итак, заключает один учитель церкви, «если, по преданию отеческому, в горе Голгофе погребен был Адам: то в соответствие сему распят на Голгофе и Господь, врачующий

падение и смерть Адама, дабы там же последовало и разрушение смерти, где было начало ее»⁶⁷.

Когда мы смотрим на изображенные под распятою плотию Христовою останки главы Адамовой, то с грустью и невольно должны вспомнить грозный закон, обращенный в каждом из нас: земля еси, и в землю отъидеши (Быт. 3:19). Но как скоро возведем очи наши к самому Распятому, унылый дух наш оживляется от того обетования, которое Он произнес, указывая, какую смертью умрет: аще Аз вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе (Ин. 12:32).

Каких же всех? Это разрешает Апостол, говоря, что крест для спасаемых сила Божия есть (1Кор. 1:18), то есть для всех тех, которые спасения себе желают, и ищут его в учении о кресте, в вере во Христа. Адам из глубины веков уверовал в Него, что таинственно засвидетельствовал, назвав Еву жизнью, матерью живущих, как прародительницу Искупителя. А мы имеем несравненно больше средств и побуждений к вере во Христа: ибо Его жизнь, дела, страдания преднаписаны пред нами, и в Евангелии, и в последующих знамениях (Мк. 16:20), и в богослужении, и в священных изображениях. Но хотим ли идти по Нем, чтобы Он нас привлек к Себе на небо? – Не довольно скончаться только с именем, а не с оправданием христианина; недостаточно, чтобы над нашей могилой поставлен был крест, по подобию того, как он воздвигнут был над главою Адама. Да положит каждый свою гордую, но пока еще живую главу, при подножии креста, преклонившись долу в смиренном убеждении, что нет иного нам Спасителя, нет иного прибежища спасения. Да плачет каждый о своих грехах пред сим живоносным гробом, доколе сердце наше еще способно дышать чувством умиления, доколе слезы очей наших еще могут быть слезами покаяния.

«О Ты, Который в шестый день и час на кресте пригвоздил дерзновенный в раю Адамов грех! И согрешений наших рукописание раздери, Христе Боже, спаси нас!» Аминь.

34. Слово в великий пяток. (Шестое)

Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствии Твоем.
(Лк. 23:42)

Эта молитва всем нам известна: мы ее слышим в церковном богослужении; ее произносим, когда приступаем к святому причащению.

К сожалению, эту молитвою, которая разбойника в рай ввела, вводят иные себя в самообольщение. Имея в виду пример покаявшегося разбойника, они думают, что для спасения достаточно только устного исповедания веры во Христа и, проводя беспечно жизнь греховную, воображают, что еще не поздно, если и последнее их дыхание будет вздохом их покаяния, что если при конце жизни успеют сказать: «помяни мя, Господи, во царствии Твоем», то и действительно будут там.

Не так легко достигнуть рая, как это кажется беспечным, и пример благоразумного разбойника, ободряя нас, возбуждает вместе и опасение, как бы нам не обмануться.

Разбойник этот умирал мучительною смертью. Но пороптал ли он? – Обыкновенно, злодеи пред казнью падают духом. А он в твердом сознании осуждал сам себя, – говорил, что страдает за дела свои по правде. Это первая его заслуга. Самоосуждение есть очищение души.

Несмотря на боль телесную, разбойник ищет Бога; умирая, хочет жить по смерти. Видит подле себя Страдальца, над Которым насмехались, будто над царем без царства: но он сохранил в себе настолько благоразумия, чтобы, не увлекаясь голосом толпы, вникнуть в сущность дела, познать в этом страдальце Бога Спасителя, – и приносит Христу в жертву все, что имел тогда. У него только и были свободны – сердце и уста. Сердцем он уверовал во Христа; устами исповедал: помяни во царствии Твоем! Это уже подвиг. Никто из нас не испытал, как тяжело мученичество; но кому не случалось впадать в маловерие и малодушие, даже и при легких житейских неприятностях?

Сам в томлении предсмертном, разбойник обнаруживает любовь к ближнему; он заботится о своем сверстнике,

остерегает его от губительного богохульства и добродушно упрекает: ни ли ты боишься Бога? – Что бы оценить эту высокую черту благоразумного разбойника, надобно перенестись в современное нам общество, где, при полной свободе, когда случается, что кто-нибудь кощунствует, смеется над учреждениями святой церкви и над ее обрядами, другие не только не останавливают хульника, а еще способствует его смеху поощрительными словами, двусмысленными улыбками.

Наконец, относительно покаявшегося разбойника есть мнение, что как ни притуплена была его совесть, имел он однако ж и добрые дела, которые, облегчив ему раскаяние, были причиною его помилования. Об одном из таких дел записано в древнем предании. Когда от гонения Иродова Дева Мария с младенцем Иисусом, в сопровождении Иосифа обручника, спасалась бегством во Египет, на них напали разбойники, и хотели отнять у них малое их имущество и осла, на котором оно было положено и на котором иногда садилась сама Богоматерь. Один из сих разбойников, удивившись красоте отрочати Иисуса, воскликнул: «если бы Бог принял на себя тело человеческое, то не был бы прекраснее этого младенца!» Затем он уговорил своих сообщников не делать путникам никакого зла. Тогда Мария сказала ему: «Помни, – Отрок сей воздаст тебе воздаянием благостынным!» Это был тот самый разбойник, который впоследствии распят со Христом и с Ним вошел в рай.

«Слыши, – замечает по сему обстоятельству один святитель (Димитрий Ростовский), – слыши каковым подается при кончине покаяние и прощение».

Чтобы воспользоваться примером благоразумного разбойника, надобно отложить гордость, осуждать себя, а не других, и когда встречаем неприятности, неудачи, оскорбления, говорить, что мы достойная по делам нашим восприимлем. Но и среди глубокого мрака печали и скорбей да не забываем, что Господь близ (Флп. 4:5), подобно как в часы Его распятия, – тма бысть во всей земли, а свет спасения с Его креста уже изливался в сердца уверовавших. Как бы ни были сильны увлечения греховные, как бы ни были глубоки наши падения, не должно оставаться ни в унынии, ни в ожесточении, и

пренебрегать случаями, чтобы придти в чувство, оказать ближнему милость и любовь. Конечно, грешить упорно, и предумышленно заготовлять, для покрытия грехов, добрые дела было бы то же, что черпать воду и лить ее в пробитый сосуд. Но с другой стороны ожесточение души в злобе, огрубение в разврате, есть омертвление ее. Против сего постепенного омертвления и нужно принимать меры. Иногда плодовитое дерево совсем кажется засохшим; между тем остаются, на нем еще живые ветви, которые при должном попечении разрастаются, так что дерево снова принимает полный вид, и бывает способно приносить плод. Так добрые проявления, хотя бы случайно, от сердечных расположений истекающие, служат и в порочном человеке залогом его духовного оживления и исправления. Господь видит искру добра, и льна курящегося не угасит (Мф. 12:20). Не обидлив Бог забыти доброго дела вашего, – ободряет нас апостол (Евр. 6:10).

Доколе есть грешнику время и не наступила для него сень смертная, да стремится он от мрака греховного к свету Христову, и с желанием исправления да вопиет к Распятому: «Разбойника благоразумного во едином часе рая сподобил еси, Господи! – И мене древом крестным просвети, и спаси мя». Аминь.

35. Слово в великий пяток, по перенесении плащаницы из собора в крестовую церковь (1865 г.) (Седьмое)

Прииде же, и взять тело Иисусово. (Ин. 19:38)

У Иосифа, богатого человека, происхождением из города Аримафея, было собственное место с садом, подле самой горы Голгофы. Как весь Иерусалим стоит на горах, то и в саду Иосифа было несколько каменистых холмов. В одном из них находилась пещера, прилично отделанная, до которой от Голгофы около ста шагов. В той пещере рассудил он положить тело Иисуса, которого был тайным учеником. Испросив позволение у Пилата, идет он с Никодимом на Голгофу, снимает тело со креста, переносит в свой сад и в пещеру, которая была так высока и удобна, как комната, или малый храм, покрывает тонким полотном, и с благовониями, по обычаю иудейскому, погребает.

Это самое действие воспроизводим мы теперь. Предложив лик Спасителя, изображенного бездыханным, как бы пред нами был Он распят, сняли мы сие изображение с престола, как с Голгофы и с креста, принесли в близкую в сей таинственной Голгофе эту церковь, которая при здешнем доме устроена, как пещера при доме Иосифа, вместо благовонных мастей окружили божественный Лик вонюю фимиамом, вместо пелен, которыми обвито было тело, будем покрывать язвы Христовы благоговейными лобзаниями, и оставим плащаницу здесь, как в погребальной пещере, до первой минуты праздника Воскресения.

Но должно признаться, что ни для кого из нас не составило труда то, в чем мы теперь подражали Иосифу. Коснулась ли нас трудная сторона его действий? Отыщется ли в нашей жизни то, в чем именно выразилось его усердие в Спасителю? Это вопрос, наводящий на размышление.

Иосиф был верный, хотя и потаенный, ученик Христов. Почему потаенный, – сие объяснено в Евангелии словами: страха ради иудейского (Ин. 19:38). Быть может, не столько

робость заставляла его таиться, сколько желание быть полезным Иисусу в верховном совете иудейском, где, как член, заседал. Поелику же злоба старейшин восторжествовала над невинностью Спасителя; то он, один против всех, ничего не успел, и только, по замечанию евангелиста Луки, не бе пристал совету и делу их (Лк. 23:51) . Но вместо того, чтобы исследовать, ради чего Иосиф был потаенным учеником Спасителя, подумаем лучше о себе: какие мы ученики Христовы? Такие ли потаенные, что боимся быть явными, как бы передовые люди нашего общества не назвали нас благочестивыми христианами? Или такие явные, что только по наружности христиане, а когда посторонние нас не видят, ведем себя так, как бы и совсем не было Христа и Его над нами закона? – Хорошо, по апостолу, хранить таинство веры в чистой совести (1Тим. 3:9), и чистоту совести беречь от тщеславия; но если примечаем, как люди неверующие и легкомысленные восстают против того, что учреждено Христом и соблюдается в церкви православной, не обязаны ли мы заградить им уста? А если не в состоянии это сделать, по крайней мере, покажем себя настолько явными учениками Христовыми, чтобы никак не приставать к совету и делу их.

Не могли ничего сделать для Иисуса при жизни, Иосиф решается воздать Ему умершему последний долг. Это однако ж была смелость: дерзнув, вниде к Пилату, – замечает евангелист Марк (Мк. 15:43). Пилат осудил Христа, как будто лживого царя иудейского: посему и Иосифа, просившего о погребении осужденного, мог подвергнуть суду, как бы участника в возмутительных замыслах. С другой стороны, старейшины иудейские, узнав о таком поступке своего сочлена, могли отмстить ему. Иосиф всеми опасностями пренебрегает: идет к Пилату, и просит тело Иисусово. Ничего такого мы не можем сделать для Христа, ибо Его уничиженное состояние прошло: воцарися Бог над языки (Пс. 46:9); воцарися Господь во век, Бог твой Сионе, в род и род (Пс. 145:10). Но сколько бывает невинно гонимых за правду и напрасно привлекаемых к суду? Кому из людей, в обществе значительных, не открывался случай пойти в суд, или к судие и именем Божиим

засвидетельствовать, что известный подсудимый страдает напрасно, что его теснит другое сильное лицо, и подводит ложные обстоятельства к его обвинению? Какому отцу, или матери семейства не случилось слышать о невинной, обстоятельствами угнетаемой молодости, и кому приходило на сердце, чтобы взять ее, спасти ее добродетель от поругания, душу от смерти порочной? – Хладнокровие к чужой гибели и боязнь, что скажут наши знакомые, останавливают от такой решимости.

Иосиф Аримафейский немало сделал пожертвование. Иудеи дорожили тем, чтобы свои кости сложить в Иерусалиме, соединяя с сим священным местом могилы надежду пребывания на лоне Авраамовом, участия в благах Мессии, и готовности к общему, последнему суду Божию. Иосиф, по должности, почти постоянно жил в Иерусалиме и, как человек с достатком, приготовил для себя погребальную пещеру, из цельного камня иссеченную и небедно украшенную. Это свое последнее убежище, с которым соединялись самые священные его желания и надежды, он отдает своему распятому Учителю, никак не думая, что на третий день оно останется пустым, а только сделавшись исполнителем предсказания, которое изрек Исаия о Христе: «с нечестивыми назначили гроб Ему, но у богатого могильный памятник Его» (Ис. 53:9). Мы знаем, кто тридневно почил в саду у Иосифа; мы чтим пещеру гроба Господня. Но чем мы сами пожертвовали Христу? Обрел ли Он себе место в пещере нашего сердца? Во всех ли нас возбуждено усердие жертвовать чем-либо, если не на погребение Его, что уже не нужно, – то на украшение священных храмов, где все земное бытие Спасителя живописуется пред нами? К сожалению, бывают подражатели Иуде, которые смотрят на эти пожертвования, как на издержки излишние и, сами малой даже лепты не подавая в храм, смеются над его украсителями, как будто имеют право распоряжаться чужим достоянием и чужим усердием. Иосиф, при участии других преданных Спасителю лиц, обмыл изъязвленное Его тело, и обвил дорогим полотном. Чьи язвы мы обмыть не погнушались, чьи душевные раны потрудились облегчить? Чью к грядущему

празднику покрыли наготу? И если дела должностные, или домашние мешали нам искать бедность: помогли ли, по крайней мере, той, которая приходила к дверям нашим?

О, погребенный и вечно живущий! Приими усердие наше, в ком оно есть, как некогда приял еси вдовицы две лепты, а дом сей, образно представляющий ныне место погребения Твоего, сохрани, да обретается в нем правда для обидимых и помощь для беспомощных, да покрываются Твоею живоносною благодатию все, живущие в нем и с миром в него входящие. Аминь.

36. Слово в великий пяток. (Восьмое) Упрек и урок для нас в примере Никодима

Прииде же и Никодим, пришедый ко Иисусови нощию прежде, нося смешение смиренно и алойно, яко литр сто. (Ин. 19:39)

Кто был этот Никодим, и по какому побуждению он пришел на погребение Христова?

Это был один из начальников иудейских и из членов синедриона, высшего иудейского судилища. Он хотя принадлежал к обществу фарисеев, но не разделял с ними их недостатков и пороков. Как только Христос начал проповедывать и творить чудеса, он желал войти в беседу с Ним, но боясь своих собратий, приходил к Нему ночью; сделался потаенным Его последователем, и остался верным Ему до конца. Он с силою восставал против своих сочленов, защищая Иисуса Христа. Однажды, когда фарисеи злобно рассуждали о том, как взять Его и убить, Никодим возразил им: Еда закон наш судит человеку, аще не слышит от него прежде, и понимает, что творит (Ин. 7:51). Никодим таким образом требовал предварительного и правдивого исследования, что преступного сделал Иисус; ибо знал, что кроме безгрешного и доброго ничего Он не делал. Но что мог успеть Никодим в синедрионе против своих сочленов, которых было семьдесят? Какая сила человеческая могла разрушить столп богопротивной злобы, которая через полгода потом и восторжествовала, предав Христа смерти неповинной? В сии дни незаконного суда над Ним Никодим уже не принимал никаких мер, частью потому, что не надеялся успеха, а частью из боязни быть отлученным от сонмища; ибо это наказание было не легкое: такой отверженный не только не был допускаем в общественные собрания, но лишен был даже всякого сношения с домашними и посторонними, на определенный срок. Несмотря на все это, когда Господь умер на кресте, Никодим преодолел свой страх и пришел воздать Ему последний долг. Что же побудило Никодима к такой решимости? Отнюдь не искание чести и

славы; ибо какую почесть мог он получить от умершего позорною смертью учителя, который и никогда не потворствовал любочестивым видам своих учеников? Также и не корысть, ибо тот, на чье погребение пришел он, хотя оставил наследство, но не имущественное, завещал царство (Лк. 22:29), но не земное. Наконец даже и не сила веры в Его божество; ибо и на погребение Его принес Никодим такие вещи, какие употребительны для предохранения тел от гниения; следовательно он не знал, что погребается Святой, которому, по предсказанию, не дано увидеть тления (Деян. 2:27). Очевидно, к погребальной пещере Спасителя привлекла Никодима только неизменная и благодарная приверженность к Нему. Любовь в последние и решительные минуты пренебрегает и опасностью. Воспоминая об Иосифе и Никодиме, свят. Златоуст заметил⁶⁸: «Они совершают великолепное погребение, потому что все еще думали о Христе, как о простом человеке. Они приносят такие ароматы, которые преимущественно имели силу надолго сохранять тело, чтобы не предавалось тлению. Это показывает, что они не представляли во Христе ничего великого; тем не менее однако ж видна их великая любовь к Нему».

Что Никодим так думал о Христе, это извинительно. Ибо до воскресения, и прочие думали, что все ожидаемое кончилось. Мы же надеяхомся, яко сей есть хотя избавити Израиля, думали ученики, шедшие в Еммаус (Лк. 24:21). И мироносицы заботились тело досточтимое предохранить от тления ароматами. Но то в Никодиме заслуживает великого удивления, что он, почитая Христа за простого человека, пребыл верен Ему, несмотря на опасности. В этом для нас и упрек, и урок. Божество Иисуса Христа, по воскресении Его, торжественно открылось, и вера христианская у нас есть господствующая. Повидимому, нет надобности быть потаенным учеником Спасителя; всякий беспрепятственно может объявлять себя верующим в Него. И что же, разве нет между нами христиан, потаенных не по нужде, а по ложной стыдливости, потаенных не страха ради иудейского, но того рабского и постыдного, который на малодушных нападает от духа времени и из мрака светских предрассудков? Не на простых этот страх действует, ибо их

вера безбоязненна, а на образованных. Возьмем во внимание прежде всего то, что в великий пост у нас обычно, – обязанность говения. Иной образованный стыдится показать пред своими знакомыми, что он начал готовиться к причастию, потому что они считают говение делом ныне несовременным; находясь в церкви среди говеющих, такой стыдливый чувствует себя как будто не на своем месте; он нетерпеливо ждет конца служб, как бы тяготясь иметь свидетелей своего говения, и тогда только приходит в свое любимое развязное положение, когда долг исполнен. А когда потом этому причастнику случится быть в собрании, где о Христе и Его церкви отзываются кощунственно, возвысит ли он свой голос в защиту правды и святости, скажет ли, подобно Никодиму, что и у нас суд правый, никого не осуждающий без исследования дела? Нет, он даже побоится и сознаться, что он последователь Христа, обязанный защищать свое исповедание. Правда, это не так видно, ибо кроется в кругу домашних и знакомых. Посмотрим опять, что в храме. Повидимому образованный должен подавать простым пример. Как же здесь иной светский человек исполняет то, что прежде всего отличает православных; как он кладет на себе крестное знамение? Увы, это даже и не есть никакое знамение; только видится пред лицом молящегося странное содрогание правой руки его! А положить истово на себе знамение крестное его удерживает стыд перед знакомыми, как будто это несовременно и свойственно только старообрядцам. Призываемся мы теперь к поклонению страстям Христовым. Но не говорит ли в иных стыд, будто поклон земной есть унижение, чего Бог не требует? Не хотят понять гордые, что не полотну мы покланяемся, но распятому за нас и воскресшему, подобно как мироносицы ястеся за нозе Его и поклонистеся Ему (Мф. 28:9).

Пишется о Никодиме, что он принес на погребение Христово состав различных аромат, яко литр сто. Это было очень ценное приношение. Такое пожертвование сделал тайный ученик Спасителя: что же принесли мы, явные Его последователи? Правда, Христос ктому не умирает (Рим. 6:9), и в погребальных принадлежностях не нуждается. Однако же первые христиане умели Никодиму подражать. Они в эти дни

делали более значительные приношения в храмы и священнослужителям; более щедрую давали милостыню бедным; старались не опускать ни одной службы церковной. Не говорим о пожертвованиях и о милостыне: это есть тайна доброхотного и негласного усердия. Укажем на то, что видим. Ныне богослужебные действия – самые умильные: в них Спаситель так изображен, как бы пред нами был Он распят (Гал. 3:1). Что же, полны ли наши храмы? Столько ли приходит на погребение Спасителя, сколько иногда собирается на пышные похороны богатого покойника? Малочисленность ныне присутствующих в храме не напоминает ли немногих, бывших при погребении Спасителя? Чем заняты отсутствующие? Ответ один: приготовлением к празднику. Но если и похвально приготовление к нему домашнее, то не более ли важно церковное? Не достойны ли осуждения отвлечения хозяйственные, как скоро они мешают нам «неосужденно достигнуть», при молитвах церковных, чтобы «поклониться святому воскресению»?

Если мы не подражали Никодиму, и ничего не принесли Христу; то воспользуемся остальным временем, и с ароматами добрых дел и святых чувств поспешим ко гробу Жизнодавца, подобно мироносицам, да и вожделенное «радуйтесь» услышим с ними от Него, воскресшего. Аминь.

37. Слово в великий пяток. (Девятое).

Христос пострадал за нас, нам оставил образ, да последуем стопам Его. (1Петр. 2:21)

Как Христос пострадал, это нам известно из евангельских сказаний, и чем окончились Его страдания, видите на предложенной пред очи ваши плащанице.

Но пострадав, Он оставил нам пример, чтоб мы шли по следам Его. Что же, надобно ли и нам идти за Ним на страдания, на мученичество, на Голгофу, на смерть?

Мученичество не для всех, а страдания для всех. Тот истинный мученик, кто, ведомый Провидением, полагает душу за веру, за правду, за ближних. Изуверное же самосожигательство, или тому подобное незаконное мученичество не спасительно, а губительно.

Страдания для всех: ибо нет человека на земле, который бы не испытал ничего болезненного, ничего страдательного. Начинается жизнь его плачем и слезами; оканчивается томлением души и предсмертным страхом. Не напрасно говорят, что «счастье улыбается»; оно и самому счастливому только улыбается. Как оно вероломно, выразительно заметил святой Григорий Богослов: «больше можно доверять ветру, или писанному на воде, нежели прочности благоденствия человеческого»⁶⁹. – А злополучие на каждом шагу ожидает и грозит. Один имеет достаток, но утратил любимых сердцу или несчастлив в семье; другой семьей своей доволен, но сам терпит бедность, болезни, неудачи в предприятиях; третий мог бы назвать себя удовлетворенным, но вдруг подвергается клеветам, оскорблениям, обидам. Кроме наших домашних, сколько бедствий общественных! Неурожаи, заразы, губительные действия огня и воды и изменнические убийства целую страну одевают в печальный вид, и целый народ из глубины верующих, но воздыхающих сердец, взывает ко Господу: напитай еси нас хлебом слезным, и напоил слезами в меру (Пс. 79:6). Еда во веки прогневаешься на ны? Или простреши гнев Твой от рода в род? (Пс. 84:6).

Для чего же в жизни неизбежны горести, для чего попускаются такие напасти? – Для того, чтобы низложить нашу самонадеянность, чтобы испытать нашу верность. Человек в почести, в довольстве, в славе, в счастии мог бы забыться. Был у Господа возлюбленный народ, малочисленный и слабый, как червь (Ис. 41:14); Сам Он сделал этот народ победоносным, указал ему землю, текущую медом и млеком, даровал ему благоустройство семейное, хозяйственное, гражданское, церковное. И отвержеся возлюбленный: уты, утолсте, разшире, и остави Бога (Втор. 32:15). Что было с народом, то может быть с человеком. У счастливого возникают помыслы о своей независимости, силе, о своем пред другими превосходстве; но находит туча бедствий, и он видит, как он беспомощен, как ничтожен и бессилен, чтоб отвратить от себя неприятности, избавить душу от страданий. Не все то золото, что блещет. Есть пробный камень, есть огонь, чтобы узнавать, подлинное ли оно, или поддельное. Так превратность судьбы и огонь искушения способствуют, как в Иове, к раскрытию истинных качеств души.

Если же в жизни неизбежны страдания, то научимся переносить их по примеру Иисуса Христа. Он, укоряемый, не укорял; страдая, не угрожал. Так и мы в трудных обстоятельствах будем вести себя терпеливо, при незаслуженных огорчениях безропотно. Злопостражди, добрый воин Христов (2Тим. 2:3). Как воины единоклубные и потому сильные, будем поддерживать друг друга и охранять. И Христос всемогущий не отвергнул помощи Симона Киринейского, который помог Ему понести крест Его. А когда видим, что умножаются скорби, то «во время бури вспомним о кормчем»⁷⁰. Бдит над нами всевидящий Кормчий, в житейском нашем плаваньи нами управляющий. Сам искушен быв, Он близ нас, чтоб нам искушаемым помощи (Евр. 2:18). Если б и замедлилась помощь свыше, не забудем главное: страдая терпеливо, мы участвуем в Христовых страданиях. Но понеже, заключает святой апостол Петр, приобщаетеся Христовым страстем, радуйтесь, яко да и в явление славы Его восторжествуете, веселящиеся (1Пет. 4:13). Аминь.

38. Слово в великий пяток. (Десятое) Самоуправство

Вси бо, приемшии нож, ножом погибнут. (Мф. 26:52)

Судебное дело, которое окончилось крестною смертью Иисуса Христа, начато было взятием Его под стражу, по указанию Иуды предателя. Он привел в сад Гефсиманский, где Христос молился, немалый отряд воинов римских и служителей иудейских. Когда они приступили к Спасителю, чтобы связать Его и вести, пламенный в своей ревности апостол Петр ударил ножом одного из служителей, Малха, и отсек ему ухо. Быть может, этим ножом он закалал пасхального агнца; по крайней мере, когда Христос и ученики Его после вечери шли в сад, говорили Ему, что у них есть два ножа. Но дело не в том, откуда нож взялся, а в том, что Спаситель не похвалил Петра за его отважный поступок. Он объяснил ученику, что ревность его была неуместная, и что если б нужна была защита, явились бы с неба более ста тысяч ангелов. Како убо сбудутся писания? – Исцелив отрезанное ухо Малха, Христос показал и свое всемогущество и то, что Он идет на смерть добровольно, по реченному, по писаниям. А в предостережение не только ученикам, но и грядущим поколениям, припомаянул эту известную евреям в виде присловия угрозу: «все, поднявшие меч, мечем погибнут».

Присловие это есть, выражение того древнего закона, который объявил Бог Ною и его сыновьям: «кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека» (Быт. 9:6). Это бываешь так даже по естественному, хотя вполне животному, влечению природы. Обида вызывает чувство самосохранения, обороны и защиты. В древности обиженный уполномочен был сам защищать себя, почему и дан был закон: око за око, и зуб за зуб (Исх. 21:24). Хотя суровый закон этот Христос заменил своею заповедью о терпеливости и кротости, – «не противься обижающему» (Мф. 5:39); но заменил не для поощрения людям дерзким, а потому, что сам есть защитник гонимых и слабых. Соответственно сему и апостол нам советует: «не мстите за себя, возлюбленные, но предоставьте

это гневу Божию» (Рим. 12:19) . – Однако не все, взявшие нож, от ножа погибают? – На это надобно заметить, что гнев Бога-отмстителя открывается не всегда и не везде одинаковым образом; не было предсказано, что каждого преступника, по совершении им преступления, тотчас покарает видимое действие Божия суда. Но ни один злодей не избежит его. Погибель Иуды известна; не остались безнаказанными и те, которые купили его предательство, и все, восставшие на безгрешного Страдальца. Как поразительно исполнился над ними приговор, который они сами против себя произнесли: кровь Его на нас и на чадех наших (Мф. 27:25)! Иерусалим был разрушен; многие пали под его развалинами; другие погибли от римских мечей.

Почему же Господь воспретил преследовать обижающего? – Потому что это было бы самоуправство; а самоуправство в обществе – величайшее зло. Посмотрите вы на уличных, худо воспитываемых детей. Нет у них ни справедливости, ни уступки; тот между ними правее и страшнее, кто сильнее. И ходят они, покрытые ранами и синими пятнами, которые взаимно друг другу наносят. Нечто более печальное происходило бы и в обществе, если бы сила заменяла закон и каждый увлекался чувством личного мщения. Не безопасно жить там, где начинают господствовать страсти. Необходимое условие спокойствия в обществе есть уважение к власти и закону. Из уважения к ним и Спаситель, предавая себя на страдания, воспретил ученикам самоуправство. «Ведяше бо, яко архиерее рекут: не добре закон слышаше и учаше. Возбраняет убо Петру, яко не добро есть послушнику сущу духовнаго мужа, меча употреблять»⁷¹. Тоже возбранено и нам, Его последователям. Если б сами исполнители закона потребовали чего Незаконного, всякий монет прибегать с жалобой к установленному суду. Если же не всегда и не во всем удовлетворителен не непогрешимый суд человеческий; то не должно забывать, что есть над нами Судия всеведущий, праведный и всемогущий. «Мое отмщение. Я воздам, говорит Господь». Аминь.

39. Слово в великий пяток. (Одиннадцатое) Грехопадение Петрово

И изшед вон, плакася горько. (Мф. 26:75)

Иисус Христос, после как был предан, первоначально приведен был во двор первосвященников иудейских. Туда последовал за Ним и апостол Петр, но стараясь скрыть себя. Здесь то служанки, то слуги стали делать ему вопросы – не ученик ли он Иисуса Назорея. Петр отрицался, уверял, что не знает сего человека, и говорил неправду. Но вскоре запел петух; по сему признаку он вспомнил, что предрек ему Спаситель, и, удалившись, оплакивал горько свое грехопадение.

О сем обстоятельстве повествуют все четыре евангелиста. Для чего же это? Почему нужно было, чтобы для христианского мира сохранилось сказание о грехопадении верховного апостола?

Надобно было нам это знать, чтобы видеть силу Божию и немощь естества человеческого. Петр, увлекшись самонадеянностью, впал в искушение; а когда покался, тогда возвратилось к нему благоволение Христово. Так его судьба поучает нас, как самонадеянность пагубна и какая нам нужна осторожность, чтобы не падать в веру.

Не упустим из внимания главную причину падения Петрова. Во дни страданий Спасителя всем последователям Его угрожала страшная опасность, как Он сам им предсказал: «Когда поражен будет пастырь, рассеются овцы» (Мф. 26:31). Стоило показать только вид приверженности к Нему, чтобы быть отлученным от сонмища; а это у евреев и поныне весьма важно. Услуга, оказанная Христу, навлекала на послуживших преследование и насилие. Посему души, преданные Ему, объял тогда трепет и ужас (Мк. 16:8); все ученики Его бежаша, когда Он взят был на суд. При том было у них недоумение, что будет с Его учением и обществом после Его смерти. «А мы надеялись, – говорили некоторые из них безнадежно, – что Сей есть хотяй избавити Израиля (Лк. 24:21). При таких мрачных обстоятельствах последовало и отречение Петрово.

Теперь же, когда от креста и гроба Спасителя воссияла жизнь, когда Его воскресением утвердилась незыблемо наша вера православная, когда она у нас является не гонимой, а господствующей, чего нам, верующим бояться? Между тем многие, если прямо не отрекаются Христа, ибо нет к тому и повода, то стесняются открыто показывать, что они с Ним, что они Его неизменные почитатели.

Разве нет христиан, у которых почти не выходят из рук разные печатные листы, и которые боятся в руки взять Евангелие? Боятся потому, что слуги светской современности могут насмеяться. «И ты с Ним; ибо беседа с этой книгой яве тя творит».

В великие праздники чувствуется потребность быть в Божием храме. Но иной малодушный не идет туда: ему надобно быть у знакомых с праздничным приветствием, сделать обязательные посещения. Иначе какой-нибудь праздноходящий наблюдатель может упрекнуть его ханжеством, подобно как Петра изобличил один из слуг: «Не я ли видел тебя с Ним в саду Гефсиманском».

Сын, которого еще юного мать, умирая, благословила образом, женившись и устроив свой дом, ставит иконы в почетных местах. Но молодая госпожа дома, а вместе рабыня сего века, замечает ему: «И ты один из них, то есть иконопочитателей. Вынеси это отсюда, это несовременно». И боязливый раб повинует рабыне.

Зовет один другого во время поста на пиршество, и конечно, без молитвы и крестного знамения предлагает скоромную пищу. Гость смущается, но скоро уступает, слыша насмешливый вопрос: «Ужели и ты соблюдаешь посты?» А это подобно вопросу: Ужели и ты с Иисусом Назореем? Ибо Он – верховный постник и установитель поста, указавший нам потребность поститься (Мф. 6:17; 9:15).

И сколько найдется случаев, когда христиане косвенно отрекаются От Христа и от того, во что должны веровать, и что соблюдать! Так или иначе, иногда незаметно для себя, мы повторяем грехопадение Петрово; но подражаем ли Петру в покаянии? Оплавав свой грех, он пришел с верою ко гробу

Спасителя; потом Ему, явившемуся, подтвердил: Господи, Ты веши, яко люблю Тя (Ин. 21:16). Мы что принесли б этому гробу? Слезы ли раскаяния, или только исполнение внешнего долга, по приличию нынешнего великого дня? Воспламенился святым чувством Петр, когда тотчас по падении приметил, что взглянул на него Господь (Лк. 22:61); воодушевим себя и мы желанием исправления, ибо смотрит на нас этот всевидящий Лик. Аминь.

40. Слово во вторник светлой седмицы

Не сердце ли наше горя бе в нас, егда глаголаше нама на пути? (Лк. 24:32)

Лука и Клеопа, на пути в Эммаус, несколько часов шли вместе с Спасителем, и не узнавали Его. Уже только в час вечернего отдохновения и преломления хлеба они Его узнали; но как скоро узнали, Он стал им невидим, и они с сожалением сказали друг другу: «не горело ли в нас сердце, когда говорил Он с нами на пути?»

Каждому из нас свыше предназначено то место селения, в котором день нашей земной жизни склониться должен к вечеру. Но каждый, прежде нежели придет на место упокоения, должен совершить более или менее долгий жизненный путь. Спросим же и мы себя: не горит ли наше сердце таящимся светом того ощущения, что сам Господь идет с нами и нам глаголет на пути?

Как можно, говорят, увлекаться чувством сердца? – оно может ошибаться: надобно следовать уму. – А ум не может ошибаться? Путники эммаусские от того именно и впали в заблуждение, что они предались суетным соображениям рассудка, под влиянием мысли об Иисусе Христе, как Царе земном. Обманутые в своих соображениях, не хотевшие поверить чувству сердца, они впали в обман своих очей, и не узнали Того, Кого искала их душа, и Кто потом, несмотря на их силу рассудительную, назвал их несмысленными. Не случается ли нечто худшее с людьми, надменно преданными построениям своего ума? В напряжении мысли, стараясь стать выше себя, опередить, если б можно было, свой век, они часто не видят и того, что у них перед глазами, не узнают предметов самых знакомых. Сколько было опытов, когда рассудок являлся врагом веры, а сердце приводило к вере! У древних образованных афинян много было богов и много капищ: все известные им божества у них были собраны и были ими чтимы; но, не удовлетворившись тем, что имели, они создали храм «неведомому Богу» (Деян. 17:23). Что же их побудило к сему? Потребность сердца, которое не успокоилось, почитая идолов, и

стремясь к богу иному, опасалось и стыдилось, что он останется без храма. Во всех людях есть врожденное влечение к вере христианской, и доколе сердце не может успокоиться, доколе не сделается христианским. Не по сухим, безжизненным, отвлеченным построениям рассудка хочет веровать сердце; но рассудок наш, должен вникать и уяснять, чего ищет оно. И если оно горит жаром той уверенности, что сам Господь глаголет нам на пути нашей жизни: то наша обязанность узнавать, как Он глаголет.

Нет в том и сомнения, что Господь близ (Флп. 4:5). Он сам нас уверяет, что Он всегда с нами: Се Аз с вами семь во вся дни (Мф. 28:20). Пребывая с нами, Он неумолчно простирает к нам Свой сладкий глас, — в святых таинствах, которые принимая достойно, христианин входит в ближайшее единение со Христом; в учреждениях церковных, где каждое действие, каждый священный обряд служит не только живым напоминанием того, что Господь на земле для нас сделал, но и верным средством Его таинственного приближения к молящейся душе и чистого ее умиления; наконец, простирает глас Свой в Своем евангельском слове, о котором сказано: близ ти глагол сей во устех твоих, в сердце твоём (Рим. 10:8).

Быть может, скажут: нужно веровать, чтобы слышать этот Божественный глас. Правда, что верою отверзается слух и сердце, подобно как от упражнения изощряются наши чувства внешние. Но несомненно и то, что вера от слуха, слух же глаголом Божиим. Нужно без предубеждения слушать, чтобы несомненно веровать. Прислушаемся к самому гласу природы: не есть ли он глас Божий? Успокаивается взор наш на картинах природы: но от красоты созданий Родоначальник их познавается, и этот стройный состав природы, особенно во дни весеннего ее оживления, так много говорит сердцу, что оно как бы хочет излететь от земли, из здешней, временной родины своей вознестись туда, где истинное и вечное отечество наше. С другой стороны мы привыкли называть мир суетным, жаловаться на его соблазны. Но вместо напрасных и бесплодных жалоб, не лучше ли вникнуть: чему учит суета его, не слышится ли даже из среды ее некий таинственный, но

близкий к нам голос, зовущий к себе? Был ли на свете человек, который бы искренно сказал: желать мне больше нечего? Напротив, не чувствует ли каждый, после своего последнего удовлетворенного, еще много новых желаний, отнимающих у него довольство и покой? Если же мир дает менее, нежели сколько желает душа: не зовется ли она туда, где есть довольство, но нет недостатка? Посему многие, обременяясь и скучая тою пустотою, которую всегда вслед за собою производит в душе суэта светских удовольствий, почитали за несравненно лучшее наполнять опустошенное сердце молитвенною беседою с Христом, и до того услаждались этой беседою, что убегали совсем мира и его соблазнов, искали себе покоя в какой-нибудь мирной обители, подобной скромному селению Эммаусскому, и в ней из глубины сердечного умиления зывали к своему Божественному Спутнику: облязи с нама; приклоняется к вечеру нашей жизни день.

Но всякому свой путь и свое призвание. Одному говорит Господь, как Великому Арсению: «бегай людей»; другому вещает, как ветхозаветному пророку: иди к людям сим. Во всяком случае то несомненно, что и на стогнах града нам сшествует Господь, и в наших домах нам сопредисутствует, напоминая нам всегда о себе, то в дарах счастья, то в ударах несчастья.

Стыдясь называть благополучие плодом случая, люди придумали присловие, что всякий сам есть художник своего счастья. В сем есть некоторая доля правды;

но не бывают ли в жизни обстоятельства, против которых не устоит никакое благополучие, и оно разрушилось бы, если б рука промысла не охраняла его. Богатство, по выражению Писания, течет; обилие благ временных иногда притекает, подобно обильному дождю, неожиданно, без всяких с нашей стороны стараний, орошающему землю. Если б даже и таланты человека помогали его счастью, то спрашивается: где он взял эти таланты? Нечего сказать на этот вопрос, кроме того, что таланты от Бога, а не от нас самих, даже не от наших родителей, потому что рожденное от плоти только плоть есть (Ин. 3:6).

Пути Промысла положены и в самом злополучии человека. Видя, как разрушается благополучие земное, самоуверенный употребляет все усилия ума, чтобы остановить разрушительное влияние, пресечь неблагоприятные обстоятельства: но несмотря на все усилия, счастье земное так быстро исчезает, как весенняя вода, которая иногда вдруг утекает неведомо куда. Ужели все это просто случай? И почему же мудрый, многовидящий ум человека не может противиться случаю слепому? Нет, в самых несчастьях близок к нам Тот, Кто мертвит и живит, и Кто нежных гласом вещает несчастному: ты несчастлив; призови Меня в день твоей скорби!

Научимся же среди всех обстоятельств нашей жизни внимать вещаниям сопутствующего нам промысления Божия: тогда и мы сподобимся от воскресшего Господа, подобно верным Ему женам-мироносицам, услышать вожделенный глас: радуйтесь! Аминь.

41. Слово в день Вознесения Господня. (Первое)

Уне есть вам, да Аз иду. (Ин. 16:7)

Когда Господь возносился на небо, апостолы смотрели вслед Его в недоумении и безмолвии. Еще они не могли привыкнуть к мысли о разлучении с Ним, освободиться от сожаления, зачем Он не остался с ними, чтоб устроить царство Израилево, как ожидали они.

Не приходит ли иногда и в нашу душу недоумение: для чего Господь вознесся на небо? для чего не остался навсегда на земле? – Неверующие и сомневающиеся, видя Его, могли бы тогда вразумиться; бедствующие и плачущие уже счастливы были б от того, что могли бы придти к Нему, и поведать Ему печаль свою; страдающие неисцелимыми недугами имели бы надежду исцеления, если бы среди нас был Он, – всемогущий врач душ и телес.

Предвидел Христос недоумение Своих учеников и наше маловерие, и пред Своею кончиною, воскресением и вознесением сказал в утешение нам: уне есть вам, да Аз иду.

Почему же лучше для нас, что Спаситель восшел на небо, а не остался с нами на земле?

«Господь вознесся на небеса, да послет Утешителя миру»⁷². Ниспослание Святого Духа зависело от прославления Христова. Евангелист прямо о предшествовавшем времени замечает: не у бе Дух Святой, яко Иисус не у бе прославлен (Ин. 7:39). Дух Святой был, и в пророках глаголал; но не было еще Его торжественного явления в мире, Его излияния на всех верующих. Когда же вознесся Христос, и вниде в славу Свою, вскоре затем и Дух Святой явился в виде огненных языков, умудрил апостолов, поставил епископов, в таинствах изливается на верующих, научает на молитву и на всякую истину, благодатно утешает скорбящих, оживляет душевно умирающих.

При условиях нашей земной жизни странно даже желать, чтобы Господь видимо среди нас всегда находился. Он сам сказал, что царство Его не от мира сего (Ин. 18:39). И наше

истинное житие не здесь; вместе с святым апостолом Павлом мы должны сказать: «находясь в теле, как в хижине, воздыхаем под бременем, в жилище наше небесное облещись желая» (2Кор. 5:2,4). Итак лучше для нас, чтобы Господь в Своем телесном виде и в Своей славе пребывал не там, где мы сами кратковременные пришельцы, а там, куда стремится душа наша, и где вечно жить надеемся. Вознесение Иисуса Христа есть исполнение утешительного для верующих Его обетования: иду уготовати место вам (Ин. 14:3). Праздник вознесения Его напоминает нам, что и наше житие на небесех есть (Флп. 3:20).

Когда Спаситель пребывал на земле, не все вразумились Его учением и примером, не все исправлялись Его обличением, и сам Он соделался жертвой клеветы и злобы. Доколе мир стоит, будут появляться люди недобрые, будет потемняться истина неправдою, будет продолжаться борьба добра со злом. Где же утешение для верующих? Где возмездие для обидимых? – Нужно воссоздание мира, чтобы восторжествовала правда. Нова небесе, и новы земли чаем, в них же правда живет (2Пет. 3:13). К утверждению сего чаяния, при вознесении Господнем, ангелы сказали апостолам: Сей Иисус... такожде приидет, им же образом видесте Его, идуща на небо (Деян. 1:11). Такожде: торжественно, и с тем же телом, с которым страдал и вознесся. Для чего же приидет? Чтобы воздать каждому по делам его (Откр. 22:12). Наше настоящее положение подобно тому, как если бы отец, оставив сына своего где-либо в отдаленном месте воспитания, надолго удалился от него, и потом возвратившись, потребовал от него подробного отчета, как он жил, с кем знакомился, чем занимался, и какие сделал успехи. Так Господь, вознесшись, а нас оставляя на земле, на месте нашего воспитания и испытания, некогда приидет, чтобы всемирно открыть, как мы прожили свой век и пользовались данными нам талантами, обличить не только дела наши, но и мысли, и воздать, кто чего заслужил.

Итак, возлюбленные, – поучают нас апостолы, – ожидая сего, потщитесь явиться пред Ним неоскверненными и непорочными (2Пет. 3:14). Вышних ищите, идеже есть Христос, одесную Бога сидя (Кол. 3:1). Аминь.

42. Слово в день Вознесения Господня. (Второе)

Изведь же их вон до Вифании, воздвиг руце свои и благослови их. (Лк. 24:50)

Благословение было последним действием Спасителя, в минуты Его вознесения. Есть предание, что для сего Он употребил знак креста, и крестообразным движением рук осенил всех, Его тогда окружавших⁷³.

Это действие Его послужило началом, основанием, образцом того благословения, которое преподают всем чадам церкви пастыри ее.

Чтобы понять лучше духовное значение благословения священнического, по внешнему виду очень известного, надобно уяснить себе силу благословения, которое получили апостолы от возносившегося Христа.

Он их любил, и с ними разлучался. Но чтобы в видимой разлуке утвердить духовную, неразрывную с ними связь, чтобы выразить им Свое благоволение за их к Нему приверженность, чтобы предупредить печаль, какую могли чувствовать апостолы, расставаясь с Господом, Он оставляет им Свое Божественное благословение. Это было видимым залогом того обетования, которое дал им Господь, за несколько прежде: Се Аз с вами есмь во вся дни (Мф. 28:20).

Апостолы готовились на подвиг всемирного проповедничества; им нужна была сила свыше. Обетование этой силы, ее начало и зерно, заключалось в благословении, какое получили они от возносившегося Господа. Если б Он не вознесся, Утешитель бы не снисшел. Если б не благословил учеников, не осенил бы их Дух Святой. С Своим благословением Христос соединил, и им запечатлел Свое утешительное для них предсказание: Приимете силу, нашедшу Святому Духу на вы, и будете Ми свидетели (Деян. 1:8).

Итак в благословении Спасителя апостолы приняли не только свидетельство благоволения Его к ним, но и залог надежды, что их трудное служение будет сопровождаться

успехом. Посему и возвратились они с Елеона в Иерусалим не с печалию, а с радостью великою (Лк. 24:52).

Примером благословения Христова объясняется значение благословения священнослужительского. Христос сказал апостолам: Якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю вы (Ин. 20:21). От апостольских преемников перешло и к нам право, еже служить Богу, и священствовати, и благословляти людей Его именем Его (Сир. 45:19).

Благословляя, священник призывает имя Святой Троицы и употребляет знамение креста. Сим выражается, что с верующими всегда пребывает благодать Божия и сила крестная. Восшедши на небо, Господь не оставил земли; воздвигши руки Свои на горе Елеонской, чтобы благословить первых Своих последователей, Он чрез руки Своих священнослужителей благословляет верующих и ныне, всех и всюду. Вознесся Он, «никакоже отлучаясь, но пребывая неотступный, и вопия любящим Его: Аз есмь с вами, и никтоже на вы»⁷⁴.

На сем обещании утверждается сила благословения священнослужительского. Она, если приемлется с верою, приносит благословляемым духовную пользу и от напастей защиту. Спит младенец сном спокойным, под осенением благословляющей матери: так душа верующих успокаивается в своем будущем, быв ободряема благословением церкви, чрез служителей алтаря Господня. Их благословение святой Златоуст называет «оружием духовным, которое делает христианина безопасным со всех сторон, и непобедимым»⁷⁵. И действительно, не только в делах важных, и в предприятиях, с опасностями сопряженных, благословение лиц духовных содействовало успеху, но и в обыкновенных житейских занятиях являло иногда знаменательную силу. В монастыре святого Венедикта строили здание. Нужно было поднять большой камень. Когда работавшие, несмотря на то, что созвали многих на помощь, ничего не сделали: попросили на место преподобного игумена. Как только он, сотворив молитву, дал благословение: камень был поднят, будто вовсе не имел тяжести⁷⁶.

Скажут: такая сила принадлежит святым; а обыкновенное благословение священническое ничего подобного не показывает. – Правда, мы имеем бесконечно больше побуждений, нежели апостолы, говорить о себе людям мирского состояния то, что они заметили некогда жителям города Листры: и мы подобострастны есмы вам человецы (Деян. 14:15). Посему, каждый смиренный священнодействователь молится, чтобы Господь очистил его недостойнство. Но и сомневающимся в силе священнослужительского благословения не следует забывать, что знамения веровавшим последуют (Мк. 16:17).

Какой могут ожидать себе пользы те, которые подходят к священнику под благословение из одного приличия, только потому, что так принято отдавать ему почтение при встрече, а не потому, что он есть орудие Господней благодати? Каков бы он ни был, но он совершает дело Божие, на которое свыше поставлен. «Велико имя Святыя Троицы», а рука брменная ничто. Правда, нужно и не по внешности только, руке благословляющей быть чистою, чтобы избежать осуждения за недостойное служение святыне. Но разве не должна очищать себя и та душа, которая ищет принять дар духовный? Если чистую воду влить в грязный сосуд: она утратит свою сладость и прозрачность. Так вода благодати скрывает свою освящающую и живительную силу, если приемлется в нечистую душу. Посему надлежит нам хранить веру апостольскую, мысль благоговейную, незлобие сердечное, да благословение наследим (1Пет. 3:9), которое в святой своей церкви оставил Иисус Христос, вознесшись на небо. Аминь.

43. Слово в день Вознесения Господня. (Третье)

Поклонимся на место, идеже стоясте нозе Его. (Пс. 131:7)

Вершина горы Елеонской было то место, на котором в последний раз в земной жизни Спасителя стояли нозе Его. Там, когда Он благословлял учеников в čtyрeдeсятый день по воскресении, Он отступил от них, и вознесся на небо. Это последнее Его на земле стояние и торжественное от нее подъятие неизгладимо осталось впечатленным на горе Елеонской. На голом камне, с которого вознесся Он, доныне видны два ножных углубления, следы святых стоп Его.

Как же мы должны пользоваться таких необыкновенным знаменiem в неодушевленной природе? – Так же постоянно, как она хранит его неизменно.

Скала Елеонская, подобно мягкому воску, приняла впечатление от пречистых стоп Спасителя, и доныне ясно виден этот отпечаток. С младенчества наречено на нас имя и звание Христово, и наша обязанность сохранить эту божественную печать на себе.

Палестинские поклонники, рассматривавшие на горе Елеонской следы стоп Иисуса Христа, по направлению их заключают, что лицо Его, в минуты вознесения, обращено было к северу. Следственно и благословляющие Его руки простерты были туда же. Если позволительно гадать, что это было предзнаменованием распространения христианства в царствах греческом и русском, которые находятся на севере от Иерусалима: то отсюда нетрудно также заключить, что самое направление стоп Его, как отпечатлелись они на горе Елеонской, дает нам, жителям севера, особенное побуждение хранить сокровище веры, нам вверенное. Когда Господь, благословляя учеников, возносился на небо, тии поклонишася Ему (Лк. 24:52). Уже нет Его там. Но, подражая им, и мы должны поклоняться на место, идеже стоясте нозе Его. Это мы можем делать и не путешествуя в святую землю, что удобно для немногих. Еще задолго прежде призывал всех к сему псалмопевец: «Внидем в селения Его; поклонимся подножию

ног Его». Будем ходить в храмы святые, и там поклоняться престолу Его.

Однако же сие поклонение не должно быть только внешнее. Взирая на возносившегося Спасителя, апостолы удивлялись событию, но и не хотели с Ним разлучиться. Уже облако взяло Его из виду их, а они продолжали смотреть на небо, куда, как они тогда почувствовали, возносилось их блаженство, куда удалялось их все. Именуясь христианами, так ли мы ко Христу привержены, чтобы стремиться душою за Ним и к Нему? – Смотрят и ныне люди на небо; но, увы, многие без всякой мысли, иные только любопытствуя узнать, что за пределами высоты воздушной, а другие усиливаясь предугадывать, будет ли погода благоприятствовать их летним прогулкам, или хозяйственным предприятиям.

Так легко забываются незабвенные слова, которые ангелы сказали апостолам: «Что вы стоите, и смотрите на небо? Сей Иисус, Который от вас вознесся на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо» (Деян. 1:11). Он придет всемирно всех изобличить указанием на то, какие нам даны были признаки, по которым каждый мог узнавать Его, какие кто получил побуждения веровать в Него, насколько мы были внимательны к святым заповедям евангельским, и наконец, кто какие делал дела, чтобы каждому воздать по делам его. Аминь.

44. Слово в день Вознесения Господня. (Четвертое) Молитвенные поклоны

И тии поклонишася Ему. (Лк. 24:52)

В евангелии повествуется, что когда Господь возносился на небо, все, бывшие тогда при Нем, поклонились вслед Ему. Это поклонение не могло быть обычным знаком прощания; не путника земного они провожали, но, быв изведены своим Божественным Учителем на гору Елеонскую, внезапно увидели, что Он возносится от земли, и, дивясь чуду, взирали на небо, идущу Ему (Деян. 1:10). Их поклонение было началом священного обряда, который доныне и мы соблюдаем.

Молясь Богу, мы творим поклоны. Какое же их значение, какая сила?

Люди издревле кланяются друг другу в знак общительности, уважения, зависимости, просьбы. То же, но в высшем смысле, совмещает в себе положение поклонов по церковному уставу. Мы кланяемся, егоже вемы (Ин. 4:22), Богу, Которому духовно служим, и Его святыне. Покланяемся, ибо от Него во всем зависим, о Нем бо живем, и движемся, и есми (Деян. 17:28); покланяемся, ибо у Него «добрых и полезных душам нашим просим» и, получая, благодарим; покланяемся, ибо Ему единому согрешаем и пред Ним во грехах каемся. Такое поклонение не есть, как некоторые горделиво думают, унижение человеческого достоинства. Поклоны молитвенные служат признаком справедливого нашего самоуничижения, нашего верного взгляда на себя. «Каждым коленопреклонением, и каждым восклонением от земли мы на самом деле показываем, что чрез грех пали мы на землю, и человеколюбием Сотворившего нас воззваны на небо» (Вас. Вел. ч. III, стр. 335).

Неправильно бы кто возразил: «мы Бога не видим: для чего же наружные поклоны?» – С этим обрядом мы соединяем поклонение духовное, при котором видим Бога очами веры сердечной, принимаем благодать Его в таинствах, взираем на иконы, воздавая почитание изображаемым на них, ибо дивен Бог во святых Своих (Пс. 67:36). И апостолы уже тогда, когда

облако воспрепятствовало им видеть возносившегося Господа, когда ангелы возвестили им о будущем втором пришествии Его, поклонитесь Ему и возвратитесь во Иерусалим.

Сила остается та же, если мы поклоняемся Невидимому, как видимому. Чтобы понять эту силу, расскажем случай, о котором свидетельствуют древние христианские писатели⁷⁷. Римское воинство было на войне; во время бездождия, находясь в безводной местности, оно не имело что пить. Воины Мелитинского легиона, изнуренные также жаждою, но одушевленные верою, преклонили колена на землю и обратились с прошением к Богу. Вдруг явилась страшная молния, обратившая врагов в бегство, и пролился дождь, ожививший войско. Так сильна оказалась молитва, соединенная с поклонением внешним.

Посему, какие бы ни случались с нами перемены, во всех наших нуждах житейских и общественных, всегда в верою и неленостно да будем послушны священно-служебному гласу, нас призывающему: «Приидите, поклонимся Цареву нашему Богу». Аминь.

45. Слово в седьмую неделю по Пасхе

Ныне в апостольском чтении слышали мы, как апостол Павел, идя в Рим, прощался с ефесскими пастырями; причем предсказал им, что восстанут люди, которые будут говорить превратно (Деян. 20:30).

Вскоре предсказание это стало сбываться, и одним из злейших еретиков оказался некто Арий, которого низложил ныне в храмах наших воспоминаемый и чтимый первый вселенский собор. Этот еретик лжеучил, что Сын Божий не есть Бог, а творение Божие. Когда ересь его начала распространяться, Петр архиепископ александрийский обратился к Богу с молитвою, прося вразумления. И было ему чудодейственное видение. Ему представилось, что Христос в возрасте младенца стоит на престоле, в одеянии, сверху донизу раздранном. Он осмелился спросить: «Господи, кто Твою ризу раздра?». И Господь отвечал, что Арий. Получив такое вразумление свыше, Петр отлучил его. Но поелику еретик этот не переставал совращать православных; то собрался против него в Никеи вселенский собор и составил символ веры, который мы и поныне ежедневно читаем и по которому веруем в Сына Божия несотворенна и единосущна Отцу. На этом соборе Арий был совершенно низложен, и хотя лицемерно выражал желание обратиться в православие, но за его богохульство вскоре постигла его злая смерть: шел он по улице; вдруг утроба его расторглась, внутренности вышли, и он в мучении извергнул свою нечестивую душу. Так иногда Господь наказывает еще и здесь еретиков и богохульников.

Посему ныне мы, прославляя вознесшегося Господа за то, что Он «светила на земли отцы наши основал, и теми к истинней вере вся ны наставил», должны неуклонно следовать их учению и руководству. Уложили святые отцы исповедание веры: его мы должны держаться, и все, с ним несогласное, отвергать, как раскольническое и еретическое. Предали они нам обряды богослужебные: поревнуем с полным усердием и благоговением посещать православные храмы. Дали они нам

душеполезные заповеди, как например, о постах, о поминовении усопших и различных видах благотворительности: будем хранить эти заповеди, как добрые дети свято исполняют заветы своих отцов. За ослушание учителям церкви угрожает гнев Божий, а повиновение им есть якорь нашего спасения. Ибо к ним относится то, что сказал Господь апостолам: слушаяй вас Мене слушает (Лк. 10:16). Аминь.

46. Слово в неделю всех святых. Чествование всех святых

И дано бысть ей облещися в виссон чист и светел: виссон бо оправдания святых есть. (Откр. 19:8)

Ныне праздник всех святых. Почему же он учрежден, почему в этот день совершается, и что нам внушает?

Апостол Иоанн Богослов в откровении видел таинственный брак Агнца, небесного Царя Христа, и жену сего Царя, то есть святую церковь, которая облеклась в одежду виссонную. Виссон – драгоценная ткань светлого цвета. Тайнозритель сам изъяснил, что эта одежда есть праведность святых. Их подвигами и кровью Христова церковь яко багряницею и виссом украшается (Троп. праздн.). Утешаясь сим украшением, чествуя праведность угодников Божиих, она многим из них учредила отдельные празднества, и почти нет в году дней, когда бы не воспоминалась память каких-либо святых. Но так как еще больше тех, которых имена совсем неизвестны, ибо тысячами умерщвляемы были за Христа, а иные в уединении подвизались, или после смерти открывались по чудесам, а не по именам, – то отцами церкви установлено совокупное празднество в честь всех святых, чтобы никто из них не был оставляем без должной почести. День же нынешний, первый воскресный после праздника Святого Духа, избран для такого чествования потому, что Его благодатною силой люди грешные делались святыми. Благодать Божия их, нам подобострастных, освятила, умудрила, укрепила и возвела на степень ангельского бесстрастия. Посему православная наша церковь, совершивши праздник сошествия Святого Духа, теперь нам указывает, какие плоды принесло оно⁷⁸.

Тот же тайнозритель видел, как ангел возложил множество фимиама на жертвенник пред Богом (Откр. 8:3). Этот фимиам означал молитвы святых (Откр. 5:8). Уповая на них, церковь вопиет Христу: «Людем твоим щедроты твоя ниспосли» (Троп. праздн.).

Потщимся и мы, с своей стороны, быть достойными Божиих щедрот. Поревнуем пребыванию небожителей, да тихое житие проживем (1Тим. 2:2). Конечно, не можем мы сделать землю небом и наш победный век беспечальным. Но вместо того, чтобы мечтать о невозможном, о равном для всех благополучии на земле, – почему ныне люди неразумные и увлекающиеся стремятся даже средствами преступными достигнуть несбыточных целей, – не лучше ли нам перенести в наши сердца и нравы некоторые доступные для подражания черты из жизни небожителей? На небе правда живет (2Пет. 3:13); там ненарушаемый порядок, единодушие, любовь, мир и радость о Дусе Святе (Рим. 14:17). Будем и мы правдивы в словах и делах; сохраним полное подчинение закону и порядку; оставим разномыслие, ведущее к раздору; постараемся, сколько возможно от нас, иметь мир со всеми человеками (Рим. 12:18), не делая другим того, чего себе не желаем. Проживем праведно и благочестно (Тит. 2:12); и сподобимся опытно познать сладость и действительность ангельского пения: Слава в вышних Богу и на земли мир (Лк. 2:14). Аминь.

47. Слово в день Преображения Господня. (Первое)

Освящается бо словом Божиим и молитвою. (1Тим. 4:5)

Сейчас вы видели священнодействие, которым освящены виноград и плоды. Но для чего они приносятся и освящаются, и почему в праздник преображения Господня?

Приносятся, из благодарности к Богу. Все, что Им создано, что употребляется нами в пищу, все зависит от Его воли. Человек сеет, насаждает, обрабатывает; но еще не уверен, что насаждениями своими воспользуется. Их может побить град, погубить засуха, повредить излишество дождей. «Насаждающий есть ничто, а все возвращающий Бог» (1Кор. 3:7). Когда же произведения земли, для пищи потребные, начинают созревать, и приходят в руки трудившегося делателя, то первое его чувство есть сознание явленной ему милости Божией, и созревшие начатки несет он в церковь, «во благодарение Подателю плодов», как заповедано в соборном правиле (VI вс. пр. 28). Приносятся они только как выражение благодарности, а не как жертва Богу, ибо не приемлет Он никаких вещественных жертв. Впрочем, приношение винограда имеет свое особенное значение. В одной церковной книге замечено: «Гроздие в церковь паче всякаго инаго овощия изряднее приносится; понеже от того бывает вино, на совершение безкровной жертвы приемлемо» (Слав. кормч.).

Издревле учреждено, что приносимые в храм начатки плодов земных, здесь были освящаемы. Что не благословляется церковью, то не полезно и для души, и для тела. Например, преждевременное, или неумеренное ядение плодов не допускается церковным уставом, а вместе оно весьма вредно и для здоровья. Освящаются же приносимые сюда плоды словом Божиим и молитвою. На них призывается спасительное имя Божие, и в молитве, над ними произносимой, мы просим, чтобы вкушение их было во здравие и в безгрешное удовольствие вкушающим.

А почему они приносятся именно в праздник Преображения, объясняется тем, что к этому времени по нашим местам одни из

них приходят в совершенную зрелость, другие начинают созреть. Можно указать и духовное сему обычаю основание. Плоды, когда еще растут весною, бывают мелкие, зеленые и некрасивы; затем, при содействии солнечного света, теплоты и влаги приходят в зрелый вид, принимают полноту и красоту, совсем преобразуются. Так земная жизнь для человека то же, что время созревания для плодов; здесь он должен воспитать себя, для своего будущего преобразования. Сам по себе он не чист и греховен, и потому не благообразен; но если он пользуется светом слова Божия, согревается теплотою умиленных священнодействий, орошается и освящается таинствами, он духовно созревает, и как пшеница зрелая, во время пожатая (Иов. 5:26), приемлется в житницу небесную. Потщимся же воспользоваться данными нам средствами благодатными, и Господь Иисус Христос преобразит униженное тело наше так, что оно будет сообразно славному телу Его (Флп. 3:21). Аминь.

48. Слово на Преображение Господне. (Второе)

Поминай последняя твоя. (Сир. 7:39)

Этот совет, который мы читаем в Священном Писании, касается всякого из нас. «Помни кончину твою, и то, что последует за нею».

Но напоминать и говорить о таком печальном предмете позволяет ли нынешний праздник, когда сама церковь, приглашая нас светло сретить Христово преображение⁷⁹ восклицает: «наста день божественного веселия»; когда мы в светлых ризах и радостных песнопениях совершаем торжественное богослужение; когда свежие плоды, принесенные сюда для благословения, напоминают не о смерти, а о пользовании благами настоящей жизни?

Примечательно, что воспоминаемое ныне событие наводит отчасти на размышление о смерти. Христу преобразившемуся предстояли Моисей и Илия. Они не молчали; и о чем же рассуждали? Глаголаста исход Его, егоже хотяше скончати во Иерусалиме (Лк. 9:31), то есть о Его крестной смерти. Если о сем говорено было на святой горе, где лице Спасителя просветится, яко солнце (Мф. 17:2), и «из плоти Его лучи божества исхождаху»⁸⁰, где апостолы, увидев славу Его, ощутили, что «хорошо быть там»; то здесь, на нашей грешной и плачевной юдоли можно ли указать день, в который бы мы имели право забывать о своем смертном часе, когда видим, что одному случается умереть в будни, а другому – в праздник, и забывать теперь, когда даже ежедневно издаваемые для чтения всех листы, которые не любят напоминать о смерти, наполнены известиями том, каким количеством своих жертв она напоминает о себе по разным городам и селениям?⁸¹

Итак, помни кончину твою, и то, что последует за нею. Для чего же это, и какая от того польза?

Есть люди, которые и подумать не хотят о смерти и уверены, что ничего не последует за нею. Живут они, чтобы пить, есть, веселиться, и обрекают себя на вечное уничтожение. Какой же человек благомыслящий захочет подражать им?

Бывали опыты, что сами неверующие с ужасом встречали смерть свою; они чувствовали, что не все оканчивается, что за гробом ожидает их нечто недоведомое, таинственное, мрачное; они хотели бы уверовать, но не знают, во что, ибо все отвергали; хотели бы засвидетельствовать свою веру, изменить свою жизнь, но уже поздно, ибо пришел ее конец. Если же вера дает утешение при смерти, то наоборот и память о смерти утверждает душу в истинном вероисповедании. «Положено человеку однажды умереть, а потом суд» (Евр. 9:27). Кто помышляет о своей кончине, тому естественно помыслить, в каком веровании предстать на суд, который последует за нею. То несомненно, что на сем суде неверующий будет осужден, яко не верова в едиnorodного Сына Божия (Ин. 3:18). Но и неправоверующий разве может там оправдаться? В ответ на это предложим краткую повесть. Некто, державшийся ереси Несторианской, пришел к преподобному Кириаку для духовной беседы. Старец сказал ему: «Нельзя спастись, если не обратишься к святой церкви». Но тот отвечал: «Все ереси тоже говорят, что если ты с нами не будешь, то не спасешься». Тогда старец стал молиться о нем. На другой день этому колебавшемуся было видение. Ему явился кто-то по виду страшный, привел его в темное и смрадное место, и там в огне показал ему Ария, Нестория и других еретиков. Пораженный этим видением, услышал он голос: «Если не хочешь прийдти сюда, обратись к святой церкви, к которой принадлежит наставлявший тебя старец. Я говорю тебе: хотя бы человек все добродетели сотворил, но не будет право веровать, прийдет в это место». После сих слов он пришел в себя, немедля принял православие, и прожив несколько лет, в мире скончался⁸². К этому можно прибавить, что и в наше время боязнь предстать на суд Божий еретиком привела не одного заблудшего в недра православной церкви.

Если память смертная отводит от душепагубных учений, то еще заметнее от грехов. Поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши. Чтобы понять силу сего изречения, представим себе, что в доме покойник. Его родным и всем в том доме пойдет ли тогда какое веселие на ум? Так, когда каждый

внимающий себе, вообразит, что и он сам будет в таком же положении, что и его некогда положат в гроб и будут хоронить; тотчас от одного этого воображения, почувствует в себе силу противоборствовать греховным влечениям. И действительно, люди, по природе пылкие, сами свидетельствовали о себе, что охлаждающая память смерти погашала в них пламень сладострастия. В пресыщение, многопитие не вовлечется тот, кто знает и не забывает, что тучное тело есть лучшая пища могильным червям. Не ослабят ли порывы честолюбия и тщеславия, когда кто внимательно рассудит, что не возьмет с собой туда в загробную жизнь никаких знаков отличия, хотя и будут лежать они около его гроба? Не войдет ли в границы жадность землеприобретения, когда любостяжательный чаще будет помышлять, что скоро все оставит, что ему нужно весьма малое протяжение земли, которая сделается его неотъемлемою собственностью так же, как и погребенное его тело ее собственностью, по непреложному закону: Земля еси, и в землю отъидеши (Быт. 3:19)?

«Какая же, – скажут, – это жизнь, если каждый день думать о смерти? От одного страха можно умереть». Нет, это будет жизнь правильная, нравственная, воздержная, и при таких условиях может быть продолжительная. Те, которые сами помнили и другим внушали помнить смерть, вообще жили долго, иные более ста лет. Памятование о кончине не приблизит ее, и забвение о ней не отдалит ее. Помяни, яко смерть не замедлит (Сир. 14:12), присовокупляет священный советодатель. Он не сказал, что смерть сейчас придет; он хочет только вразумить нас, что неизвестен ее день и час, и потому должно готовиться к ней, готовиться честным, непорочным житием и добрыми делами. Бог уставляет времена смерти. Ему предадим свою судьбу, и, внимая ежедневному приглашению церковному, будем усердно молиться, да сподобит нас «прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати». Аминь.

49. Слово в день Воздвижения Честного Креста

Слово крестное погибающим убо юродство есть, а спасаемым нам сила Божия есть. (1Кор. 1:18)

Крест, на котором распят был Христос, около трехсот лет оставался в земле, и обретен был царицею Еленою. Когда удостоверились, что это есть настоящий крест Христов, то патриарх поставил его на видном месте, и все воздали животворящему древу подобающее поклонение. Сие поднятие и поставление называется воздвижением. Почему же читается оно, как великий, дванадесятый праздник?

Потому что обретение креста Христова, его воздвижение послужило, и на все грядущие времена служит к утверждению нашей православной веры.

Слово о кресте, проповедь о нем начали апостолы и продолжали их преемники. Но где самый тот крест, на котором был распят Христос, никто не мог указать, и никто не мог знать; ибо все три голгофские креста (Христов и двух разбойников) находились под развалинами города Иерусалима. Когда же был обретен и воздвигнут подлинный крест животворящий, он явился осязательным, для всех очевидным доказательством распятия Христова. Святой Кирилл Иерусалимский говорит: «Если дерзнешь отрицать, что Христос был распят; обличит тебя блаженная Голгофа, на которой видим теперь древо крестное»⁸³. Оно и узнано было по чудодейственному признаку: возложено было на умершего, и мертвый воскрес. Чудес потом было так много, что священный песнопевец восклицает: «кто слышана сотворит действия твоя, миролюбезный кресте, силы и чудеса, и умерших востание?»⁸⁴. Вскоре по обретении животворящего креста и вера христианская объявлена господствующею, и всюду стала распространяться. Хотя люди неверующие, и потому погибающие, считают юродством, занятием неприличным говорить о кресте, смотрят на него с пренебрежением, подобно язычникам, которые глумились над ним, как над орудием казни, и признавали безумием поклоняться ему; но для христиан спасаемых, ищущих

спасения, крест Христов, сказание о нем, учение крестное есть Божия сила, явление Божией премудрости. Посему животворящий крест и величается в песнопениях, как «основание благочестия, церквам благолепие, верным держава, благочестивых хранитель»⁸⁵.

Отцы шестого вселенского собора правилом (73-м) постановили: «Поелику животворящий крест явил нам спасение; то надлежит нам всякое тщание употреблять, да будет воздаваема подобающая честь ему. Посему мы и мыслию, и словом, и чувством поклонение ему приносим». – Сему святому примеру, сей отеческой заповеди потщимся и мы при всяком случае последовать. Когда видишь крест, малый или великий, простой или украшенный, перенесись благоговейною мыслию к подножию того креста, на котором Христос за нас был распят, и который по обретении воздвигнут снова на Голгофе для поклонения. Когда молитвенно творишь на себе крестное знамение, остерегись делать это рассеянно. Вспомни, что если б не было животворящего крестного древа, то не было бы для нас потребности и пользы полагать на себе рукою изображение креста. Знамение крестное заимствует свою силу от спасительного креста Христова, который исцелял болящих, воскрешал мертвых, и поныне не престаёт быть чудодейственным. С сею верою и в благополучии, и в скорби и болезни, устремляя к нему сердечное моление, будем взывать словами песнопения церковного: «Спаси ны, кресте, силою твоею, просвети ны светлостию твоею, укрепи воздвижением твоим»⁸⁶. Аминь.

Отделение II. Слова на Богородичные праздники

1. Слово в день Рождества Пресвятой Богородицы. (Первое) Ропот на горькую участь

Не чаеми, но не отчаяваеми. (2Кор. 4:8)

Праведные Иоаким и Анна, пятьдесят лет проживши в супружестве, еще не имели детей. Это их сокрушало; ибо у евреев безчадие считалось наказанием Божиим, бесчестием, предметом поношения. Посему, и достигши старости, они не преставали скорбеть о том, что бездетны. Однажды Анна вышла в сад; севши, она глубоко вздохнула и, возводя свои слезные очи на небо, увидела на дереве птичье гнездо с молодыми птенцами. Это нанесло новую рану ее сердцу, и она горько воскликнула: «Господи, Господи! Вот и птицы небесные детьми утешаются; я только грешная лишена сего утешения».

Но в своей безнадежной скорби, она не предалась отчаянию и изливала свою душу пред Богом: «Адонаи Саваоф! Ты безчадия веси поношение; Сам убо болезнь сердца моего разреши, и хляби утробныя разверзи, и неплодную плодоносну покажи». Когда она так продолжала молиться, явился ей ангел и сказал: «Услышана, Анно, молитва твоя; слезы же твои пред Бога внидоша, и се родиши Дщерь преблагословенную» Тогда же явился ангел и ее молившемуся мужу Иоакиму и возвестил ему ту же радость. Сей Дщери преблагословенной рождество мы ныне светло празднуем.

Люди в несчастьях (а кто счастлив на земле?), в затруднительных обстоятельствах, при безуспешности своих ожиданий и желаний, расположены бывают сравнивать себя с бессловесными животными. Твари Божии не знают уныния; беззаботно ходят, летают, ни сеют, ни жнут, и однако же насыщаются, ибо Отец небесный питает их (Мф. 6:26); сообразно с своими наклонностями каждая наслаждается жизнью, и всякое дыхание хвалит Создателя. Приходит женщина к Господу и вопиет об исцелении дочери, причем даже на положение псов указывает, как на завидное: ибо и пси ядят от крупниц, падающих от трапезы господей своих (Мф. 15:27). Звери имеют логовища и птицы небесные гнезда, а иной нищий

скитается, не имея, подобно обнищавшему нас ради Сыну человеческому, где главу подклонити (Лк. 9:58; 16:20). И сколько между нами таких, которые вздыхают о горькой своей доле и недовольны своим состоянием!

Гибельно чувство недовольства, если человек не имеет веры. Тогда как другие около него трудятся и удовлетворяются тем, что Бог посылает, этот несчастный только думает, смущается и если что предпринимает, не доводит до конца. Он ропщет, почему судьба не уравнила всех в благополучии; почему люди, которые, по его мнению, хуже и ниже его, благоденствуют. В малодушии он завидует иным животным, которые, как ему кажется, судьбою поставлены в более, чем он, выгодные условия жизни. Называя свое тяжкое положение безвыходным, он на все окружающее смотрит с озлоблением, а на себя с отчаянием. Оттого ныне и повторяются на языке молодых людей безумные слова: «не стоит жить»; оттого ныне нередки и самоубийства.

Совершенно напротив учили примером и словом наши учителя веры. Апостолы, среди гонений и лишений, говорили о себе: «Мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы отовсюду притесняемы, но не унываем». Они и нам внушали: всю печаль вашу возвергните на Господа, яко Той печется о вас (1Пет. 5:7). Чем печаль глубже и продолжительнее, тем большая нужна вера, чтоб не предаться унынию, тем тверже должно быть упование. Вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущавши мя? – Уповай на Бога (Пс. 41:12). Упование не посрамить (Рим. 5:5). Но не посрамит тех, которые не малодушествуют, не ропщут, когда, по-видимому, все надежды разрушаются. Припомним праведную Анну. Грустно ей стало, когда она безчадная увидела, как и птица утешается птенцами. Но, сравнивая себя с нею, она вместо ропота на свою горькую участь перешла к мысли, что без воли Божией и птица ни живет, ни падает (Мф. 10:26) мертвая. Это снова воспламенило в ней молитву о том, о чем много лет безуспешно молилась и что наконец получила.

Так в трудных обстоятельствах не должно забывать, от Кого зависит наша «жизнь, и дыхание, и все» (Деян. 17:25). Так в

самом безнадежном, по-видимому, положении не отчаиваться должно, а просить и молиться. Ибо, – как сказал один святой отец⁸⁷, – «доброму получению вождь есть прошение, и молитва – ходатай». Аминь.

2. Слово в день Рождества Пресвятой Богородицы. (Второе) Деторождение, как средство спасения для матери

Спасется же чадородия ради. (1Тим. 2:15)

Деторождение есть явление естественное, есть требование природы, общее и человеку, и животным. Однако же апостол Павел говорит о женщине, что она спасется чрез чадородие, то есть чрез рождение детей может Богу угодить и получить блаженство в будущей жизни. За что же ей такая награда, когда деторождение само по себе, как дар природы, не есть ни добродетель, ни заслуга?

А между тем не мало примеров, что матери делались счастливыми чрез своих детей, и на самый высший из таких примеров указывает событие нынешнего праздника. Жило в Назарете еврейское семейство, состоявшее из мужа и жены; имена их – Иоаким и Анна. Детей они не имели и, может быть, умерли бы в неизвестности, как и другие евреи, ожидавшие Мессии – Христа. Но после пятидесятилетнего неплодства, Анна родила дочь – преблагословенную Марию, рождением которой не только сама она получила спасение, но и послужила началу нашего спасения.

Как же рождение детей делается средством спасения для матери? На сие отвечает апостол: «Если пребудет в вере и любви, и в святости с целомудрием».

Первоначальное воспитание детей лежит на обязанности матери, а воспитание не иное быть должно, как в духе веры и нравственности. Какие же верования внушит, каким молитвам научит своих детей мать, когда она сама неверующая или не знающая, во что надобно веровать? Может ли утвердить детей в правилах любви христианской мать, которая не имеет чистой любви ни к мужу, ни к домашним, ни к ближним, и если любит детей, то любовью животною, в смысле их кормления и охранения их здоровья? Может ли мать поселить в их сердцах чувство стыдливости и отвращения от всего, что предосудительно, когда она на все смотрит легкомысленно,

думает только об удовольствиях и увеселениях, допускает даже поступки, которые осуждаются во всяком порядочном обществе, и неизбежно бывают предметом раздора и соблазна в ее семействе? Соблазны заразительны, а материнские для детей неотразимы. Но как иногда о дурных привычках говорят, что они всасываются с молоком матери; так и добрые навыки, святые расположения тем бывают тверже, чем глубже укореняются в душе с малолетства. Отцы и матери должны быть сами хороши, верующие, любящие, честные, чтобы воспитать детей подобными себе, чтобы за их воспитание ожидать себе награды. Почему Иоаким и Анна удостоились быть родителями Пресвятой Богородицы? – Потому что были праведны и благочестивы. Лишение детей было тяжким для них испытанием. Но вера их не ослабевала; они молились о разрешении их бесплодства, не год, не два, а пятьдесят лет. Однажды Анна случайно в саду увидела на дереве гнездо и в нем оперившихся птенцов. Грустно ей было, что и птицы небесные детьми утешаются, а она не знает сего утешения. Иная бы на ее месте возроптала на Промысл Божий; но Анна и в эту минуту обратилась со слезами и с молитвою к Богу: «Господи, Господи! Ты веши поношение безчадия. Сам убо болезнь сердца моего разреши и неплодную плодоносну покажи»⁸⁸. Тогда явился ей ангел и возвестил, что скоро она сделается матерью. А как она и муж ее были благотворительны, довольно указать на соблюдавшийся ими обычай, по которому они от своих избытков одну часть отдавали на церковные потребности, а другую – бедным.

Если жизнь добродетельная сама по себе угодна Богу; что же может прибавить к ее достоинству рождение детей? Все зависит от их воспитания. Как родители, хотя бы сами были добры, могут подпасть страшной ответственности за небрежение о своих детях, за их испорченность, за беспечность об их исправлении, чего пример указан нам в судьбе Илиа первосвященника; так, напротив, те родители, которые хотя бы и не были чужды грехов юности, потщились однако же «воспитать детей своих в учении и наставлении Господнем» (Еф. 6:4), приготовить в них не только полезных членов общества, но, по выражению Златоуста⁸⁹, «ратоборцев Христу»,

чрез сие приобретают себе и великое утешение на земле, и награду на небе. Ответственность за детей вызвала древнее изречение: лучше умереть безчадному, нежели имети чада нечестива (Сир. 16:4). Дети же, в благочестии воспитанные, суть самые теплые и может быть самые успешные молитвенники за своих почивших родителей.

Впрочем, чадорождение отнюдь не есть общее для всех средство спасения. Спасутся и девственницы, если сохраняют свое девство и пребудут в целомудрии. Знаем вдовиц, которые «постом и молитвами служили Богу день и ночь» (Лк. 2:37). И все безбрачные и бездетные могут Богу угождать воспитанием чужих детей, призрением сирот и другими добрыми делами. Путь спасения всякому открыт: иди, и спасайся. Аминь.

3. Слово в день Рождества Пресвятой Богородицы. (Третье)

Лучше умереть безчадному, нежели имети чада нечестива.
(Сир. 16:4)

Праведным Иоакиму и Анне, чрез пятьдесят лет их супружества, Бог даровал дочь, преблагословенную деву Марию. До того времени они не имели детей, и много скорбели об этом, потому что безчадие у евреев считалось поношением и знаком гнева Божия.

Бывают и ныне супруги бездетные, и между ними такие, которые горько жалуются на свою судьбу, и даже на Бога ропщут за то, что у них нет детей.

Как же смотреть на безчадие? Есть ли оно наказание Божие?

Была особенная причина, почему у израильтян безчадие почиталось несчастием. Родоначальникам народа Божия было обетование о размножении их потомства, от которого произойдет благословенное «Семя Жены». Сему назначению народа избранного казались не соответствующими лица безчадные. Лишение детей тем более было тяжело для потомков царя Давида, которые, по предсказаниям (Иер. 23:5, 33:15), могли иметь надежду, что от них родится Спаситель мира. Иоаким и Анна принадлежали к роду Давидову. Однажды Иоаким принес дары свои в храм Иерусалимский. Но первосвященник Иссахар, «укорив его о неплодствии, рече: не достоин прияти от рук твоих даров, яко безчаден еси»⁹⁰. Можно судить, как тяжел был этот упрек для праведных, но неплодных супругов, и только тогда, как по неотступным молитвам их, родилась у них благословенная дочь, они «избавились поношения безчадства» (Конд. праздн. Рожд. Богор.).

Обращается и ныне безчадие в предосуждение, но по иной причине, и только тем лицам в супружеском состоянии, которые своим прежним поведением сами себя сделали неплодными. Те же, которые не по своей виновности бездетны, должны усматривать в сем не наказание от Бога, а Его творческое

промышление, которое, по своим премудрым целям, то новорожденным дает жизнь и дыхание (Деян. 17:25), то удерживает производительную силу природы. Лишение детей иногда бывает даже благодеянием свыше. Не говорим о тех затруднениях, какие испытывают родители при их воспитании. Довольно вспомнить, что и у хороших родителей могут быть худые дети. Сколько такие дети причиняют огорчений и срама своему отцу, сколько слез и мучений своей матери! «Стыд отцу развращенный сын» (Сир. 22:3), и Господь, чтобы избавить верного своего раба от сего стыда, лишает его детей. Один пустынный, недоумевая о непостижимости судеб Божиих, пошел просить вразумлений о сем к другому старцу. На пути сошелся с ним некто в виде черноризца, и оба продолжали идти вместе. На местах, куда они заходили, спутник этот вел себя загадочно, даже преступно. Ночевали они у одного благочестивого гостеприимного человека, который, отпуская их утром, просил благословить его юного сына. Вдруг тот неизвестный устремился на юношу, и мгновенно удушил его. Не быв задержаны, странники пошли дальше. Наконец пустынный спросил своего спутника, кто он и почему так поступает. Оказалось, что это был ангел, который между прочим объяснил: «я порастил того юношу потому, что со временем он сделался бы великим злодеем»⁹¹. Если по сему сообразить, от каких иногда печалей Господь избавляет супругов, не давая им детей, то можно понять всю силу того замечания, какое сделал премудрый сын Сирахов: «лучше умереть вовсе бездетным, нежели иметь детей нечестивых».

Конечно скорбящие о безчадии желают иметь детей не худых, а добрых. Но надобно не забывать, что чадорождение, как и брачное состояние, не есть обязанность. Посему, как благословил Господь подвиг девства, так и бездетное супружество предопределяется свыше. Для одних оно есть средство испытания в терпении и вере; для других – освобождение от семейных забот, чтобы тем легче и усерднее они могли нести обязанности общественные. Были угодники Божии, которые и в своем супружеском состоянии остались девственниками. Люди богобоязненные, не имея детей, а

вместе и надобности сберегать имущество, употребляли свои избытки на дела благочестия и благотворительности. Так праведные Иоаким и Анна от всего, что приобретали, отделяли две части, из которых одну жертвовали на храм, а другую раздавали бедным.

Если родителям за доброе воспитание своих детей предлежит награда, на что и указывает апостол, говоря: спасется жена чадородия ради (1Тим. 2:15); то несомненно, что не лишатся мзды от Господа и те бездетные, которые, без ропота перенося свое безчадие, заботятся о воспитании чужих детей, и особенно сирот. Посему у кого нет детей, сиру тот буди помощник (Пс. 9:35). Аминь.

4. Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы. (Первое)

Слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя, и дом отца твоего, и возжелает Царь доброты твоея, и поклонишися Ему. (Пс. 44:11, 12)

Во время введения Пречистой Богоотроковицы в ветхозаветный храм Иерусалимский, сопровождали Ее девы юные, Богу посвященные, и в сем исполнилось предсказание: приведутся Царю девы вслед Ея.

Нет ныне ветхозаветного храма, и сама Царица – Богоотроковица уже давно предстала одесную Царя. Кто же ныне будет в состоянии идти во след Ее? Возможно ли это?

Утешьтесь, новые чада Израиля! Возвеселитесь души, ищущие себе счастья дев, сопровождавших некогда Пречистую Богоневесту! Приводятся и ныне Царю девы во след Ее: только нам нужно знать путь, каким ведутся они.

Всем нам апостол, – и мужчинам и женщинам, и девам и брачным, – говорит: обручих вас единому Мужу, деву чисту представить Христовы (2Кор. 11:2). И святая Православная Церковь, с первых дней нашей жизни, уневестила души наши Небесному Жениху.

При всем том, для верного уневещения душ наших Господу немало требуется и от нас самих. Обратимся к обыкновенной жизни. Родители или воспитатели юной девы стараются сообщить ей многие, блестящие преимущества; но этого не довольно: надобно, чтобы невеста имела внутренние достоинства души и сердца, которые могли бы придать более значения тому, что получила она от воспитания и образованности. Подобное и в деле духовного уневещания: оно начинается попечением о нас святой церкви, но нужна и с нашей стороны забота, чтобы украсить душу качествами невесты Христовой. Однажды святой Григорий Богослов видит сон (Не усумнимся сон обратить в урок важного дела: сновидения святых суть откровения тайн духовного мира). Ему явились две девы в белых одеждах: все их убранство состояло

в том, что они не имели уборов. На вопрос его: кто они и откуда? отвечали: «Одна из нас – Чистота, а другая – Целомудрие. Мы предстоим Царю – Христу, и услаждаемся красотами девственников. Но ты соедини ум твой с нашими сердцами, и твой светильник с нашими светильниками, чтобы тебя, просветленного, могли мы поставить пред сиянием Бессмертной Троицы». Видевший сон этот желал быть в обителях душ девственных; но вестницы, оттуда пришедшие, не вдруг восхитили его туда, а потребовали, чтобы он со светильником чистоты и целомудрия прошел прежде темные стези земной жизни. Нужно и нам позаботиться о чистоте жизни, чтобы в ней возблистали черты девственности. И у кого мы лучше можем научиться чистому житию, как не у той же Приснодевы, которая, представши Царю, как Богоневеста, соделалаеь для нас наставницею духовного уневещения, – «невестокрасительницею душ святых?»

Прежде всего святой Давид возбуждает в невесте царевой внимательность. Слыши, дщи, и виждь. Мир требует от невесты острого ума, приятного слова: Христос ищет в своей невесте целомудренного молчания и внимания Его слову. Обрученная Ему душа хорошо видит свое звание (1Кор. 1:26) во Христе, и старается хранить залог сего обручения, как таинство веры, в чистой совести (1Тим. 3:9). Имея известнейшее слово Священного Писания, она внимает ему, яко светилу (2Пет. 1:19), в темноте земной жизни, пока еще не просиял для нее свет славы из брачного, небесного чертога Христова. Вникая в дух современных событий, управляемых Промыслом, который прикровенными, но не совсем закрытыми, путями ведет человека ко благу и вразумлению, она усматривает в них побуждение и поприще к исканию Небесного Жениха: встану, говорит, и обыду, и поищу, егоже возлюби душа моя (Песн. 3:2). Нужно ли указывать сии черты в жизни Богоматери? Она молчала, когда песнословили ангелы, проповедывали апостолы, и весь мир оглашаем был слухом неслыханных событий. Она безмолвствовала, потому что соблюдала все глаголи в своем сердце. Глаголы чудных обстоятельств Ее окружавших, божественные вещания Сына Ее по плоти и

Жениха по духу, предвестия лучших надежд слагались в неистленном сосуде Ее скромного и молчаливого духа (1Пет. 3:4). Вот первый след Приснодевы, открывающий христианской душе вход в небесный храм Царев.

Далее невесте Христовой объявляется новое требование, более тяжелое: забудь люди и дом отца твоего. Забудь людей... Но мир так извратил сие правило, что не нужно ли выразить его наоборот? Не соединяется ли иногда в человеке забвение людей с гордым памятованием только своих достоинств? И дом отца твоего... Как забыть дом отеческий, к которому привязывают и узы любви, и часто нужды жизни? – В сем также предшествует нам Приснодевственная Богоневеста. Рано оставляет она кров родительский, чтобы для Бога воспитаться в храме Его. Ходатаица за людей пред Божественным Сыном, Она не знает людей, живет в уединении и неизвестности. Для чего же нужно большее или меньшее, постоянное или только по временам удаление от общества? Чтобы беспрепятственнее соблюсти чистоту и целостность сердца, чего от верной своей невесты желает Небесный Жених. Он говорит: даждь ми твое сердце (Притч. 23:26), или, как Аврааму: изыди от дому отца твоего (Быт. 11:1). Такое требование вовсе не противно наклонностям человеческого сердца, которое любит привить там, где сокрыто сокровище его. Посему духовная невеста Христова, принадлежа видимо, по телесному своему составу, отечеству земному, незримо, но неудержимо стремится к отечеству небесному. Ее внимание стоит на страже помышлений, чтобы ядовитый дух мира не растлил их своим дыханием, своим языком, своими соблазнами. Сердце, которое уневестило себя Христу, так целостно объято святою любовью, что, свободное от пристрастий суетных, оно носит в себе только образ Небесного Жениха, исповедуясь Ему: Ты – сладость, весь еси желание (Песн. 5:16).

Наконец, и сие наставление пророческое относится к христианской душе: и поклонись Ему. Мир почитает неприличным требовать от невесты поклонения жениху, поставляя ее предметом поклонения. Иисус Христос, от душ, уневестившихся Ему, достойно требует не только поклонения,

но и соединенного с пожертвованием, самоуничижением, терпением. Якоже крин в тернии, тако искренняя Моя посреде дщереЙ, вещает таинственный глас Его (Песн. 2:2). Трудно крину сельному, когда ветер клонит книзу главу его, а терние мешает ему поднять ее: трудно чистой душе, когда ветер внешних бедствий обуревают ее, и сцепление неприятностей жизни влечет ее к унынию, препятствуя возноситься ей горе, к небесному. Но в сей борьбе торжество души девственной: ибо любовь не жалеет жертвы, а жертва служит верным знаменем любви. Посему все, уневествившиеся Христу, не наружно только поклонялись Ему, но чтили Его смиренною преданностию, постоянным терпением. Жизнь Пречистой Богоневесты, от Ее смущения в минуты Благовещения, до Ее сиротства не только после смерти Сына, но и по воскресении Его, была единое острое оружие, которое проходило и с каждым днем снова поражало душу Ее. И что же, глас ли болезненного ощущения слышится из уст Ее? Нет, слово смиренного Богопоклонения: Се раба Господня... Пример Ее терпения привел целые сонмы верных душ ко Христу. Не одна мученица Иустина, как свидетельствует святой Григорий Богослов⁹², желая среди скорбей мученичества сохранить чистым свое девство, просила покровительства Пречистой Приснодевы: все добре страдальчествовавшие и подвизавшиеся души, вслед за нею принесли Царю – Христу, как чистую жертву, свою девственную веру и целомудренную жизнь.

Что еще остается сказать желающим непостыдно кончить подвиг духовного уневещения? – Ждет юная дева себе жениха, но не знает, когда будет брак ее: обручена христианская душа Небесному Жениху, но не знает, когда отверзется пред нею дверь смертная, и далее дверь брачная. Для чего же опущен на духовные очи наши этот мрак неведения? Да подражаем девам мудрым, которые не допустили, чтобы светильник их бдительности и чистоты угас до сретения Жениха. Бдите убо, яко не весте дне, ни часа, в оньже Сын человеческий, Небесный Жених приидет (Мф. 25:13). Аминь.

5. Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы. (Второе)

И сестра ей бе, нарицаемая Мария, яже и седши при ногу Иисусову, слышаше слово Его. (Лк. 10:39)

О Марфе и Марии, принявших Спасителя в дом свой, сказаны эти слова. Почему же слышатся они почти во все праздники, совершаемые в честь Марии Приснодевы?

Потому, что в этом чтении евангельском ублажается чрево, носившее Господа. Но кроме сего, к нынешнему празднику относится и то, что сказано о внимательной сестре Марфиной, Марии, которая, оставив суетные заботы житейские, не убоясь негодования сестры, села при ногах Спасителя и слушала слово Его.

Трех лет от рождения, Приснодева Мария приведена была в храм Иерусалимский, чтобы священно воспитаться при нем, в обители дев, посвятивших себя Богу. Там, важнейшим из Ее занятий было чтение священных книг; Она любила учиться, часто читала Священное Писание; с старшими возрастом беседовала о том, что читала, и по мере своего возраста предавалась размышлению о дивных путях Провидения Божия в судьбе народа еврейского. В этой покорности Божью слову воспитанная, потом и во всю свою жизнь собирала Она в Своем сердце все глаголы Божественного Сына Своего, внимала делам и страданиям Его, преклонившись при подножии креста Его.

Вспоминая торжественное введение во храм Пресвятой Девы Марии и Ее воспитание здесь в духе слова Божия, обратимся к себе самим с вопросом: занимаемся ли и мы словом Божиим? чувствуем ли какую-нибудь к тому охоту? – Увы, успехов видно так мало, что гораздо естественнее и нашему маловедению приличнее вопрос: отчего в нас такая неохота к этому чистому и святому занятию? отчего эта рассеянность, когда почти невольно и случайно мы бываем вводимы в это занятие?

Заниматься словом Божиим не значит только читать изредка Евангелие, Апостол, или вообще Библию; сюда относятся: размышление о судьбах церкви Божией на земле, о подвигах угодников Божиих, о предметах веры, о законах и правилах жизни христианской, духовные беседы, отводящие душу от пороков и утверждающие ее на пути добра. Все это по своей сущности и цели неукоризненно и весьма полезно; но тем более странно, что современный человек мало чувствует усердия к сего рода занятиям.

Это нерасположение к духовным занятиям происходит от нашей испорченности, в которой родимся, и вместе есть ее признак. Нет сомнения, что душа выше тела, подобно как тело важнее одежды; а между тем, повсюду видим, как часто берет перевес тело над душою, и все вещественное над духовным, невидимым. О духовном надобно размыслить, и в том чрез веру убедиться; а вещественное видим, ощущаем, и им увлекаемся. Голод духовный, недостаток просвещения, знания, человек переносит, иногда совсем неприметно для себя; но голод телесный скоро ощутителен, и тем он мучительнее, чем тщательнее голодный старается заглушить его. Ту же разность примечаем в труде умственном и телесном: успех в трудах и заботах внешних, если он есть, то скоро бывает очевиден, и радуется трудящегося; но труд умственный всегда требует бодрости душевных сил, их напряжения, и дитя не прежде, как вышедши из детских лет, начинает хорошо понимать, какая польза в том, что его заставляли учиться. Все мы дети в отношении к духовным занятиям, и нам нужна борьба с собою, чтобы полюбить предметы веры и беседы о них. Один святой старец вот что рассказывал о себе и своих учениках: «Когда я беседовал с ними о пользе душевной, на них нередко нападал такой глубокий сон, что они не могли открыть глаза. Однажды, чтоб испытать их, я заговорил о пустом предмете: братья так обрадовались, что и сон их тотчас прошел. Тогда, вздохнув, сказал я: доколе мы рассуждали о небесном, у всех вас очи отягощены были сном; а когда вышло из уст моих праздное слово, все вы охотно проснулись. Внимайте же себе, и

берегитесь дремоты, когда делаете, или слушаете что духовное»⁹³.

Это предостережение тем более нам полезно, что дух нынешнего века очень хитро и успешно восстает против благочестивых духовных занятий. Правда, ученику часто говорят, что ему нужно знать закон Божий. Но почему нужно? Потому, что безуспешность в этом предмете может повредить ему на его учебном поприще, уменьшить похвальные отзывы за его успехи в иных науках, и таким образом унижить его в сравнении с сверстниками на испытаниях. Между тем не это главное; а то, что Слово Божие, как небо от земли, выше всех наук, что дух святой веры есть зерно, а все прочие знания могут служить только его оболочкой, что как бы ни были блистательны успехи нашего ума, придет наконец общее для всех нас, на Страшном Суде, испытание, когда не спросят нас, какие мы сделали открытия в области наук, искусств, или промышленности, но когда ясно откроется, в какого Бога кто веровал, или ни в какого не веровал, кто как жил и какие дела делал.

Чтобы отогнать от себя подобные, тревожные мысли, люди нынешнего века утверждают, что все это устарело, что человечество далеко ушло вперед, и насмешливо отзываются о тех уроках, какие, быть может, из приличия они принуждены бывают слышать в храме.

Совершенно справедливо, что вера православная стара, и добродетель, ею проповедуемая, не новая. Но позволительно ли презирать старое, ища нового? Напротив, не нужно ли изучить старое, по крайней мере для того, чтобы тем вернее оценить новое? Не сами ли защитники новых понятий говорят, что человечество должно идти вперед путем изучения прежних событий, им пережитых? А между тем, в области веры хотят судить о том, чего еще сами не знают и чего ясно различить не могут. Истекает вторая тысяча лет, как учение Христово водворилось на земле; но узнавшие его не поверхностно и ныне, и при конце мира будут повторять с одним глубокомысленным мужем⁹⁴, что «после Христа и Его Евангелия, не нужно нам иных учителей», с иным

направлением. Какая польза в том, что человек меняет свои убеждения и постоянно стремится вперед? Всякой видит, как быстро переменяется цвет и вид одежд: одни выходят из употребления, выдумываются другие. Но вот вопрос: самая изящная и современная одежда может ли черную кожу сделать белой, и лицо безобразное – красивым? Так надобно думать и о душе. Меняет она свои воззрения; одни убеждения начинают быть современными, другие делаются отсталыми. Но должно быть в ней нечто такое, что составляет ее духовный облик, ее отличительное очертание. Это внутреннее благолепие не даст душе никакая современность: его дает вера, и только православная, его дополняет добродетель, и именно христианская.

Для сей цели и нужно нам поучаться в слове Божиим. Все оставит человека, когда он дойдет до своей могилы: неотъемлемо только это духовное приобретение, это святое сокровище. С запасом внушений истинной веры и евангельских правил безбоязненно смотрит христианин на бурное житейское море, подобно как крепкий корабль бодро держится на поверхности той пучины, по которой плывет. Скажут: готовность к духовному учению во многих есть; но недостает хороших учителей. – Думается, что ни один, кто поставлен быть церковным учителем, не будет хвалить себя, но укорит недостойнство свое. Однако ж, кому из нас не случилось примечать, как ленивый ученик нередко слагает вину своего незнания на то, будто учитель мало толковал ему урок? Когда речь клонится к осуждению ближнего: скоро ли кто догадается, что рассказчик неискусно осуждает? но немало найдется готовых приложить свое ухо к нему; а когда судят о проповедниках, требуют, чтобы и строгость Божия закона была несколько подслащена, и речь бы текла в самых современных выражениях. Что спрашивать, много ли, мало ли ныне искусных наставников духовных? И в древние времена немного было Златоустов; но древние христиане не так занимались словом Божиим, как мы. Священное Писание было у них первою учебною, повсюду в домах настольною книгою. Были такие, которые не садились за обед, не прочитав какого-либо

отделения из Библии, не ложились спать, не поговорив о каких-либо изречениях из нее, или добрых примерах из жизни святых мужей; детям, для упражнения в чтении, давали Библию, объясняя им то, что в ней проще. Иные читали ее не стоя, или сидя, а преклонив колена.

Припадем и мы к ногам Спасителя, чтобы, подобно внимательной Марии, слушать слово Его; преклоним колена душ и сердец наших пред Его учением, никогда нестареющим и всегда животворящим. Тогда и мы своею душою познаем силу изречения Христова, которым заключено евангельское чтение нынешнего дня: «блаженны слышащие слово Божие, и его соблюдающие». Аминь.

6. Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы. (Третье)

Приведутся Царю девы в след Ея; приведутся в веселии и радовании. (Пс. 44:15,16)

Пресвятая Дева Мария, трех лет от рождения, бывши введена во храм Иерусалимский, воспитывалась там до пятигонадесять года Своей жизни.

Что же Она там делала? Какой был образ Ее жизни?

Один древний учитель сказал: «Это известно только Богу, и Гавриилу архангелу, неотступному хранителю Ее».

Но сей ответ надобно понимать в том смысле, что Мария Приснодева, поелику уготовляема была в орудие Божественного воплощения, была ведома и хранима руководством, столько же таинственным, как и чудесным.

Между тем, тот же церковный учитель (блаженный Иероним) и другие отцы церкви сохранили нам древнее предание, по которому известно, что Пресвятая Дева, не чуждаясь рукоделья, большую часть времени проводила в молитве, чтении священных книг, в размышлении о прочитанном, в духовных беседах с старшими девами и вдовицами, жившими при храме.

«Какое не веселое занятие, – скажет иной юноша, который, сам еще не кончив воспитания, стремится образовывать других в духе современном. – Молиться, читать, думать, говорить только о духовном, – как это однообразно и утомительно! И нужно ли это человеку, живущему в обществе?»

Нет! Занятия духовные отнюдь не скучные занятия, и напрасно люди светские пренебрегают ими.

Прежде всего должно заметить, что не следует о делах и вещах судить решительно, не узнав их хорошо и верно. Между занятиями духовными важнейшее есть молитва. Но нельзя знать ее силу и сладость тому, кто давно отвык полагать на себе крестное знамение и, что собственно дурно, считает эту обязанность уделом детской слабости и неволи. Кто понимает, что душа и тело не одно и то же, что тело пойдет в землю,

откуда взято, а дух пойдет к Богу, иже даде его (Еккл. 12:7), что, моляся, душа беседует не с людьми, а с самим Творцом вселенной, что молитвой низводимы были в наш грешный мир небожители, и совершались чудеса, Божии к людям милости: тот, размышляющий таким образом христианин, скоро ощутит духовную сладость молитвенного состояния, входя в него из удушливой суеты житейской, подобно тому, как всякий, вышед из душной комнаты, где воздух спертый и тяжелый, под открытое и чистое небо, тотчас почувствует, что стало на душе легко.

То же надобно сказать и о чтении духовных книг. Людям, которые отуманены увеселениями светскими, или увлечениями страстными, это занятие совсем не знакомо. Они смотрят на Библию, как на учебную книгу для лиц, готовящихся к священному сану, а на Четьи-Минеи, как на принадлежность церковных книгохранилищ. Не говорим уже о том, что Библия есть книга нашей веры и спасения; довольно припомнить, какие важные, даже для земного счастья нашего, вопросы решаются в ней. Занимает очень современных нам человеколюбцев недоумение: откуда зло, и какие меры принять, чтобы оно не препятствовало благоденствию и развитию общества. Положительно сказать можно, что многие бедствия в обществе были бы пресечены, а многие совсем и не появлялись бы, если б мы любили читать и исполнять Священное Писание. Вот простое наставление Христово: чего желаешь себе от других, то делай и им (Лк. 6:31). Если б христиане это соблюдали, сколько таким образом было бы предотвращено взаимных между ними обид! – Чтобы видеть на опыте силу этого чистого учения, надобно бы подробно узнавать и жития святых, где описана жизнь христианская не мечтательная, а действительная. С какою жадностью читаются те повести и рассказы, в которых передается, как сердце человеческое поработается страсти, и в борьбе с препятствиями остается верным ей! В сочувствии восклицают: «ах, как это естественно! взято прямо из жизни». – Увы! утешает ребенка то, когда он сам упал и лежит на земле, что его товарищи точно также падают... Какое утешение читать, как человек заблуждается, не сознавая

даже своего заблуждения, как он гибнет, не раскаиваясь даже на краю гибели, как он рисуется своим пороком, гордясь тем, что других вовлекает в ту же яму? Не более ли занимательно видеть, как человек борется со злом и побеждает его, как оставляет свои заблуждения и является непреодолимым исповедником истины, как в трудах самообладания и в подвигах людей благочестивых обнаруживались уже не признаки естественной слабости, а знамения сверхъестественной Божией силы? Вот мученик, который, несмотря на убеждения мучителей, на страшные орудия и картины казней, отвергая с другой стороны все приманки утонченной языческой роскоши, бестрепетно повторяет: «я – христианин!». Вот младенец, который, еще не зная всей гнусности язычества, видит ласки и угрозы, отвлекающие от христианства, однако ж просится на мучения, и младенческим лепетом мужественно произносит: «и я – христианин!» – Только огрубевшее сердце не придет в восторг, смотря на такое торжество веры христианской.

Если многие в обществе не любят занятий духовных, это зависит от испорченности вкуса. Не бывает ли, что в болезни человеку и приятные яства становятся противны? А разве можно назвать человека здоровым, когда он живет в вихре светских развлечений, или, что еще хуже, в порабощении страстям? Увлечения страстные, увеселения шумные заглушают слух души, и не позволяют ей ощутить, различить и оценить тех тихих утешений, какие нам ниспосылаются из мира духовного, из области веры. Дитя, поиграв, разбивает свою игрушку; когда был я младенец, младенчески думал; ныне же отвергох младенческая – говорит о себе апостол (1Кор. 13:11). Есть напротив люди, которые шутя хотят век прожить: но разве жизнь есть шутка? Те только в ней удовольствия истинны и прочны, которые не оставляют нам повода за них раскаиваться и стыдиться. А таковы именно утешения духовные: они не приводят душу в самозабвение, или самообольщение; но водворяют в ней тишину, довольство и надежду.

Как сладостна была для Девы Марии жизнь при храме: так вовсе не безотрадны труды и подвиги тех чистых душ, которые идут путем верного Ей подражания. Они ведутся Духом

Утешителем в веселии и радовании, и приведутся некогда в храм Царев, – в тот небесный чертог, где уже нельзя придумывать забавы, как бы убить время, ибо и самого времени не будет, но где уготована та присносущная сладость, которой достанет на целую вечность. Аминь.

7. Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы. (Четвертое)

Приведутся в веселии и радовании; введутся в храм Царев. (Пс. 44:16)

Сие было предсказано о тех юных девах, которые Пречистую Богородицу, еще трехлетнюю, в храм Иерусалимский сопровождали, и особенно о тех, которые при нем воспитывались.

Подобное воспитание, которое по-нынешнему можно назвать монастырским, не для всех; но в воспитании всех весьма важно значение Божия храма. Об этом не должно забывать, когда так много рассуждают о воспитании молодого поколения.

Чем в жизни Пресвятые Богородицы ознаменовалось Ее введение во храм?

При первом вступлении Ее в храм уже обнаружилось, что Она не в обыкновенном состоянии. Ведомая до врат его родителями, трехлетняя, вдруг Она почувствовала силу взрослых, и Сама собой взошла вверх, по пятнадцати ступеням. Правда, что не стены церковные Ей помогали, а благодать, в Ней вселившаяся. Но примечательно, что присутствие сей таинственной силы открылось в Ее действиях не прежде, и не в простом доме, а тогда именно, когда юная Дева вступала под кров освященного храма.

Любимым Ее занятием скоро сделалась молитва. Величественный храм Иерусалимский, его обширные размеры и притворы, богатые украшения, таинственные входы и завесы, и, это бесчисленное множество стекавшегося к нему народа, все возбуждало и поддерживало в Ней молитвенный дух, При таком настроении стали являться Ей ангелы, и архангел Гавриил приносил Ей снеди небесные, которыми питалась Она, отдавая нищим Свою обыкновенную пищу. «Всю Ее, – сказано о Божией Матери в песнопении нынешнего праздника, – внутри храма пребывающую, и пищую небесною питаемую, освятил Дух Святой»⁹⁵. Так посредством благоговейного пребывания во

святилище, сама Она «соделалась священным селением славы Божией»⁹⁶.

Конечно, воспитание Пречистой Девы, как и Ее назначение, было необыкновенно. Но если б в сердцах наших такие отпечатлевались следы нашего Ей подражания, какие остаются от ног человеческих на сырой земле, и того было бы уже немало. В каком месте человек живет, к тому привыкает; с какими людьми знает, тех и обычаи себе усваивает; каким воздухом окружен и дышит, таким весь проникается.

Кто редко в церковь ходит, или забыл, когда был в ней, тот подумает: что там особенного? не так ли ныне, как вчера?

На это замечание, которое, впрочем, обязано своим существованием невежеству и кощунству, довольно было бы отвечать вопросом: что́ в устройстве наших храмов оскорбительно для зрения, что́ в наших песнопениях соблазнительно для слуха, что́ в богослужебных действиях было бы достойно смеха? Если б даже ничего особенного здесь человек не приобрел, то ничего и не потеряет. Не лучше ли ему ходить туда, где он испортиться не может, нежели прилепляться в селениях грешнических (Пс. 83:11), где рассыпаны опасности для чистых нравов и православных убеждений?

Но не в том только сила, что всякий в храме удален от пороков и падений: есть существенная польза, какую можно получить здесь. Что́ по всей вселенной Бога возвещает, то сосредоточено в храме. Свод его, небеси подобный, алтарь, открывающий нам восход духовного солнца – Христа, священные украшения – отблеск райской красоты, сонм священнослужителей, совершающих служение ангельское, изображение святых, которые смотрят на нас с горняго мира – все это способно и грубую душу привести в состояние чистого восторга. Если бы даже внешность храма не была так воодушевительна: всегда питательно для души то, что в нем слышится и что совершается. Напрасно думают, что песнопения церковные единообразны. В них предлагаются и изъяснение догматов, и прекрасные правила для жизни, и добрые примеры, и картины великих церковных событий. Наконец, кто не знает,

что литургия есть изображение целой земной жизни нашего Спасителя?

Скажут: все это для верующих и понимающих; но что могут понять тут дети?

Конечно, ничего не поймет то дитя, которого мать не умела, или еще не могла приучить к скромному стоянию в церкви. Сама Дева Пречистая не прежде трех лет введена была во святилище. Вот пример, с какого возраста нужно чаще детей водить в церковь. Нет нужды, что и трех лет они еще мало понимают, только бы скромно стояли. «Если б кто находился в мироварнице, или других подобных местах: то и не хотя облагоухался бы приятною воню. Кольми паче человек, в церковь ходящий»⁹⁷. Притом, ежели няньки помогают дитяти, чтоб оно лучше принимало телесную пищу: не должны ли позаботиться родители и восприемники, чтоб оно приучилось усваивать пищу духовную? Богослужебные действия сильно возбуждают детское любопытство. Ребенок спрашивает мать: зачем священник то в алтаре стоит, то из него выходит? во что одет? что в руках носит? что говорит? – Если б верующая мать обстоятельно старалась отвечать на сии и подобные вопросы, то скоро бы успела утвердить в сердце сына непоколебимую веру. Одного мальчика, приведенного на мучение, спрашивали: «откуда ты узнал, чему христиане учат?». Дитя отвечало: «это мне мать объяснила. Едва я оставил колыбель, уже она меня научила верить во Христа»⁹⁸.

Итак, от юности надлежит усерднее ходить в Божий храм, и пребывать в нем с верою и благоговением. Сии благочестивые души сподобятся того, что в веселии и радовании введутся, каждая, когда определено, – в небесный храм Царев. Аминь.

8. Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы. (Пятое)

И сестра ей бе, нарицаемая Мария, яже и седши при ногу Иисусову, слышаше слово Его. (Лк. 10:39)

Мария, сестра Лазаря, когда дом их посетил Христос, очень легкое имела занятие, – только молчать и слушать. Однако ж Спаситель сказал о ней, что она благу часть избрала, которой не следует у нее отнимать.

Что слушать беседу о духовных предметах есть занятие душеполезное, – это человеку верующему понятно. Но почему часть, или доля Марии, а за нею и всякой христианки, только слушать и поучаться, а не проповедывать, не поучать? – вот вопрос, тем более важный, что ныне дух времени, изъемя многие ограничения из круга деятельности женщин, кажется, готов возвести их на кафедру общественного, чтоб не сказать, церковного учительства.

Примечательно, что в этом отношении предупредили наше время некоторые раскольнические общины: у них уже давно имеются наставницы, которые распространяют между ними заблуждения и совершают даже мнимо священные обряды.

Учить в церковных собраниях не есть призвание женщины. Апостол Павел пишет: Жене учить не повелеваю (1Тим. 2:12). Жены ваша в церквах да молчат (1Кор. 14:34).

Почему же так? Какая причина побудила апостола дать такое, по-видимому, строгое воспрещение?

Сие распоряжение апостольское соответствует порядку сотворения мужа и жены. Не Адам создан был для Евы, а Ева дана в помощницу ему. Таким образом, если он учитель для последующих поколений, то она только его помощница.

Бывши второю в порядке происхождения, женщина скоро явилась первою в обстоятельствах грехопадения. Не Адам обольщен, объясняет свое запрещение апостол, – но жена, обольстившись, произвела преступление (1Тим. 2:14). Сей случай показал, что она слабее мужа, – сосуд немогший, как заметил другой апостол (1Пет. 3:9). Потому и не должна она

предвосхищать право учительства. Сие выражая, премудрый Сирах предостерегает мужа: не позволяй жене брать верх над твоею силою (Сир. 25:28).

В том же духе строгости святые отцы изъясняли ограничение, которое наложил апостол на весь женский пол. Преподобный Анастасий Синаит, следуя Златоусту, рассуждает: «Почему апостол жене учить не повелевает? – Потому что она раз худо научила Адама, и все ниспровергла. Ее самообольщение заставило его низпасть из рая и внесло в мир много бедствий. Вот почему свел ее апостол с учительской кафедры. Ибо кто не умеет учить, тот должен учиться».

Хотя были и в христианской древности притязания со стороны некоторых женщин быть учительницами в церковных собраниях: но такое домогательство успеха не имело и в обычай не вошло. Срамно, то есть неприлично жене в церкви глаголати (1Кор. 14:35). Что это почиталось неприличным, – подтверждает и общий голос апостолов, которые в книге своих «Постановлений»⁹⁹ говорят: «Мы не позволяем женщинам учить, но только молиться и слушать учителей. Сам Господь Иисус, послав нас двенадцать учить народы, никогда не посылал женщин на проповедь, хотя и не было в них недостатка: ибо были с нами Матерь Господа и сестры Его, Мария Магдалина, Иаковлева, Марфа и Мария, сестры Лазаревы, Саломия и другие. Если б необходимо было, чтоб учили женщины, то сам Господь, первый повелел бы, чтобы они, как и мы, оглашали народ».

Из сего древнего свидетельства видно, что ограничение простиралось и на Пречистую Деву Марию, удаление которой от всякой общественной деятельности весьма внушительно для православных христианок. При храме Божиим Она получила такое воспитание, которое прямо направлено было к богоугодной и полезной жизни в кругу домашнем. Рукоделье и молитва, чтение священных книг и добрая беседа, – вот в чем проходили дни Ее, после введения во храм. Сию скромную долю удержала Она навсегда. Когда проповедывал Божественный Сын Ее, Она стояла где-нибудь за дверьми, на дворе (Мк. 3:32), или еще дальше, и не приносила никакого

деятельного участия к великому Его служению. Она удерживалась от сего и Своим смирением, и предупреждением от Господа. Есть предание, что когда апостолы, по сошествии Святого Духа, положили метнуть жребий, кому в какую страну идти, и из уважения к Пресвятой Богоматери, бросили жребий и о Ней: то Ей, для проповеднического подвига, досталась земля Иверская, нынешняя Грузия. Но ангел, явившись, возвестил Ей, что жребий этот для Нее не обязателен, и что Она должна оставаться в Иерусалиме.

Для истинных христианок несколько не унижительно то ограничение, какое наложил на них закон церковный. Божия Мать уклонялась от всякой известности и от всякой должности: но сие не воспрепятствовало, что Ее ублажают все племена. Если христианкам мало доступна и неудобна общественная деятельность: есть в том для них выгода, – ибо к чему не обязываются, за то и не отвечают, – и своя цель, чтобы стройнее текла жизнь домашняя, общественная и церковная. Близки сердцу мужчины дом свой и дети; но чтобы мог он на гражданскую службу и общую пользу уделять больше своих сил и времени, дана ему помощница, которая заменяет его в доме. Указывая отличительную деятельность того и другой, Златоуст говорит: «Женщине назначено домашнее хозяйство; мужчине – занятие общественными и гражданскими делами»¹⁰⁰. Сам Христос не отменил сего порядка, и если подверглась упреку Марфа, то не за свои заботы по хозяйству, а за их излишество. Христианка, не возвышая голоса во всенародных собраниях, может иметь благотворное влияние в доме на своего мужа, примером своей кротости и силой доброго совета. Что бо веси, жено, аще мужа спасеши (1Кор. 7:16)? И действительно, «многие жены потрудились в исправлении мужей, и навели их на истинный путь» (Злат.). Наконец, прямое назначение женщины есть воспитание и обучение детей, о чем много ныне говорят. Это призвание ее апостол так ценил высоко для нее самой, что сказал: спасется жена чадородия ради (1Тим. 2:15), – ради рожденных ею детей, если сама займется их обучением, и особенно в истинах веры и в правилах добрых;

если сама пребудет, и их научит пребывать в вере и любви, и во святых с целомудрием.

Такое распределение обязанностей между мужским и женским полом, законом Божиим утвержденное, всем нам внушает, чтобы каждый уважал свое призвание и исполнением долга верен был ему. Кийждо в звании, в немже призван бысть, в том да пребывает (1Кор. 7:20). Аминь.

9. Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы. (Шестое)

Благо есть мужу, егда возмет ярем в юности своей. (Плч. 3:27)

Праведные Иоаким и Анна, бездетные до преклонных лет, обещались посвятить Богу то дитя, которым разрешится их неплодство. Плодом их молитвы была святая Дева Мария. Когда Ей исполнилось три года, родители Ее, согласно данному обету, ввели Ее во храм Иерусалимский.

Имеют ли ныне право поступать таким образом родители? Могут ли свое дитя малолетнее, или только еще на свет ожидаемое, обречь Богу, на служение Ему в чине церковном, в звании священном?

По-видимому, само Священное Писание благоприятствует раннему предназначению человека на священное служение Богу. Благо есть мужу, говорит пророк, егда возмет ярем в юности своей. Не лучше ли, чтобы заранее гибкая выя юноши преклонилась пред тем ярмом, вся тяжесть которого должна лечь на нем, когда он достигнет лет возмужалости?

Но о каком ярме говорит Пророк? Это есть ярем смирения и безропотной покорности испытующему Промыслу Божию. Хорошо человеку, если он с младенчества приучился Богу повиноваться, и нести иго последования Христу, сказавшему: возмите иго Мое на себе (Мф. 11:29).

От сего ига общего надлежит отличать частное, – иго священного служения. Первое безусловно должно быть приемлемо каждым из нас, и оно при крещении уже возлагается на нас. Последнее требует зрелости мысли, чтобы познать широту священнослужительских обязанностей и взвесить великую ответственность за них; требует решимости воли, чтобы принять их на себя; терпения, – чтобы их понести; постоянства и мужества, – чтоб не свергнуть их с себя. Честь священного сана никтоже сам о себе приемлет, но токмо званный от Бога, якоже и Аарон (Евр. 5:4). Следовательно, предназначаемый к священству должен размыслить,

призывается ли он к нему. Для сего нужно ему вникнуть в тайные расположения своего сердца, любит ли оно Христа и Его церковь; ибо сам Он сказал Петру: Любиши ли Мя? – Паси овцы Моя (Ин. 21:16). Надобно испытать и чистоту побуждений: ибо ищущий корысти, наемник, – несть пастырь (Ин. 10:12). Кто приступает работати Господеви, и особенно в звании священном, должен уготовать душу свою во искушение (Сир. 2:1). Святой Златоуст измеряет способность к священству готовностью переносить оскорбления, наглые обиды, язвительные слова, насмешки, напрасные укоризны¹⁰¹. Кто же предскажет, что дитя, когда вырастет, будет ко всему этому готово? – Очевидно, прежде вступления в духовное звание, нужно внимательно испытать себя.

Если бы какие родители и обрекли свое дитя на священное служение Богу, то их обещание тогда только возымеет свою силу, когда это дитя, возрасши, само решит свою судьбу. Приснодева Мария еще до рождения посвящена была Богу. Но когда Она пришла в возраст, в котором девы, воспитывавшиеся при храме, возвращались в мир и вступали в супружество, то священники предлагали и Ей поступить таким же образом. Чистая Дева им отвечала, что Она не желает брака, и дала обещание навсегда остаться в девстве. Так волю своих родителей Она подтвердила свободным обетом. Сообразно с этим примером Приснодевы, святой Василий Великий дал такое правило относительно юных отроковиц, приводимых в женские обители: «Многих родители, прежде совершенного возраста, приводят... Таковых не должно легко приимати, доколе не узнаем собственного их расположения. Но имеющую шестнадцать, или семнадцать лет, долго испытуюмую и пребывшую в намерении твердою, подобает наконец приимати в чин дев»¹⁰². Если такая осмотрительность нужна была в девических обителях, то тем менее уместна поспешность в предназначении кого-либо к священному сану: потому что священство выше монашества.

Примеры, редкие впрочем, посвящения младенцев на будущее служение Богу не могут быть, обращены в обычай и потому, что сопровождались чудесами, которые ясно

показывали, что избранных ведет сила Божия необычайным путем к особенным целям. Кругом храма иерусалимского было пятнадцать ступеней. Когда родители привели трехлетнюю Марию, и поставили Ее на первой из этих ступеней, Дева Господня, одна, ни чьей рукой не поддерживаемая, взошла по всем ступеням так, как бы в совершенном возрасте. Так Господь, в младенчестве Пречистой Девы, явил Ее беспримерное назначение и Ее будущее величие.

Не только в страх, а даже в уныние может придти возрастной сын, как скоро он узнает, что без его ведома и согласия, или прежде его рождения, он обречен родителями на труды священного звания. Это повергало в ужас не только слабых, а и сильных волей и чистых сердцем. Мать святого Григория Богослова, еще до его рождения, обрекла его на священное служение Богу. Сын потом от нее самой это узнал; но когда был предложен ему сан пастырский, он стал уклоняться, боясь ответственности. Испытав внутреннее томление, принял он рукоположение, и потом он сам о себе рассказывал: «Долго боролся я мыслями, находясь между двумя страхами, из которых один удерживал меня внизу, а другой побуждал идти вверх. Среди недоумений, подобно струе, гонимой ветрами, уступил я сильнейшему: меня увлек страх оказаться непокорным. Я удалялся, чтобы себя рассмотреть, а теперь готов восхвалять Господа в церкви велицей»¹⁰³.

Итак, по смыслу настоящего праздника, не обрекать детей должно к какому-либо особенному поприщу, а чаще водить их в храм, приучить их к молитве и духовным занятиям, чтобы сами они навывали восходить выше по ступеням полезной деятельности, и нести на себе ярмо покорности заповедям Божиим. И когда придут в возраст, они сами изберут, чем быть желают. Ибо не лишится руководительных указаний Промысла тот, кто в благочестии воспитан, и кто с сердечною мольбою обращается к Верховному Решителю наших судеб: скажи мне, Господи, путь, в оньже пойду (Пс. 142:8). Аминь.

10. Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы. (Седьмое)

Сей речет: Божий есмь. (Ис. 44:5)

Пресвятая Дева Мария еще до рождения посвящена была Богу, и трех лет от рождения введена в храм, при котором воспиталась, и в котором произнесла обет девства.

Пример Иоакима и Анны, посвятивших Богу еще не рожденное дитя, обязывает ли ныне родителей к подобным жертвам, и даже возможен ли для подражания?

В том смысле, чтобы обречь дитя на жизнь безбрачную, монастырскую, пример этот не обязателен. Напротив, есть закон, чтобы родители не вводили насильственно детей в иночество, и чтоб обеты девственниц принимались в зрелом их возрасте.

Но в том же примере есть сторона доступная к подражанию, даже обязательная для христианских родителей. Они должны смотреть на новорожденное дитя, как на залог, данный им свыше для воспитания, залог, который они не испорченным обязаны возвратить Богу, в духе совершенной преданности всеуправляющему промыслу Его.

Господь для высших Своих целей отделил народ еврейский, и Сам воспитывал его. Чрез пророка Исаию Он так изобразил сущность сего воспитания: Слыши, рабе Иакове! Наложу Дух Мой на семя твое, и благословения Моя на чада твоя. Сей из потомков твоих речет: Божий есмь, и другой напишет рукою своею: Божий есмь (Ис. 44:1–5). Как только рождался израильский младенец, Господь налагал на него дух Свой, – дух веры ветхозаветной, ее постановлений и правил. Законы обрядовые, нравственные и гражданские так воспитывали сына Иаковля, что он не походил ни на какого чужестранца, что он во всем чувствовал свою зависимость от храма и священства, в судьбах своих усматривал водительство промысла Божия, в своем поведении проникался страхом всевидящего ока и суда Божия, и в своих надеждах успокаивался на времени

пришествия Христова. Истинный израильтянин приобретал действительное право сказать и писать о себе: «Божий есмь».

Христиане суть также народ Божий, но не привязанный ни к Палестине, ни к иной какой стране, а соединенный узами веры и благодати, живущий всегда и не могущий истребиться до скончания века, потому что семя свято стояние его (Ис. 6:13). Апостол Петр прямо называет христиан родом избранным, языком святым, людьми обновления, то есть взятыми в удел Божий (1Пет. 2:9). Как только родится христианский младенец, Господь налагает на него дух Свой, чрез таинства крещения и миропомазания, в исполнение того, что сам Он предрек: излию от Духа Моего на всякую плоть (Иоил. 2:28). Таким образом на крещенного младенца налагается печать его принадлежности Богу.

Чтобы печать эта в своем виде сохранилась, нужно попечение, воспитание. «Душа по природе – христианка»¹⁰⁴. Смысл сего изречения тот, что основные истины христианской веры присущи нашему духу, что правила христианские бесприкословно признает своими наша совесть, что надежды христианские, и только они одни могут наполнить наше сердце. В сих истинах и правилах надлежит воспитывать христианское дитя. Первое из его понятий то, что кроме земного отца есть у него Отец небесный; одно из первых слов, которые учится выговаривать язык его, есть имя Христово; одно из остережений для его поступков то, что Христос невидимо смотрит на него; ему доступна и сладка надежда, что после земного дома будет дом на небе, где душе доброй и послушной всегда будет хорошо. В таком уповании воспитанный христианин с полным правом может сказать и неизгладимо на хартии сердца своего написать: «Божий есмь».

Воспитывая детей в наказании и учении Господни (Еф. 6:4), верующие родители привыкают смотреть на них, как на свое приношение Богу, и воле Провидения предают последующую их судьбу. Угрожает ли детям бедность? – Лишь бы с нею были честны. Ожидает ли богатство? – Были бы милостивы и добры. Растут ли умными и прилежными? – Молятся о них, чтобы при уме и учености были нравственны и к вере привержены.

Остаются ли в живых? – Благодарят родители жизни Подателя. Постигает ли детей смерть? – Вспоминают Иова, в подобном случае сказавшего: Господь даде, Господь отъял (Иов. 1:21). Рано лишаясь детей, иные родители успокаивали себя и тем, что избавлялись от ответственности за них. Святая Мелания лишилась вдруг двух сыновей. Окружавшие думали, что она начнет рвать на себе волосы, раздирать одежду, заливаясь слезами; а она напротив, совершенно спокойно пала на колена пред изображением Христа и воскликнула: «Господи! Теперь я еще охотнее буду служить Тебе, когда Ты снял с меня мое тяжкое бремя»¹⁰⁵. – Обратимся еще к примеру праведных Иоакима и Анны. До старости они не имели детей, и много о том сокрушались. Наконец услышана молитва их. Что же? вполне ли они утешены? По человеческому расчету, не совсем завидною казалась участь их. Обрекши Богу будущее дитя свое, они приводят во храм свою трехлетнюю Марию, чтобы оставить при нем. И снова они стали одиноки, снова как бы бездетны. Им дано было вкусить сладость родительского чувства; но их утехи уже не было с ними. И однако ж они не плакали, а благодарили Бога, что освободились от поношения безчадства; торжествовали, что возвратили свою дочь Тому, Кто даровал Ее, успокоились мыслию, что она при храме сохранится чистою и святою, и стали сами готовиться к исходу в вечность, который не позволил себя долго ждать.

Итак, имеющие детей да охраняют их как дар свыше, за который надобно отвечать пред Даровавшим; лишившиеся их да памятуя Авраама, который возлюбленного сына не пощадил ради Бога, и за то был возлюблен Богом; а совсем их не имевшие сами да ревнуют тем девам, которые приведутся Царю в след Приснодевы, введутся в небесный храм Царев (Пс. 44:16). Аминь.

11. Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы. (Восьмое) Разлука с детьми

Плакася же Анна мати его и рече к Товиту: почто отпустил еси чадо наше? (Тов. 5:18)

Родители Пречистой Девы Марии ввели Ее во храм на воспитание при нем, когда было Ей три года, и больше Она не возвращалась в их дом.

Как же перенесли они свое разлучение с Нею? – Не плакали, не сокрушались, не раскаивались, что исполнили над Нею обет свой; а радовались, что принесли дитя свое в жертву Тому, от Кого получили его на старости лет своих. Они успокаивали себя уверенностью, что нигде лучшего не могла их дочь получить воспитания, как под сению храма Божия и в духе закона Божия.

Пример святых Богоотцев наводит на размышление о том, что родители не должны удерживать при себе детей по одной только привязанности к ним, и безропотно должны переносить разлуку с ними, если ее требуют уважительные причины.

Хотя, быть может и не без основания, думают, что ныне отношения между родителями и детьми не так нежны и крепки, как прежде, и многие дети рано начинают сами распоряжаться своей судьбой; однако же и теперь привязанность родительская, и особенно материнская, часто проявляется в чертах трогательных, а иногда и жалких. Не говорим, когда сын или дочь захочет в монастырь поступить: тут слезы, мольбы, упреки, угрозы. Такие случаи редки, чтобы юноши или девицы упорно стремились туда, и сопротивление родителей по большей части основательно. Чаше угрожает им разлука с детьми по делам житейским и гражданским. Надобно отдавать их в училище, а родители медлят и пропускают время образования, не решаясь с ними расстаться. Представится невесте жених из дальнего города: мать рыдает, не хочет отпустить ее. Назначается сын на гражданскую должность: родители унывают, зачем открылось место не в том городе, где живут они. А сколько слез проливает простой народ, отбывая воинскую повинность!

Все подобные обстоятельства особенно последнее, требуют от родителей некоторого заблаговременного приготовления к разлуке с детьми. Спрашивается: для чего нужно их воспитывать? – Родители добрые ответят: «мы желаем, чтобы сын наш был человек верующий, полезный обществу, и нам в утешение». Ответ верный, и нет сомнения, что молодой гражданин, полезный обществу, служит утешением и родителям. Но разве можно сказать наоборот, то есть, чтобы человек в обществе вредный, или только бесполезный и лишний, был предметом чистой радости для его родителей? Иные скажут: «Велико ли утешение, если сын и хорош, но за глазами и вдали от нас?» – Правда, что не полно, но нельзя сказать, чтоб и не велико. Апостол Иоанн писал о себе и своих учениках: Больши сея не имам радости, да слышу моя чада во истине ходяща (Посл. 3, ст. 4) (3Ин. 1:4). Так и о плотских чадах надобно рассуждать. Не в том вся радость отца и матери, чтобы смотреть на них телесными очами; но в том счастье родительского сердца, чтобы слышать, какую великую пользу отечеству дети приносят на поприще церковном или гражданском. Распространится ли просвещение, если родители, одни, утешаясь детьми, как игрушкой, другие, смотря на них, как на помощников в домашнем хозяйстве, не будут отдавать их в училища? Не лишатся ли общинные и судебные учреждения многих полезных деятелей, ежели родители, даже и возрастных сынов, привыкши жить с ними неразлучно, станут удерживать при себе? Процветет ли наше военное дело, будет ли для иноземцев грозною оборона нашего отечества, если бы у отца и матери закон спрашивал согласия на поступление их детей в военную службу? Святой Златоуст прямо говорит, «что невозможно спастись, если не будем пещись о пользе общей. Всякий и художник, и воин, и земледелец, и купец посвящают себя занятиям для пользы и выгоды общественной. Кто живет только для себя самого, а о всех прочих нерадит, тот лишний, тот не человек, а изверг рода человеческого»¹⁰⁶.

Повиновение родителям есть великая добродетель и необходимая обязанность детей. Но их покорностью родители должны благоразумно пользоваться, и ограничивать свое право

на нее, как скоро требуют сего другие важные обязанности христианские. Апостол Павел, внушая детям слушать родителей о Господе, то есть, так, чтобы исполнением их воли не оскорбить Бога, напоминает и отцам: не раздражайте чад своих (Еф. 6:1, 4) не только жестокостью, но и неразумною привязанностью. Высший пример повиновения родителям показал Сам Иисус Христос; ибо до совершенного возраста жил неразлучно с своим мнимым отцом и Пречистою Материю, и безповинуясь има (Лк. 2:51). Однако же и Он, когда бывши с ними в Иерусалиме остался там, и когда они, найдя Его в храме и боясь, как бы Он совсем их не оставил¹⁰⁷, заметили Ему, что с великою скорбью искали Его, – ответил: «Зачем было вам искать Меня? Мне должно обращаться в том, что принадлежит Отцу Моему». Для чего же Христос уклонился от них и возвратился в храм? Без сомнения, не для того, чтобы приобрести какие-либо сведения от учителей, ибо сами они после дивились Ему, како сей книги весть, не учився (Ин. 7:15). Нет, Он восхотел показать на Себе, что обязанность пребывания сына при родителях не есть безусловная, что им следует быть готовыми к разлуке с ним, как скоро отзовет его из дома важная потребность.

Свою неумеренную привязанность к детям родители нередко стараются прикрыть тем, что их в доме пребывание нужно для благосостояния семейства, или опасением, как бы на чужой стороне не случилось с ними какое несчастье. Это соображение и это опасение, если б и были не безосновательны, и тогда изобличали бы в родителях недостаток преданности промыслу Божию, который преимущественно печется о добродетельных. В сем отношении весьма поучительна судьба Товита и его семейства. Это был благочестивый израильтянин. Он сделался очень богат и был очень милостив к бедным; потом пришел в нищету, но не переставал быть милостивым. У него один был сын, Товия. В нуждах бедности своей вспомнил он, что некогда отдал на сохранение десять талантов серебра жившему в иноземном городе израильтянину Гаваилу. Призывает Товит сына и приказывает ему найти себе спутника и идти к Гаваилу за

деньгами. Скоро спутник нашелся, под видом молодого израильтянина, будто бы Гаваилу известного, и Товия отправился, напутствованный наставлениями отца и слезами матери. Но, никогда не разлучавшись с ним, она не выдержала и стала упрекать мужа: «Зачем ты отпустил нашего сына? Не опорой ли был он для руки нашей? Серебро – сор в сравнении с ним. Сколько даст нам Господь жить, на это есть у нас». – «Не печалься, – утешал Товит жену. – Увидят очи твои сына здоровым. Добрый ангел сопутствует ему, и будет путь его благоуспешен». И преста плакати. Между тем Товия на пути остановился у одного благочестивого израильтянина, дочь которого ему понравилась, и он женился на ней с большим награждением, а на брак еще прежде имел родительское благословение. Пока продолжались праздники брачные, спутник его сходил к Гаваилу и взял серебро, бывшее у него на сохранении. Таким образом Товия возвратился домой и с женою, и с богатством. Радость была неописанная. В благодарность спутнику, сопровождавшему сына, Товит предложил половину всего, что они принесли. Но отозвав обоих, он объявил им: «Благословляйте Бога. Хороша молитва с постом, милостынею и справедливостью. Я возносил молитвы ваши пред Всевышнего. Аз есмь Рафаил, один из семи ангелов, которые входят пред славу Святого. По воле Его я пришел; все дни был я перед вами; не ел и не пил, но вам так казалось» (Тов. гл. 12). С сими словами он стал невидим. Можно спросить теперь: почему же архангел Рафаил сопутствовал всюду Товии? Потому ли только, что этот юноша пошел отыскивать отцовское богатство? Причина в его воспитании и в добродетелях его родителей. Он был воспитан в страхе Божиим; а его родители были милостивы к бедным и тверды верою и упованием на Бога.

Вот о чем и ныне нужно заботиться родителям. Если в юных своих детях успели они положить семена веры, если внушали им чистые правила, если внушения подкрепляли своим примером; то могут надеяться, что и вышедши из-под их крова, их дети не испортятся. А когда действительно причины уважительные будут приближать час неизбежной и может быть

долгой разлуки с ними, родители не с выражениями тоски должны провожать их, но с добрыми наставлениями и благословением, и потом за них молиться, чтобы, подобно как архангел Рафаил сопровождал всюду Товии, ангел хранитель не оставлял их и руководил их на всех путях их жизни. Аминь.

12. Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы. (Девятое)

Бояйся Господа ни чего убоится и не устрашится. (Сир. 34:14)

Дева Мария, бывши введена во храм, при нем оставалась жить до пятнадцатилетнего возраста. Ее ежедневные там занятия были одинаковы. От молитвы переходила Она к рукоделью, от рукоделья к чтению, от чтения к молитве, и с нею засыпала.

Такое воспитание назовут односторонним, замкнутым, монашеским. Но вот чего при сем не должно забывать: если в нашей жизни огорчения, неудачи, несчастья неизбежны, то никакое иное воспитание не может так приготовить душу к мужественному их перенесению, как это.

Уныние от неприятностей жизни у нас явление обыкновенное. Нечего и говорить о тех припадках малодушия, которые остаются известны только в кругу семейном, о том, как раздражительно-самолюбивый человек от обстоятельств маловажных, от причин ничтожных теряет спокойствие духа, лишается сна и пищи, наводит скуку на всех, окружающих его. Укажем на самые страшные последствия огорчений, на случаи самоубийства, которое ныне в большем употреблении. Ученик худо ответил на испытании; слабодушный, он твердою рукою убивает себя. Иной дурным ведением дел расстраивает свое состояние; ужасаясь бедности, он лишает себя жизни. Еще иному отказывают от должности; считая себя обиженным, он насильственно умерщвляет себя. Если не болезнью и умоповреждением, то обыкновенно объясняют решимость на самоубийство враждебною судьбою, обстоятельствами, так неблагоприятно сложившимися, что из них будто бы не оставалось никакого выхода. Но чтоб судить об этой противоестественной решимости, не должно упускать из виду нравственных убеждений погибшего, его отношений к вере. О большей части самоубийц можно сказать, что в будущую жизнь они не верили и почитали смерть и небытие за одно и то же,

или старались уверить себя, что за гробом для них не будет хуже.

Человек верующий, богобоязненный никогда не дойдет до такого погибельного состояния. «Кто боится Господа, тот не трепещет и не страшится ничего»; не убоится он ни «страха ночного, ни стрелы, летящая во дни» (Пс. 90:5). «На Бога», говорит, «уповах; не убоюсь, что сотворит мне человек» (Пс. 55:12). Если и впадает такая богобоязненная душа в различные искушения; то претерпевает их, в убеждении, что не попускает Бог таких несчастий, которые были бы свыше наших сил (1Кор. 10:13). «Ублажая терпящая», апостол Иаков напоминает нам «терпение Иовле» (Иак. 5:11). Страшна потеря имущества; у Иова исчезло все его богатство. Мучительно сердцу родительскому, если умрет сын или дочь: Иов лишился всех детей. Тяжело переносить болезнь: Иов покрыт был такою язвою, которая возбуждала отвращение в окружающих. Смотря на его жалкое и безотрадное положение, жена его стала ему советовать: «еще ли ты держишься добродетели своей? простись с Богом и умри». Но он сказал ей: «ты говоришь так, как свойственно безумным. Итак, добро мы хотим принимать от Бога, а зло не хотим?» (Иов. 2:9,10). Жена Иова однако справедливо заметила, что надобно прежде отказаться от Бога, чтобы в полном сознании лишиться себя жизни. Только неверие порождает ту боязнь, при которой малые неприятности кажутся большими, а важные невыносимыми. Один искусный наблюдатель душевных состояний изъясняет: «боязнь есть дочь неверия и сестра отчаяния. Она ослепляет ум, ослабляет сердце, удаляет людей от страха Божия и низводит в страну погибели»¹⁰⁸.

Неверие и нечестие большею частию бывают следствием худого воспитания; напротив, доброе, нравственное духовное воспитание, на законе Божиим основанное, утверждает в человеке ту бестрепетную богобоязненность, при которой он ни от чего не придет в малодушие. Хотя святой Давид говорит, что нечестивые с самого рождения беззаконны (Пс. 57:4); но сим замечанием указывается именно на то, что они с ранней юности развратились, при дурном воспитании. Никто не рождается

неисправимо злым, и в испорченной нашей природе Господь оставил прирожденными начатки правды и добра. Развить первый росток благочестия есть дело духовного воспитания, которое вместе с уроками богопознания укрепляет в юном сердце чувство преданности промыслу Божию, постоянство в добродетели. Пишется об Иове, что он был «праведен, благочестив (Иов. 1:1). Когда же он сделался таким? – Изъясняя свою невинность, он свидетельствует о себе, что с юности своей от родителей научился добродетели (Иов. 31:18).

Еще более внушительный пример того мужества, какое дается воспитанием духовным, явила в себе Пречистая Дева Мария. Много было в Ее жизни скорбных и трудных обстоятельств. Довольно указать, что в последние годы пребывания на земле Божественного Ее Сына не только не пользовалась Она частыми с Ним свиданиями и утешительными Его беседами, но не могла не слышать, как Его уничают и какие козни Ему готовят. Не смутилась Она прежде, получивши предсказание, что Ее «душу пройдет оружие» (Лк. 2:35), и удивительное показала мужество, когда пришло время на Голгофе сему исполниться. В трудное это время оставили Спасителя и те ученики, которые обещались неотлучно быть при Нем; а Пречистая Его Матерь стояла нетрепетно у креста Его. Чем же изъяснить эту безбоязненность? – Прежде всего тою преданностью судьбам Божиим, какую приобрела Она в годы Своего при храме воспитания, когда при чтении божественных писаний, при повторявшихся посещениях архангела, при Ее воздержании и молитвенном настроении, укрепились Ее душевные силы.

Конечно бывали случаи, что люди, без доброго воспитания, уже погибавшие, обращались к вере и делались богобоязненными. Но что легче для садовника: довести ли до приношения плодов дерево, которое им привито и от начала было под его присмотром, или исправить то, которое росло в запущении и стало болеть? Не лучше ли, чтоб юноша «в законе Господни поучался день и ночь, и был яко древо, насажденное при исходящих вод, еже плод свой даст во время свое и лист его не упадет» (Пс. 1:2,3), или ожидать, когда горький опыт

жизни покажет грешнику достоинство веры и добродетели? Нет, чем раньше доброе приобретается, тем глубже оно в душе лежит, тем для нее полезнее. Святой Златоуст сравнивает молодого человека с пловцом, который идет в море, и ему потребен кормчий. Этот кормчий есть благочестие; оно дается воспитанием и хранит душу от потопления среди житейских волн. «Посему, – заключает великий святитель¹⁰⁹, – образовывать нужно детей так, чтобы они могли переносить все и знали как поступать среди несчастий; нужно воспитывать в наказании и учении Господни» (Еф. 6:4). Аминь.

13. Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы. (Десятое) Хлеб вещественный и духовный

Хлеб ангельский яде человек. (Пс. 77:25)

Предание говорит, что Пресвятая Дева Мария, по введении во храм, живя при нем, вкушала пищу, которую ежедневно приносил Ей ангел. В предании изображено и то, как святитель Захария удивлялся сему. «Кая есть приносимая пища, от которого хранилища взимаемая, и которая рука той хлеб сотвори?»¹¹⁰

Что пища эта была вещественная, в сем не может быть сомнения; ибо тело Приснодевы, по закону нашего естества, требовало соответственного себе питания. Притом первосвященник Захария своими очами видел, как ангел в человеческом образе входил к Ней: «безплотный приношаше Ей пищу, питающую плоть; естеством невещественный подаваше Деве кошницу вещественну»¹¹¹.

Народу Божию не неизвестна была ангельская пища. Псалмопевец, вспоминая чудеса, какие Господь проявлял в жизни израильтян, между прочим указывал на то, что некогда хлеб ангельский яде человек. Это было, когда евреи питались манною в пустыне: «И одождил на них Господь манну в пищу, и хлеб небесный дал им» (Пс. 77:24). Почему же манна названа ангельским хлебом? «По способу получения и по существу своему»¹¹². Она ниспосылаема была с неба и подаваема была ангелами¹¹³. По существу приспособленная ко всякому вкусу¹¹⁴, она всем нравилась, и не только питала тело, но и души, ибо направляла их к вере. Почему апостол и сказал о евреях, что они брашно духовное ядоша (1Кор. 10:3).

Подобный сему хлеб приносим был ангелом и Деве Марии. Это была пища «сладкая», как заметил один святой отец¹¹⁵, следственно походившая на манну. Но лучшая ее приправа была ангельская беседа; ибо по преданию известно, что приносивший ее ангел оставался с Пречистою Девою беседовать.

Каким же хлебом питаемся мы? Ответ на это простой: тем, какой кому Бог посылает. Но при сем мы не должны забывать главное, что не о хлебе едином жив будет человек (Мф. 4:4). Слова сии первоначально сказал Моисей, подразумевая манну, которая неизвестна была израильтянам, и объясняя им, что кроме хлеба есть предметы, к поддержанию жизни способствующие, как эта самая манна (Втор. 8:3), которая по слову Господню заменяла всякую пищу, какой бы кто ни захотел¹¹⁶. Потом и Сам Спаситель подтвердил, что «не хлебом одним живет человек, но всяким словом Божиим» (Лк. 4:4). Здесь должно разуметь не только слово Божие в собственном смысле, все священное писание, но и учение церковное, а также повествования о том, как люди святые сами исполняли и других учили исполнять заповеди Божии, чему веровать, что делать, чтобы Богу угодить. При таком духовном питании, забывается часто и голод телесный. Эта пища есть хлеб душепитательный, божественный, ангельский, небесный.

Если теперь спросить, питаемся ли мы сим духовным хлебом, то многие должны сознаться, что он им разве только по слуху известен. Обыкновенно употребляется пища другая, которая есть не вещественная, но и не духовная; вернее быть может названа плотскою. Ее составляет жадное чтение тех листов печатных и книг, в которых рассказываются новости жизни современной, погрешности и ошибки разных лиц, соблазнительные происшествия и страшные преступления. Пищу эту составляют и те праздные разговоры, которые клонятся к осмеянию и осуждению ближних, или, если этого нет, к веселому развлечению собеседников, чтобы только незаметно прошло время. При такой пище, легко показаться человеком современным, но нельзя быть христианином строгим.

Ужели же не должно ни о чем современном читать и слушать и рассуждать? Нет, этого сказать нельзя. В древности христиане читали, что язычники в их время и об них писали; и ныне по положению, какое кто занимает, нужно знать, что делается в обществе, и чего вопросы дня касаются. Но и в выборе пищи телесной одно постоянно употребляется, как необходимое для питания, другое допускается для

разнообразия. Так в занятиях умственных, самообразовательных, духовных, надобно предпочитать существенное, чистое, полезное, что обращается в жизнь души; прочее же, и притом с разборчивостью, может быть принимаемо только к сведению или в предостережение. Ибо душе, если она мечтает насыщаться пищею светскою, суетною, греховною, угрожает смерть от голода духовного. Делайте же себе не брашно гниющее, но брашно, пребывающее в живот вечный (Ин. 6:27). Аминь.

14. Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы. (Одиннадцатое) О чтении библии

Всяко писание богодухновенно и полезно есть. (2Тим. 3:16)

Пресвятая Дева Мария, трех лет введенная во храм и воспитываясь при нем, скоро научилась читать Библию. Это было любимым Ее занятием, и сохранилось предание, что Она предъизвещена была небесным голосом о воплощении от Нее Сына Божия, когда, после многократного чтения книги пророка Исаии, остановилась размышлением о сем предсказании: Се дева во чреве примет, и родит Сына... (Ис. 7:14).

Пример святой Девы, любившей читать Библию, дает повод спросить: читаем ли мы эту книгу?

И что же слышится в ответ? – «Когда нам читать? Мы люди светские, заняты своими делами житейскими, общественными и домашними заботами; притом воспитание наше совсем иное, не церковное, не духовное».

Против этого нужно заметить: Как же древние христиане находили время читать Священное Писание? Во многих семействах не садились за стол, не ложились спать, не прочитав сколько-нибудь из него. Мужчины и женщины важнейшие из Библии отделения и особенно слова Христовы знали наизусть. Было также обыкновение носить с собою малое Евангелие, чтобы читать везде, где можно, при малейшем досуге. Как только дети узнавали грамоту, им давали в руки Библию; когда их учили писать, в образцах чистописания, пред ними лежащих, они постоянно встречали священные изречения. Скажут: «тогда условия жизни были иные». Хотя бы и иные, только вовсе не благоприятствовавшие удобству чтения; ибо тогда печатания не было, и нужно было все рукою списывать. А ныне по цене, бедным доступной, легко можно приобрести ту книгу, которая по своему содержанию и внутреннему достоинству выше всякой цены. Прежде многих затруднял славянский язык, на котором печаталось у нас Священное Писание; а теперь все оно переведено на русский, общепонятный язык, и в этом переводе все напечатано.

Или ныне вообще любовь к чтению не так сильна, как в древние времена? – Напротив у многих она переходит в пристрастие, в привязанность. В наше время людей читающих, с разными печатными листами и книгами в руках, можно встретить везде, – на улицах, площадях, в садах, в торговых помещениях, в общественных собраниях, в путешествиях. Нет, читают ныне много, но что именно, грустно сказать. С большею жадностью прочитываются сказания, которые клонятся к порицанию ближних, в которых описываются соблазнительные происшествия, или заключается одно смехотворное пустословие. Конечно христианину, как гражданину, нужно знать, что делается в обществе; есть даже обязанность узнавать, чего требует правительство; но не должно в пренебрежении оставлять того, что в области книжной превышает всего. Слово «Библия» значит книги. Это наименование в исключительном смысле принадлежит Священному Писанию. Библия есть мать всех других книг, если они чисто духовного содержания. Все же прочие, хотя и не вредны, в сравнении с нею не заслуживают и названия книг; ибо она есть произведение Святого Духа. Апостол Павел, похвалив ученика своего Тимофея за то, что он еще в детстве знал Священное Писание, похвалу свою утверждает на том, что все это писание богодухновенно и полезно. Если богодухновенно, надобно пред ним благоговеть; если полезно, надобно им пользоваться. Оно дает в вере наставление, в недоумениях разрешение, в болезнях совести врачевание, в скорбях житейских утешение. Кто хочет научиться добру, тот должен читать и слушать Священное Писание, ибо оно для того и написано, да совершен будет Божий человек и на всякое дело благое уготован (2Тим. 3:17). Аминь.

15. Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы. (Двенадцатое) О первоначальном воспитании в семействе

Но потаенный сердца человек, в неистлении кроткого и молчаливаго духа. (1Пет. 3:4)

Дева Мария, по введении Ее во храм, воспитывалась при нем в уединении, и все ее воспитание состояло в обучении грамоте и разному рукоделию, в духовном чтении и молитве. И впоследствии Она не искала никакой в обществе известности.

Полезно ли ныне такое уединенное и ограниченное воспитание, – ныне, когда сами родители горячо желают, чтобы дети их скорее делались известны в обществе, когда юноши и девицы стремятся принимать участие в общественной деятельности?

Бесспорно, основанием к прочному самообразованию и к добру в общественной деятельности участию служит первоначальное воспитание. Если само оно основано на святых началах веры, на чистых требованиях семейного благоустройства, то здесь и образуется тот сокровенный сердца человек, которого украшение кротость и спокойствие, которого направление безбоязненная любовь к добру и преданность своему долгу. Великое зло, когда дети рано считают себя самостоятельными, преждевременно выходят из под влияния семейного, из ограничений состояния частного и домашнего, и с неутвердившимися или превратными убеждениями стараются действовать в обществе, недовольные тем, что есть, и преследуя, что несбыточно. Не в этом ли пренебрежении скромного семейного воспитания заключается одна из причин того, что ныне многие юноши и девицы привлекаются к суду за преступные против общественного спокойствия замыслы?

Далее, тунеядство есть язва общества. А рассадник тунеядцев есть пренебрежение первоначального воспитания. Кто брошен на произвол судьбы и не привык с ранних лет трудиться в доме, в хозяйстве, в ремесле, тот чрез это самое привыкает жить больше на улицах, праздно и на чужой счет. Ибо

если нет родового или другого какого обеспечения, то молодые люди, без правил, без трудолюбия, обыкновенно прибегают к попрошайству и к другим более тонким, но и более преступным ухищрениям, чтобы доставать себе хлеб и даже удовольствия. Совсем дает иное ранний навык к труду. – Она, пишет святитель Димитрий о Божией Матери, – «в прядении волны и льна, в швении шелковом упражняшеся; делаше наипаче тыя дела, яже потребны священником к служению церковному; навыкаше таковому рукоделию, имже послеждо при Сыне своем питатися честно можаше; ибо и хитон нешвен, но свыше исткан Господу Иисусу своими руками содела»¹¹⁷.

«Когда делаешь добро, не труби ты пред собою», – вот наставление Спасителя (Мф. 6:2), и как часто оно забывается! При помощи гласности, которая ныне есть труба тщеславия, спешат возвещать не только о том, что действительно сделано для пользы общественной, но и то, что предполагается сделать. Исполнено ли то, что обещано, продолжается ли то, что объявлено начавшимся, об этом уже умалчивается. Но не то важно, чтобы наперед трубить о задуманном добром предприятии, а то, чтобы предпринимемое действительно исполнялось. Пред Богом многоценен потаенный сердца человек, который в неослабной силе своего усердия приносит пользу обществу. Вся слава дщери царицы внутри (Пс. 44:14), – внутри ее дома, в постоянстве ее скромного и полезного труда, в неистлении ее кроткого и молчаливого духа. Божия Мать, хотя жила уединенно, имела сильное влияние на общество; благодарила бедным, давала добрые советы проходящим, утешала печальных, молилась за всех. Можно и живя дома, в уединении, приносить пользу обществу. Представьте вы цветущий луг: вы ощущаете сильное благоухание, но затрудняетесь сказать, от каких цветов больше пахнет: иногда те, которые издают более приятный запах, совсем скрываются от ваших глаз. Этим лугом было бы общество, если б в нем все трудились и благодарили, не ища известности. Аминь.

16. Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы. (Тринадцатое)

Приведутся Царю девы в след Ея. (Пс. 44:15)

Сии слова святого пророка Давида неоднократно слышатся в богослужении нынешнего праздника. Причина та, что они, по воззрению священников и песнописцев, имели предзнаменовательное отношение к событию, воспоминаемому ныне. Действительно, собраны были девицы для торжественного введения юной девы Марии в храм; они вошли туда, а некоторые и остались жить при нем.

То событие было давно. Но в след Пречистой Богоотроковицы могут и ныне идти юные девы, и вы, здесь воспитывающимся¹¹⁸, открыт прямой путь к тому. Имейте перед вашими душевными очами Ее, предшествующую, и идите в след за Нею, подражая Ей в том, что доступно для вас.

В чем же вы можете подражать Ей?

Оставленная при храме, Она стала прилежно учиться. Скоро Она навывла по-еврейски читать и писать. Ее любимое чтение составляли книги священные. Известно, что впоследствии, когда явился Ей ангел, посланный для благовещения, Она читала книгу пророка Исаии и углубилась в размышление, как сбудется его пророчество о рождении Христовом. – Учитесь прилежно и вы; усвойте себе те наставления и познания, какие преподаются вам здесь. В сем великая польза для вас, которую тем более вы будете ценить, чем долее на свете будете жить. В свободные часы читайте сами Евангелие; изучая его, вы приобретете спокойный взгляд на свою судьбу, и полюбите духовные книги, которые делают человека полезным и для церкви, и для общества, и для себя самого.

Пречистая Дева Мария занималась и рукодельем. Как что делать, Ей указывали старшие девицы; Она научилась разного рода рукодельному искусству, но предпочитала готовить одежды для священнослужителей. По преданию известно, что Она устроила нешвенный, но истканый хитон для

Божественного своего Сына; а во время Его земной жизни и пропитывала Себя трудами рук своих. – Не пренебрегайте и вы рукодельем. Нисколько не унижительно для девицы, если она занимается прядением, шитьем, приготовлением пищи; но то непростительно, если она не знает свойственного ее полу рукоделья и домашнего хозяйства. Вам, воспитанницам сего церковного училища, особенно прилично заготовлять те, устрояемые швейным художеством, вещи, которые идут к алтарю Господню, вообще на употребление священным лицам.

Пречистая Дева любила молиться; были определенные часы дня, когда Она совершала молитву; но с возрастом ее молитвенное занятие становилось продолжительнее. – Навыкайте молиться и вы, в лета своей юности. Это святое занятие тем более делается сладким, чем больше душа привыкает к нему. Установлены у вас общие молитвы в свои часы дня. Но если б какая из вас и в другое время произнесла молитвенное изречение, или положила на себе крестное знамение, это похвально, и в сверстницах не улыбку должно вызывать, а подражание. У древних христиан дети приучаемы были и при обыкновенных занятиях ограждать себя крестным знамением, петь псалмы, творить молитву.

В песнопениях нынешнего дня упоминается, что девицы, сопровождавшие Деву Пречистую, были «добродетелями благоуукрашены». Детские добродетели: скромность, стыдливость, приветливость, незлобие и некоторые другие; но венец всех – послушание. Деву Марию посещали, питали, с Нею беседовали ангелы; но Она беспрекословно слушала своих приставниц и учительниц. Подражая Ей, будьте детьми послушания (1Пет. 1:14); помните, что без послушания нельзя иметь полного успеха ни в учении, ни в жизни. Аминь.

17. Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы. (Четырнадцатое) О надзоре за детьми в храме

Оставьте детей приходить ко Мне. (Мф. 19:14)

Введение трехлетней Девы Мария во храм было торжественное. Кроме лиц возрастных, Ее провожали юные девицы, шествуя чинно, держа в руках зажженные свечи; как на пути, так и войдя в храм, они пели псалмы Давидовы, – что в богослужении нынешнего праздника воспоминается сими словами: «Девственным лица Господеви поют, псаломски воспевающе и чтуще Матерь Его»¹¹⁹. Пребывая в храме, Она с благоговением взирала на то, что там имелось и совершалось, внимательно слушала священное пение и чтение, и сама упражнялась в духовных занятиях, укрепляемая благодатию.

Вот образец для христианских детей, как они должны вести себя в храме. И чтобы их поведение соответствовало святости места и важности богослужения, не обязаны ли возрастные смотреть за ними?

Те ошибаются, которые думают, что дитяти, доколе оно мало понимает, незачем быть в церкви. Нет, как для его жизни нужна чистота воздуха и помещения, так для его души – благодать святого храма. Здесь младенец освящается и укрепляется духовно таинством причащения; здесь получает первые священные впечатления, которые на весь век его остаются утешительны; здесь он привыкает любить православную веру; здесь возбуждается его совесть, чтобы страшиться богопротивных дел; таким образом здесь он приближается ко Христу, соединяется с Ним. Но сам Христос заповедал, чтоб не препятствовали детям приближаться к Нему. Однажды, когда матери несли и вели к Нему детей, чтобы Он благословил их, апостолы стали возбранять им; благоговевя пред своим Учителем, они опасались, как бы возложение рук на каждого из младенцев не причинило Ему утомления после Его продолжительного собеседования с народом (Мк. 10:1,13). Но Он заметил им: «Не препятствуйте детям приходить ко Мне».

Неприлично и подумать, чтоб между детьми, которых Он повелел допускать к Нему, некоторые были беспокойны и кричали. Он, Который утишал бури морские, укрощал бесноватых, лютых зело (Мф. 8:28), также легко мог сделать спокойными младенцев плачущих и крикливых, и из их уст совершит Себе хвалу (Мф. 21:16). Детей резвых Он указывал на торжищах и на улицах, где они сидят и упрекают своих товарищей, не принимавших участия в их забавах: «мы играли вам на свирели, и вы не плясали» (Мф. 11:17). А о тех детях, которые около Него собирались, Он говорил: таковых есть царство небесное (Мф. 19:14). Указывая на них взрослым, Он имел в виду прекрасные качества младенческой природы, – незлобие, скромность, доверчивость, послушание. Был подобный же случай в Капернауме. Спросили Его апостолы: кто болий в царствии небеснем? Он подозвал дитя и, обняв его, отвечал: «Если не будете, как дети, не войдете в царство небесное» (Мф. 18:1–3; Мк. 9:36). Нет сомнения, что отрок этот скромно стоял и с любопытством наблюдал, что в глазах его происходило. Святой Златоуст о нем так отзывается: «Что касается до дитяти, которое было поставлено пред учениками, то, по моему мнению, это было дитя в полном смысле, свободное от страстей, украшенное добродетелями, как то: простосердечием, смирением, спокойствием»¹²⁰. Существует предание, что это скромное дитя был святой Игнатий Богоносец¹²¹.

Древние христиане, воспитывая детей в наказании и учении Господни (Еф. 6:4), водили их с собой в церковь, но здесь не оставляли надзора за ними. «Было тогда обыкновение, чтобы дети в священных собраниях стояли пред святилищем, и первые после церковного клира приобщались святых тайн. Близко стоя к священникам, они возгласы их и молитвы, какие произносимы были вслух, сами знали наизусть»¹²². Все непонятное для них, по мере их разумения, было им объясняемо. Одна христианка, обнаружившая свое сочувствие к мученикам, осуждена была на сожжение. При ней был ее пятилетний сын, который, догадавшись, что угрожает матери, пал к ногам мучителя и просил ей помилования. Он взял дитя

на колени и ласково уговаривал его, чтоб оно навсегда осталось с ним. Но младенец не соглашался, и видя, что уже разожгли дрова, стал проситься на мучение с матерью. Жестокий властелин спросил: «Что такое мучение?» Дитя отвечало: «За Христа умереть, чтобы с Ним жить». А на вопрос: «Где же Христос твой», – оно сказало: «Пойдем со мной в церковь, и я покажу тебе Его». Не могли убедить дитя ничем, варвар оттолкнул его, и велел одному из приближенных взять его себе. Младенца держали, когда мать вели и ввергли в огонь, но он, вырвавшись, бросился к ней, и обняв ее, сгорел вместе с нею¹²³. Спрашивается, откуда дитя знало, что в церкви можно показать и видеть Христа? Несомненно, что благочестивая мать часто брала сына в церковь, заставляла его на все там обращать внимание, и объясняла ему, что было еще для него непонятно.

Что же бывает в наших храмах? Дети во время богослужения шумно один за другим вбегают, между собою разговаривают, смеются, переходят с места на место, или также шумно и рассеянно выбегают вон. Те, которых приносят на руках, безобразно здесь кричат. Терпимо ли это в церкви, где нарушать тишину и порядок запрещает и гражданский закон¹²⁴? Скажут: «Дети – везде дети». Но правы ли возрастные, что не смотрят за ними и не удерживают их? Разве нельзя остановить дитя, когда оно, не понимая важности дела, препятствует общей молитве? Разве нельзя вынести младенца, когда он своим криком расстраивает пение и заглушает чтение? Слышать детский плач, видеть детские игры можно везде, в домах и на улицах. Для того ли собираемся в церковь, чтобы почти то же самое видеть и слышать? А притом сами возрастные должны здесь так себя держать, чтобы строгим своим поведением, примером скромности и благоговения могли обуздывать рассеянных детей. «Церковь – место ангелов, место архангелов, царство Божие, самое небо. Если бы вдруг отверзлось небо, и ты взят был туда, не осмелился бы ты разговаривать. Так точно и здесь не должно говорить; ибо и здесь небо»¹²⁵. В храме стояще славы Твоя, на небеса стояти мним. Только в таком благоговейном настроении мы имеем

дерзновение произносить остальные слова этой песни церковной: Богородице, дверь небесная, отверзи нам двери милости твоея¹²⁶. Аминь.

18. Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы. (Пятнадцатое)

Возжелает царь доброты твоя. (Пс. 44:12)

Вход во храм Пресвятой Богородицы потому так называется, что Она, бывши трех лет, пришла в храм ветхозаветный, иерусалимский. Почему же это особенно важно? – Приходили тогда в храм и другие девицы; приводят и ныне детей в церковь. А между тем вход Богоматери во храм есть предмет одного из великих наших праздников. Какой же смысл нынешнего праздника, какое знамение его для нас?

В одном из псалмов светлыми чертами изображена невеста царского рода, и ей было предсказано: Возжелает царь доброты твоя. В этой невесте не только впоследствии церковные учителя указывали Приснодеву Марию, но и ее современники узнали предъизбранную Матерь Сына Божия; узнали потому, что ее введение во храм сопровождалось необычайными обстоятельствами. В храме было пятнадцать ступеней. Поставленная на первую, Она никем не поддерживаемая, быстро взшла на верхнюю. Видя действующую в Ней силу Божию, первосвященник Захария «сотворил вещь странну и всем удивительну». Он ввел Ее во святая святых, куда только архиерей, и однажды в год, мог входить. Там указал он Ей место для молитвенного пребывания, и там «единою, вшедши, виде ангела, с Девою беседующа и пищу Ей подающа»¹²⁷. По причине сих чудес, Ее введение во храм и воспевается, как благоволения Божия предображение, и Христа всем предвозвещение. Чтó было предсказано, то и исполнилось.

В пророчественном псалме о Богоматери сказано еще, что приведутся царю девы в след ее, и введутся в храм царев. По изъяснению святого Василия Великого, сии девы суть христианские души¹²⁸. Но приведутся не неволею, а своею свободною деятельностью; приведутся те, которые «не прияли чуждого учения», но твердо держатся православия; те, которые «молятся и все делают не на показ людям», а пред Богом; которые послушны церкви, и «не уклоняются от церковного

благочиния»; которые, идя в след Приснодевы, подражают Ее качествам, хранят чистоту, кротость, преданность промыслу Божию. Об этом помышлять побуждает нас нынешний праздник. Умирает христианин, его тело несут в церковь для отпевания. А душа куда пошла? В тот ли храм царев, где теперь Божия Мать? – Но доколе еще в теле, душа о том должна подумать, возжелает ли царь доброты ея, найдет ли в ней что доброе. Из евангельской притчи известно, что пришли девы юродивые, души беспечные к дверям небесного чертога, но услышали голос: не вем вас (Мф. 25:13). Только девы мудрые, души чистые и верующие, со светильниками своих добрых дел, будут приняты туда, введутся в веселии и радовании. Аминь.

19. Слово в день Благовещения Пресвятой Богородицы и в неделю пятую великого поста (1862 г.). (Первое)

Она же, видевши, смутилась о словеси сем. (Лк. 1:29)

Ныне, по чину церковному, предложены вместе два евангельских чтения совершенно различного содержания. В одном было изображено глубочайшее смирение Девы Марии, по которому она смутилась от архангельского явления и приветствия, почитая себя недостойною принять тайну благовещения. В другом чтении, напротив, было повествуемо о двух учениках Христовых, которые возымели о себе такое высокое мнение, что готовы были сесть по правую и левую сторону Божественного Учителя своего в царстве славы Его.

Тайна благовещения принята и совершилась; Приснодева Мария соделалась Богородицею; все роды Ее ублажают: но все ли ее смирению последуют? Не больше ли найдется подражателей тем ученикам, в которых чувство собственного достоинства так быстро раскрылось и искание первенства так высоко вознеслось? – На смирение иные смотрят даже не как на добродетель, а как на признак слабости душевной, и презрительно думают, что оно имеет значение только в обителях монашеских, или вообще есть горькое достояние духовного сословия. А, напротив, чувство собственного достоинства в человеке, по мнению некоторых, есть двигатель просвещения в роде человеческого, условие его благоденствия. Чтобы дитя лучше училось, чтобы удалялось от рассеянности, надобно, говорят, в нем раскрыть чувство собственного достоинства. Чтобы любить ближних, быть честным, бескорыстным, надобно, говорят, прежде уважать в себе человеческое достоинство. На этом уважении основана та вера в совершенство ума человеческого, о которой иные восторженно восклицают, будто она делает чудеса.

Не восстает в сущности против этого чувства и учение христианское. Оно позволяет каждому уважать себя, когда само напоминает, что человек немногим умален в сравнения с

ангелами (Пс. 8:6). Но так как, по самолюбию, человек сам собою, без должных оснований стремится уважать себя, то чаще слышим мы предостережения от излишнего б себе уважения. Кто думает стоять, тот должен блюстись, как бы не упасть, – говорит апостол (1Кор. 10:12). И сам Спаситель, призывая всех к Себе, всем внушает смирение (Мф. 11:29). Таким образом, по понятию христианскому, чувство собственного достоинства должно быть умеряемо в человеке сознанием своего недостойнства, смирением.

Рано, быстро развитое чувство своего достоинства бывает, большею частию, признаком самообольщения или неверного взгляда на себя. Приобретенный успех в чем-либо побуждает человека надеяться, что он многого и еще достигнуть может; побежденная трудность надмевает его мыслию, что и все затруднения для него преодолимы. Чтó приобретает человек своими дарованиями и трудом, то имеет в глазах его великую цену и заслугу, и заслоняет собою многие обстоятельства и трудности, пред которыми могут пасть его силы. Ищут два ученика первенства в царстве славы, но забывают слабость своих сил. Спаситель, желая вразумить их, предлагает им вопрос: могут ли они пить чашу Его страданий (Мк. 10:38)? В чувстве самоуверенности они отвечали, что могут. Но когда предложена была эта чаша, когда пришло время Христовых страданий, не только эти, но и вси ученики бежаша (Мф. 26:56). Если же так обманулись в себе самих лучшие из людей, апостолы, пока еще не укрепил их Дух Святой: что мы должны думать о себе? как мы можем полагаться на свои дарования? Хорошо чувство человеческого достоинства: но надобно смотреть, на чем оно держится и к чему направляется. Это было бы истинное уважение к себе, если бы, при встрече с соблазном, кто сказал: я – христианин, и не могу решиться на то, чтó противно совести и закону Христову. Но бывает и такое чувство человеческого достоинства, которое справедливо назвать можно тонким превозношением пред другими. Надменный своим умом строго держит себя в границах приличия; но несколько не стесняет себя там, где закон приличия безнаказанно может быть пренебреженным. Он

защищает свою честь, но не силою своей невинности, а искусным расположением своих действий и отношений к людям. Он готов обучать необразованных, по крайней мере, по праздникам; но не считает неприличным, без различия дней, колебать чистые верования душ благочестивых, распространять в обществе легкомысленные отзывы о предметах священных. Если ему укажут на его собственные заблуждения, и на то, что каждый человек подвержен слабостям и ошибкам, он ответит, что это так и быть должно, что чрез ошибки и заблуждения род человеческий идет к совершенству. Это значит видеть достоинство природы человеческой в том, что служит ее унижением: ибо нельзя же называть заблуждения успехами и порочные дела – заслугами.

Не тому учат нас неложные учителя. Апостол Павел говорит: имамы сокровище сие в скудельных сосудах (2Кор. 4:7). Какое это сокровище, и какие сосуды? Это есть озарение духовное, богатство дарований Божиих; они возвышаются и умножаются только под наитием того Духа благодати, Который носится и дышит в церкви православной. Сосуды, куда влагается сие сокровище, мы сами, – это есть состав нашей природы. Сосуды сии апостол уподобляет глиняным: потому что действительно и мысль человека, и воля его, раньше или позже, но непременно разобьются, если он самовольно оставит тихое пристанище веры и охранявшей его благодати, и предастся неверному плаванью в волнах своих мудрований. Для того мы и немощны, чтобы видна была в нас сила Божия, а не наша. Видя то, чем Господь нас одарил и что милостиво подает нам, мы можем примечать достоинство нашей природы, христианской, освященной и к высшему совершенству предназначенной. Но в то же время, примечая свое неизбежное поползновение ко греху, свою склонность в заблуждениям, мы чрез то побуждаемся не только не доверять себе, но и осуждать себя, смиряться пред Богом и людьми.

Такое смирение не есть признак слабости: ибо оно всегда содружественно с чувством собственного достоинства, так что от самого человека зависит различать случаи и обстоятельства, когда ему держаться только в пределах терпеливого смирения,

и когда в броне своей невинности выходить на защиту своего достоинства. Сам Иисус Христос, смиливший Себя до смерти крестной, и претерпевший биения и заушения, не умолчал пред судиями Своими, когда дерзкий слуга ударил Его в ланиту за мнимое будто бы неуважение к сану первосвященника, и в защиту Своего человеческого достоинства сказал, что оно не иначе может быть подвергнуто унижению, как по законном и судебном изобличении (Ин. 18:23). По чувству своего достоинства, и апостол Павел неоднократно пользовался правом римского гражданина: однажды, чтобы поддержать честь проповедника Христова, а в другой раз, – чтобы освободиться от опасности жизни, о конце которой еще он не был тогда свыше предъизвещен и продолжение которой он посвятил своему апостольскому делу (Деян. гл. 16 и гл. 22 и 23). То же видим и в жизни христианских подвижников, которые, водясь духом смирения, знали однако ж, в чем состоит истинное человеческое достоинство. К одному из них пришли его знакомые, и желая испытать его терпение, стали называть его гордецом, пустословом, ленивым. Старец смиренно на все соглашался. Но когда назвали его еретиком, он никак не принял этого упрека на себя. На вопрос: почему на первые клеветы соглашался, а последней не принял? – он отвечал: «первые те пороки я признаю за собою, ибо это признание полезно душе моей; а быть еретиком, значит быть отлученным от Бога: но быть отлученным от Бога, я не хочу»¹²⁹.

Какая же польза признаваться в том, в чем определительно совесть не упрекает? – Всегда есть польза признаваться в греховности. Не забудем, что безгрешного человека нет на земле; а только безгрешный может совершенно быть чистым от упреков совести. Найдется ли такой человек, кто бы в жизни не имел мысли горделивой, не почувствовал лености, не сказал пустого слова? Поэтому всякое напоминание о наших недостатках доставляет нам повод поскорбеть о прежних, и сильное побуждение избегать новых. Талантливый художник не обольщается своим искусством, не увлекается своим достоинством; но как скоро сам, или по указанию других, приметит недостатки своей работы, истребляет, или исправляет

картину, уничтожает, или переделывает статую. Так и тот, кто живописует в своей жизни образ христианских добродетелей, всегда недоверчив к своим силам и подвигам, и при малейшей опасности самоуслаждения ищет на своей картине темных пятен прежней жизни, сокрушает изваяние мечты, готовое сделаться сердечным кумиром. Никто еще не потерпел вреда от того, что сам себя судил строго; но много вредят и себе и другим те, которые думают о себе слишком высоко и, быть может, не знают иной на свете веры, кроме обожания собственного достоинства.

Последуем же духу истинной веры, которая нам внушает, что смирение есть лучшее украшение всякого истинного достоинства. Аминь.

20. Слово в день Благовещения Пресвятой Богородицы. (Второе)

Како будет сие, идеже мужа незнаю? (Лк. 1:34)

Сии слова Пресвятой Девы Марии свидетельствуют, что Она была девой по обету, и вместе показывают всю ту строгость, с какою Она смотрела на этот обет Свой, и ту твердость, с какою хранила его. Является архангел и благовествует, что Она родит Сына, Его же царствию не будет конца. Но не вдруг доверяется Она небесному вестнику, и возражает, что при обете девства Ей невозможно соделаться матерью. Только уверение новое – о наитии на Нее Святого Духа, убедило Ее покориться высочайшему призванию Своему.

Пример Божией Матери поучает нас, с какою твердостью мы должны соблюдать свои обеты Богу.

Честь человека требует, чтобы он тверд был в своем слове, и бесчестен тот, кто не исполняет данных обещаний. Но в священных обетах христианин делает себя должником не пред людьми, а пред Богом, и потому кто не исполняет их, тот является лжецом пред Богом. Ананию, который обрек свое имение на богоугодные дела и часть хотел утаить, апостол Петр упрекал так: Почто сатана исполни сердце твое солгати Духу Святому? Не человеком солгал еси, но Богу (Деян. 5:3). Все, обрекаемое Богу, становится достоянием Божиим, предметом священным. Посему, кто не отдает обещанного Богу, тот виновен не только в обмане, но отчасти и в святотатстве. Он мог жертвовать и не жертвовать; но как скоро вещь посвящена Богу, уже не принадлежит тому, кому дотоле принадлежала, и удерживать ее, значит похищать чужое, Божие.

Большую частью обстоятельства печальные и тяжелые побуждают человека что-либо обещать Богу. Но достоин осуждения, кто в несчастье умиловливает Его обещаниями, а в благополучии не думает об исполнении их. Когда избалованный ребенок впадает в проступок, избалованный в нем подвергается опасности наказания, – он плачет, раскаивается, обещает исправиться; но если избавится от этого неприятного

положения, снова становится рассеянным и спешит возвратиться к прежним шалостям. Подобным образом поступают и не дети. Иной в болезни, в беде, в расстройстве своих дел проникается чувством раскаяния, обещает и в церковь жертвовать дорогие вещи, и обиженных вознаградить, и бедным милостыню раздавать, и пост на себя налагать, и привычки дурные оставить; а как только гроза пройдет и счастье улыбнется, он легко забывает, что обещал, и снова предается своим постыдным слабостям. Но непреложно Божие слово: Аще обещаеши обет Господеви Богу твоему, да не умедлиши воздати его, яко взыскав взыщет Господь Бог твой от тебе (Вт. 23:21).

Это взыскание не всегда приметно, и потому мало внимательны в нему нарушители священных обетов, подобно как люди, привыкшие обманывать других и не платить долгов, даже и не вменяют себе этого в порок и ответственность. Но такая беспечность не ведет к добру. Она служит признаком, что человек презирает свои обязательства священные и нравственные, а Бог поругаем не бывает (Гал. 6:7). Бывали такие случаи, что люди за нарушение своих Богу обещаний впадали в большие прежних бедствия. Посему и замечено в советах Соломона: «Лучше тебе не обещаться, нежели обещавшись не отдать» (Еккл. 5:4).

Могут быть однако же в жизни обстоятельства, по которым исполнение обета не только извинительно отложить, но нужным оказывается и совсем отменить. Кто обещается раздать бедным часть своего достояния, но внезапно, от несчастного случая, сам лишится всего имущества: тот конечно лишается вместе и возможности исполнить этот свой обет. В законе Моисеевом приведен такой пример: «Если женщина даст обет Господу, и услышит отец ее, и промолчит: то все обеты ее состоятся. Если же отец, услышав, запретит ей: то все обеты ее и обязательства, которые возложила она на душу свою, не состоятся, и Господь простит ей; потому что запретил ей отец ее» (Числ. 30:4–6). Долг зависимости, повиновения, человеколюбия не должен быть оставляем для произвольных

дел благочестия: ибо и сам Спаситель требовал милости, а не жертвы (Мф. 9:13; 12:7).

Поелику же препятствия, не допускающие выполнить обещанного Богу, всегда тяжелы для верующей души; то Священное Писание заповедует не спешить обещанием, и не медлить исполнением. «Прежде, нежели дашь обет, обдумай лучше, и не будь как человек, искушающий Господа» (Сир. 18:23). «Если же обещаешь что Господу, не замедли отдать» (Еккл. 5:3). Только точность в исполнении обещанного низводит милость Божию на обещавшего. Закхей, человек грешный, обещал половину имения раздать нищим; Спаситель, видя, что он верно исполнит это, сказал о нем: днесь спасение дому сему бысть (Лк. 19:9). Аминь.

21. Слово на Благовещение Пресвятой Богородицы в великий пяток (1866 г.). (Третье)

Аз есмь алфа и омега, начаток и конец, глаголет Господь, сый, и иже бе, и грядый, Вседержитель. (Откр. 1:8)

Ныне благовещение и распятие, радость и ужас, жизнь и смерть, начало и конец.

Это совместное воспоминание противоположных событий наводит мысль нашу на ту тесную связь, какая положена между рождением и смертью. Если мы живем, то значит родились. Если мы живем, то несомненно, что некогда умрем. Наша жизнь так скоротечна, а любовь наша к ней так велика, что и юноша мечтает о столетней старости, и старцу дряхлому еще хочется жить.

Так и страх смерти преследует нас, более или менее, смущает всех, а иных повергает в совершенное уныние.

Только взгляд на распятого Господа, только вера в Него, с ее таинствами, может отогнать это уныние, уяснит ту таинственную связь, какая неизбежно существует между рождением человека и его кончиною.

Иисус Христос тридцать три года с половиною жил на земле. Сам в Себе имевший власть положить душу Свою, Он сам мог продолжать и жизнь Свою. Почему же Он не благоволил долее жить на земле? – Потому что жить долее было не нужно; потому что Он совершил Свое дело; Его жизнь имела свое великое значение, и прешла, как скоро оно достигнуто. А, между прочим, краткостью ее хотел Он и нам внушить, что как бы ни было нам хорошо на земле, но на небе лучше.

Православным христианам должно быть известно, как исполнил Он то, за чем сшел с небес. Довольно сказать, что великое слово – «совершишася» – произнес Он не прежде, как уже был на кресте, и именно тогда, когда был готов преклонить главу и испустить дух.

Как в азбучном алфавите первая и последняя буквы суть границы всего счета букв, из которых слагается множество слов,

выражений и книг: так Иисус Христос благоволил название буквы первой и последней усвоить Себе в том смысле, что Он есть связь всего существующего, начало и конец всего, что пределы Его власти беспредельны и ее распоряжения, подобно письмам, из букв составляющимся, бесчисленны, и что если бы действия Мироправителя записывать, то всему бы миру не вместить написанных книг. Христос есть начало: ибо без Него ничто же бысть, еже бысть, и Сам Он был прежде, нежели существовал Авраам (Ин. 8:58), прежде, нежели создан был Адам. Христос есть конец: ибо, кроме Его спасительного, несть иного имени под небесем, данного в человеках, о немже подобает спастися нам (Деян. 4:12), и достигнуть блаженства небесного. Сам Он сказал: Аз есмь путь, и истина, и живот; никтоже приидет ко Отцу, токмо Мною (Ин. 14:6).

Теперь, как бы ни была таинственна связь между нашим рождением и нашею смертью, тайна сия становится к уразумению доступна, если мы веруем в Того, Кто есть начало и конец всего. По Его воле родимся мы в мир сей; по Его определению отходим отсюда, кто раньше, кто позже. Каждому свое здесь назначение. Кто способен, и кто еще нужен: тот здесь остается. Кто не нужен, тот отъезжает отсюда. Продолжительная жизнь исчезает, как мгновение ока, и только след ее – в делах; но это быстрое исчезновение наших дней – прямое нам указание, что не здесь цель нашего существования, а в жизни иной, в Боге, Который – конец всего. Было бы страшно разлучение с телом, если бы наши надежды все покрывались землей и могилой. Но мы Слышим глас Господа, умершего за нас: «Я живу, и вы живы будете» (Ин. 14:19).

Правда, нельзя не бояться смерти, и есть особенная причина сего страха, именно та, что за смертью следует суд: определено человеку единою умереть, потом же суд (Евр. 9:27). Этот страх ощущали и те, которые не беспечно проводили жизнь: ибо, как сознавались они, в «оний страшный день и час, не защитит ни брат, ни сродник, ни начальство, ни власть, ни богатство, ни слава; но будет лишь человек – и дело его»¹³⁰. Один подвижник повторял: «Я боюсь трех событий: когда душа

моя будет выходить из тела, когда предстану Богу и когда будет произнесено последнее определение о мне»¹³¹.

Чтобы отогнать этот неотвязный страх, люди гордые умом, но нечистые совестью, прибегают к помощи неверия. Бессмертие души, по их мнению, мечта: все должно кончиться с разложением тела. Но поразительно то, что неверующий по гордости должен верить по неволе: рождение и смерть требуют веры. «Если спросить этого невера, кто его отец и мать, – он укажет. Но если еще спросить, знает ли он, когда зачался, видел ли, когда родился, то сознается, что не знает и не видел; однако ж верит тому, чего не видел, потому что, не сомневаясь, указывает, кто его отец и мать»¹³². Если ж неверующий верит, что тело получил от родителей, то должен верить, что сами собою не могли они дать ему душу живую и разумную. Очевидно, что это не от них зависит: в мертворожденного никто не может вдохнуть жизнь. Следовательно, не сила природы творит душу разумную, а Тот, Кто есть Творец самой природы, дает силу родить разумное существо. Потому, когда тело умирает, еще не следует, чтоб уничтожалась и душа; но несомненным остается, что возвратится персть в землю, якоже бе, и дух возвратится к Богу, Иже даде его (Еккл. 12:7). Какое же несчастье для умирающих во мраке упорного неверия! В предсмертный час они предчувствуют свою ошибку, и для окружающих одр их становится ясно, что смерть их люта (Пс. 33:22).

Иначе и гораздо успешнее борется со страхом смерти, кто боится ее не по малодушию, а по чувству греховности своей. Он верит, что в жизнь рода человеческого грехом введена смерть (Рим. 5:12), и что только кровь Сына Божия очищает нас от всякого греха (1Ин. 1:9), – и эту веру сопровождает покаянием, исправлением, добрым направлением всей земной жизни, как таланта, в употребление данного. Когда нападают волны бедствий, или колеблют возбуждения страстей, он, подобно мореходцам, в безбрежном море направляющим путь по течению светил небесных, возводит очи свои к Живущему на небеси, отъонудуже помощь идет (Пс. 122:1). Если же и еще страх смерти тревожит пловца в море житейском, он,

препобеждая немощь естества, предает свою судьбу
Пролившему за нас кровь Свою, и гласом крепкой молитвы
вопиет к Нему: «Иисусе, надеждо в смерти моей, и животе по
смерти моей! Иисусе, утешение мое на суде Твоем, не посрами
мене тогда! Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя!»¹³³. Аминь.

22. Слово на день Благовещения Пресвятой Богородицы. (Четвертое)

В месяц шестый послан бысть ангел Гавриил от Бога, во град Галилейский, емуже имя Назарет, к деве обрученной мужеву, емуже имя Иосиф, от дому Давидова; и имя девы: Мариам. (Лк. 1:26, 27)

Величайшего из чудес и таинств был провозвестником архангел Гавриил: он был послан благовествовать Деве Марии воплощение от Нее Сына Божия.

По как скромно веление Божие было исполнено, и как таинственно благовещение дано! Куда прибыть намереваются, где будут витать, где желают встреченными быть цари земные, – все это заблаговременно в своем месте делается известно, и самые заботливые начинают там приготовления к достойному принятию высокого посетителя. Вот Царь неба и земли пришел воплотиться и вочеловечиться: и кто тогда это приметил? кто, кроме Пречистой Девы, ощутил минуту благовещения? Какие деланы были торжественные приготовления к приятию Вечного в пределы времени, к явлению Бога бестелесного в девственной и чистой плоти? – Никаких. Тихому молчанию содержащу вся... всемогущее Слово Твое, Господи, с небес в средину погибельных земли сниде (Прем. 18:14).

Когда евангелисту Луке внушено было свыше повествовать о благовещении, ему, для последовательного описания, нужно было употребить некоторые частные указания, дабы поставить вне сомнения действительность этого чудесного события. Что же он указывает?

«Послан был ангел Гавриил в Назарет». Одно имя этого города могло иудея вести к недоумению: зачем туда был послан ангел? Ибо сей город в таком был у иудеев презрении, что нередко они повторяли вопрос: «из Назарета может ли быть что доброе?» (Ин. 1:46).

«Послан в Деве, обрученной мужу, именем Иосифу». Говорит евангелист так, как обыкновенно говорится о самых простых людях. И действительно, если кому и известен был

Иосиф, то разве как ремесленник, древодел. Почему о Спасителе впоследствии говорили: не сей ли есть тектонов сын (Мф. 13:55)?

Потом, хотя евангелист и присовокупил об Иосифе, что он был «из рода Давидова», но о Божией Матери только заметил: имя деве: Мариам. Для чего такая сжатость в описании? – Евангелист сказал сколько было нужно, чтобы не скрыть истины и открыть ту неизвестность, в которой пребывала Пречистая Дева. Если Иосиф обручник был из дома Давидова; то и Дева Мария также. Ибо роды колен иудейских не смешивались, и он, как потомок Давида, по закону Моисея, не мог обручиться с Девой не из этого рода. Но евангелист не говорит прямо о царском происхождении Девы Марии, очевидно, для того, чтобы сим умолчанием указать на глубокое ее смирение, по которому всегда Она предпочитала жить в неизвестности, скрывать Свое достоинство, не делать гласною знаменитость Своего происхождения, да научимся и мы, по ее примеру, ценить и любить скромную долю в жизни, неизвестность в обществе.

Для всякого труда нужна свобода, беспрепятственность и некоторая тишина. Чтобы воспитать и усовершенствовать себя духовно, или, что тоже, трудиться ради спасения души, – требуется свобода от мирских препятствий, тишина от светских увеселений, сосредоточение в себе, удаление от других. Было свыше сказано преподобному Арсению: «Бегай людей, и спасешься». Это не значит: возненавидь людей, и презирай их. Мальчик учится писать; другой намеренно мешает ему. В таком случае прилежное дитя уходит от докучливого товарища куда-нибудь в уединенное место, чтобы беспрепятственно продолжать свое дело. Подобное испытывает и делает человек, пекущийся о душе своей. Дух мира и его праздные слуги на каждом шагу ставят препону благочестивым начинаниям. Себе внимающий хочет начертывать на своем сердце письма Божиих велений, добрых правил и примеров; а закон светских приличий, нужда являться в обществе, участвовать в его не всегда невинных увеселениях, неизбежные встречи с соблазнами, возмущающими покой воображения и совести, – все подобные обстоятельства прерывают духовное упражнение.

И вот истинные подвижники благочестия ищут уединения. Людей, как собратий, отшельники любили; но их страстей боялись, от их соблазнов удалялись.

Человек светский (в крайнем смысле сего слова) не может оценить всю пользу неизвестности в обществе. Ему трудно удержаться, чтобы не кружиться в вихре света, а жить уединенно в кругу своего семейства. Известность, по его понятию, есть жизнь; оставаться неизвестным в обществе, значит умирать душой. Он так гоняется за известностью, что готов жертвовать для нее миром семейным и супружескими обязанностями, здоровьем, имуществом, даже своими убеждениями, которые решается ежечасно менять, чтобы только показаться не отставшим от современности. Он не хочет понять, что и для него самого, светского человека, истинный покой духа в тишине уединенного трудолюбия, в исполнении своего долга, в благословенных удовольствиях честного супружества, в православном воспитании детей, в их невинных ласках и быстрых успехах. Высоко поставляя всякую известность в обществе, он даже не верит, чтобы стали пренебрегать ею лица, от мира отрекшиеся и на степенях священноначалия поставленные; а потому иногда так же хвалит их неумеренно, как и порицает незаслуженно: за малое воздержание величает их великими постниками, за исполнение должного – подвижниками самоотвержения, и таким образом, людей еще смущаемых помыслами и впечатлениями не безгрешными, записывает едва ли не в разряд бесстрастных и святых.

Увы! Если б мы не знали, что зависть, к чему бы она ни относилась, есть порок, что покорность Промыслу есть общая наша обязанность, что по апостольскому вразумлению, никтоже сам о себе приемлет честь, но токмо званный от Бога (Евр. 5:4), и каждый в том звании, в которое призван, должен пребывать (1Кор. 7:20): то мы позавидовали бы многим, живущим в скромной неизвестности, христианам, которые, по влечению своего благочестия, могут распоряжаться своим временем, и в тишине уединения, домашнего ли то, или пустынного, почерпать себе наслаждение, духом горяще, Господеви работающе (Рям. 12:11). Кто занимал видную должность, и не ослепился

честолюбием, тот знает, как трудно стоять на виду и идти впереди. «Поставьте над собою другого, который бы всем угодил, – взывал некогда к своим слушателям великий святитель, Григорий Богослов; – а мне отдайте пустыню, сельскую жизнь и Бога. Ему одному ужо даже простотою жизни. – Пусть для других будут почести и труды; а для меня, углубляющегося в самого себя, довольно жить, как могу»¹³⁴.

Да не сетует же тот, кому в удел определена скромная доля неизвестности: в лице и жизни Божией Матери открыт ему сокровенный сердца человек, в нетленной красоте молчаливого духа, еже есть пред Богом многоценно (1Пет. 3:4). А тот, кто, по своему положению в обществе, сам открыт не только для незаслуженных порицаний, но и для непрошенных похвал, когда услышит, что его «хвалят, должен, по совету одного святого отца (Иакова), помышлять о грехах своих»¹³⁵. Ибо, как замечает другой подвижник (Сисой), «если Бог не прославит человека, то слава человеческая ничто»¹³⁶. Аминь.

23. Слово на день Благовещения Пресвятой Богородицы, в великий понедельник (1868 г.). (Пятое)

И видевше ученицы, дивишася глаголюще: како абие изсше смоковница? (Мф. 21:20)

В понедельник страстной седмицы, между прочим, воспоминает церковь об иссохшей смоковнице. Несмотря на то, что ныне в этот же день празднуется Благовещение Пресвятой Богородицы, несчастная смоковница не забыта; напротив, грозное напоминание о ней неоднократно слышится среди радостных песнопений праздничных.

За что же проклято и засушено это дерево и печальному воспоминанию о нем какое придает значение радостный праздник Благовещения?

Причина, за что Господь проклял смоковницу, ясно указана в Евангелии: за ее неплодие. Однако и сами апостолы немало дивились, увидев, что бедное дерево мгновенно засохло, как скоро Христос, не найдя на нем плодов, произнес над ним Свой страшный приговор. Они недоумевали, как Господь, всегда любящий, ко всем кроткий и терпеливый, в чудотворениях Своих благодетель, а не карающий, прогневался на растение, которое не одушевлено и не сознавало обязанности приносить плоды.

В судьбе смоковницы преподан тот урок, что людям, для добра бесплодным, нельзя хорошего ожидать конца. Фарисеи и книжники знали Христа, как святого, как великого Чудотворца; но по зависти умышляя убить Его, не предполагали найти в Нем всемирного судию, карателя их преступных деяний. Чтобы обличить это их самообольщение, Христос восхотел показать опыт Своего суда и отмщения. Он мог бы врагов Своих иссушить, как негодное дерево; но предвидя, что они сами возьмут Его кровь на себя, и щадя их, как людей, Он для последнего их вразумления явил силу Своего праведного гнева над бездушною тварью, над бесплодною смоковницей. Чудо было тем поразительнее, что смоковница – дерево очень

сочное, – и вдруг лишилась соков, стала совсем сухой. Это прямое указание на фарисеев: они имели силы, но не имели добродетели; хвалились благочестием, но благочестие их было похоже на зеленые листья смоковницы, под которыми не нашел Господь плодов.

Находим в учении церковном и другое таинственное гадание о том, за что Христос проклял смоковницу. Известно, что наши прародители, тотчас по грехопадении, ощутив душевную и внешнюю наготу, думали прикрыть ее опоясанием. Это опоясание они устроили себе именно из листьев смоковницы (Быт. 3:7). Но такое скудное покрывало не могло успокоить их совести, и осталось навсегда памятником их греховного стыда. Наследовав грех и стыд, грешник, в покаянном каноне Андрея Критского, воспоминает и об этом рубище: «Обложен есмь одеянием студа, якоже листием смоковным, во обличение моих самовластных страстей»¹³⁷. Христос, прокляв бесплодную смоковницу, осудил в ней ту листовную одежду, которою человек падший самоизмышленно возмечтал покрыть свою греховную наготу, свое душевное безобразие.

По справедливому замечанию церковному, «повесть об изсохшей смоковнице умиления ради положиися»¹³⁸. Но какое значение сия грустная повесть имеет ныне, в радостный праздник Благовещения?

Если смоковница засушена за неплодие, и если она есть образ бесплодной души: то настоящий праздник внушает нам, каких плодов Господь ожидает от нас. – Дева Мария, по жизни святая, была предъизбрана от всех родов к тому величию, чтоб быть Богоматерию. Но потому ли Она соделалась свята, что была предъизбрана, или потому предъизбрана, что была свята? Несомненно, что Господь предвидел Ее добродетели, и сотворил Ей величие, Сильный. От ранней юности Своей Она уже являла в Себе духовные плоды – кротости, милосердия, терпения, безмолвия, поста, чистоты, благоговения, совершенной преданности божественному Промыслу. Вся жизнь Ее есть «древо светлоплодовитое, от негоже», чрез подражание, «питаются вернии»¹³⁹. Возревнуем же, по примеру

святой Девы, о делах добрых, о плодах духовных, – и мы избегнем участи иссохшей смоковницы.

Правда, сладок и удобен к исполнению грех, а добродетель горька и трудна. Как скудно оказалось то смоковничное одеяние, которым думал грешник прикрыть свою наготу, так слабы наши усилия переменить себя к лучшему. Но нынешний праздник утверждает нашу надежду успехов в добродетели и спасения в вечности. Благовестуется ныне воплощение Христово. Для чего же Сын Божий воплотился? «Нас ради человеков, и нашего ради спасения». Воплотился, чтобы наши немощи понести, и нам, страстями искушаемым, против них помочь; воплотился, чтобы оживить омертвевшее естество наше, и дать нам силу свыше для плодоношения духовного; воплотился, чтобы отнять у нас рубище греховной срамоты, и даровать нам одежду светлую – оправдания, очищения, освящения, достойную неба и жизни небесной.

Всякое несчастье, наше или чужое, дает нам урок. Когда упала башня Силоамская и задавила осмнадцать человек, Христос, услышав о сем, сказал окружавшим: аще не покаетесь, вси такожде погибнете (Лк. 13:5). Возьмем же предостережение и от того дерева, которое проклято Господом. «Изсохшия смоковницы за неплодие прощения убожавшиеся, плоды достойны покаяния принесем Христу, подающему нам велию милость»¹⁴⁰. Аминь.

24. Слово в день Благовещения Пресвятой Богородицы, во вторник четвертой недели поста (1869 г.). (Шестое)

Радуйся, благодатная, Господь с тобою. (Лк. 1:28)

В акафисте Божией Матери очень часто повторяется слово радуйся. То самое, что для душ благочестивых служит возбуждением и предметом умиления, люди легкомысленные обращают в повод к глумлению. Им кажется странным и не имеющим значения это частое воззвание: радуйся!

Нынешний праздник вразумляет неведущих, как это речение многозначительно в отношении к Божией Матери, и как руководит нас к истинной радости.

Сим речением начинается целая беседа между Пресвятою Девой и Гавриилом архангелом, принесшим Ей благовещение. Хотя словом «радуйся» выражалось в древности желание здравствовать; но в отношении в Деве Марии оно имеет особенное значение, ибо указывает и на высоту Ее состояния, и на великую тайну воплощения Бога Слова. Не просто говорит Ей ангел: радуйся; но приветствует Ее благодатною. Сие значит, что в Ней сокровище и человеческих совершенств, и чрезвычайных Божиих даров: почему и введена Она в теснейший союз богосообщения. Господь с Тобою – утверждает дальше ангел. Господь с Нею не в том только смысле, как был Он и есть с людьми праведными, в сердца которых вселяется верою (Еф. 3:17) и в которых почивает благодать, но чрез вселение ипостасное: потому что заимствовал от Нее чистейшую плоть, и родился, как человек, не преставая быть Сыном Божиим.

Отселе делается понятно, почему и в акафисте Божией Матери повторяется слово «радуйся». Оно принято в основание сего протяженного песнопения, в котором проведена та мысль, что Ей единой, паче всех жен в мире, и в исключительном смысле подобает радоваться¹⁴¹. Ибо не только сама Она, как Богоматерь, вошла в веселие вечное и высшее, но соделалась виновницею радости и для всего рода человеческого. Наше

спасение, устройство нашей жизни нравственной, надежды нашей жизни будущей стоят в основной зависимости от того великого события, что Она родила Сына, Спасителя миру. Посему «достойно есть блажити Тя, Богородице! Тобою бо к нам Вышний сошел есть; Тебе ради бысть Господь сил с нами»¹⁴².

Радость, которою приветствуем Приснодеву, была приготовлена Ее добродетелями и увенчана вселением в Ней Христа Бога нашего. Вразумимся из сего, где источник прочной радости, которой многие целую жизнь ищут и которую редкие приобретают.

Знает малое дитя, что когда оно сделает доброе дело, исполнит должное, оно спокойно и весело; а когда впадает в проступок, доходит до слез. Так с ранних дней наших приятное расположение нашего духа тесно зависит от нашего поведения. Кто нечист в своих действиях и потому неизбежно беспокоен в душе: что земное и надолго ли может развеселить его? Видит он смеющиеся лица, слышит пение и лики, окружен предметами роскоши и изысканными удовольствиями; но ежели дела преступны, не может человек избавиться тайной грусти, хотя и вынужден бывает показывать веселый вид, подобно тому, как злая болезнь разрушает грудь иного юноши, хотя краска жизни и здоровья выступает на лице его. Стремится ли кто насытить себя выгодами корысти, или забыться в обаянии чувственности? Неутолимо и строго совесть отмщает за то, что покупается ценою ее спокойствия. Потому так решительно и неоднократно глаголет Господь: не радоваться нечестивым (Ис. 48:22; 57:21). От таких людей удаляется Бог: а без Него нет истинной радости. Кому не случалось видеть, как голубое небо отражается в прозрачной воде, и на чистых струях ее играют лучи солнца? Ничего подобного нельзя видеть на воде тинистой и грязной. Так утешения веры наполняют только чистую душу и лучи от духовного солнца – Христа оживляют верующее сердце движением священного восторга. Непорочность есть условие истинной радости. Веселися, юноше, в юности твоей; но буди непорочен (Еккл. 11:9) «Если мы, – поучает Златоуст, – утвердимся в добродетели, то уже ничто нас печалить не будет. Ибо добрые надежды внушает она тем, кои приобрели ее, делая

их угодными Богу и почтенными пред людьми. Нет ничего приятнее неукоризненной совести и доброй надежды!»¹⁴³ При таком расположении души, мало трогают ее житейские неудачи и утраты. «Бог дал; Бог взял» (Иов. 1:21), – рассуждает она. Один благочестивый христианин спросил своего духовного старца: «Надобно ли скорбеть, когда потерплю убыток?» – Ответ был такой: «Отнюдь не надобно печалиться о вещах мира сего, а только – об одних грехах»¹⁴⁴.

И примечательно, что такая печаль приводит к радости, и совмещается с ней. Ныне радуюсь, пишет апостол ученикам, что вы опечалились, к покаянию, ради Бога (2Кор. 7:9). На совмещение радости с такою печалию указывает и настоящая неделя крестопоклонная. Горькому источнику уподобляет церковь четыредесятницу, «сокрушения ради и сущия от поста печали»¹⁴⁵. Как Моисей, вложив кусок дерева в горькую воду, усладил ее: так святые отцы, среди постного времени, чтобы не изнурилась душа от трудов покаяния, учредили празднование древу крестному, в услаждение надеждою, что Господь, в конце поста, возведет нас к торжеству Своего светлого Воскресения. Сеющие слезами покаяния пожинают радость прощения, очищения, умиления и блаженства в Боге. Аминь.

25. Слово в день Благовещения Пресвятой Богородицы. (Седьмое)

Воставши Мариам во дни тыя, иде в горняя со тщанием во град Иудов (Лк. 1:39)

Во все богородичные праздники читается Евангелие, которое начинается сими словами. В нем сама Дева Мария говорит, что сотворил Ей величие Сильный; посему и воспоминаются эти слова Ее в праздники, которые служат выражением Ее величия.

Но Евангелие это ближе относится к нынешнему празднику. Восставши Мария во дни сии, с поспешностию пошла в нагорную страну. В какие же во дни сии? – В первые после того, как архангел Гавриил возвестил Ей воплощение от Нее Сына Божия. Для бóльшего уверения в сем благовещении он сообщил Ей сведение, дотоле Ей неизвестное, о том, что родственница Ее – Елисавета, которую уже давно звали неплодною, зачала сына в старости своей. Елисавета была сестра Анны, матери Пресвятой Богородицы. Услышавши от архангела, что и этой старицы разрешил Господь неплодство, ее Племянница спешит навестить ее. Дом Захарии и Елисаветы был в Хевроне, городе между горами, на расстоянии восьми часов от Иерусалима. Туда Дева Мария из Назарета предприняла путь, не близкий и не легкий. Что же влечет Ее? – Или пожелала Она увериться, правду ли сказал Ей ангел об Елисавете? Но Она уже ему ответила: буди Мне по глаголу твоему: следовательно всему, что он говорил Ей, поверила. Более сообразно с обстоятельствами другое побуждение в сему путешествию. У евреев как неплодство почиталось бесчестьем, так плодоношение – знаком благоволения Божия. Посему Дева Мария, узнавши об Елисавете, что возвеличил Господь Свою милость над нею, и Сама принявши призвание быть Богоматерию, поспешила к ней, чтобы разделить с нею и ее и Свою радость.

Остановимся мыслию на этом побуждении. Сорадование есть чувство возвышенных душ, отличительное украшение

истинных христиан. Многие готовы веселиться с другими, идти в дома пиров и удовольствий; в местах общественных увеселений, по-видимому, все довольны и смеются; но в то же время одни другим завидуют и зложелательствуют. Тут нет еще сорадования; оно есть утешение, почерпаемое в благополучии и счастии других. Такое бескорыстное чувство невозможно без благожелательства. Чтобы сорадоваться ближним, надобно их благо почитать как бы за свое приобретение; нужно препобедить свое самолюбие, которое склонно на чужое добро смотреть завистливо. Напротив, чужой печали и беде никто завидовать не станет. Потому и замечают, что гораздо легче плакать с плачущими, нежели радоваться с радующимися. «К соболезнованию, – говорит Златоуст, – влечет нас сама природа, и нет такого каменного человека, который бы не прослезился при виде несчастного. А чтобы, видя счастливого, не только ему не позавидовать, но еще разделить с ним его радость, на сие потребна душа очень благородная»¹⁴⁶. Вот почему апостол и напоминает нам о том, чтобы радоваться с радующимися (Рим. 12:15). Как злорадство есть чувство бесовское, так сорадование есть расположение ангельское; ибо сам Господь нам открыл, что ангелы на небе радуются, когда видят что-либо доброе в человеке (Лк. 15:10). Души незлобивые, искренно радующиеся благополучию ближних, сами уподобляются чистым ангелам и привлекают на себя благодать Божию. Припомним, что произошло при радостной встрече Елисаветы и Девы Марии. Та исполнилась тотчас Святого Духа, и по внушению Его уразумела, что пред собою видит не простую свою родственницу, но Матерь Господа своего. Равно и Мариам в восторженном чувстве сорадования, получила вдохновение, чтобы изречь эту священную Песнь: Величит душа моя Господа.

Святые «старцы говорили: каждый положение ближнего должен считать своим собственным, и сострадать ему и радоваться с ним, как бы нося тоже самое тело»¹⁴⁷. По мере того, как мы благожелательствуем ближним, и радуемся их благополучию, можем ожидать и их нам сорадования, которое делает более усладительным всякое счастливое обстоятельство

в жизни. Почему и святой Давид не довольствовался правотой своей совести, но искал и сочувствия своих благожелателей: да возрадуются и возвеселятся желающие правды моя, и рекут выну – да возвеличится Господь, хотящий мира рабу Своему (Пс. 34:27). Аминь.

26. Слово в день Благовещения Пресвятой Богородицы. (Восьмое)

Тогда рех: се иду. В главизне книжной написася о Мне, еже сотворити волю Твою, Боже. (Евр. 10:7)

Нынешний праздник именуется главизною нашего спасения.

Слово «главизна» не совсем понятно, особенно для малознающих язык славянский.

Главизна есть начало, или заглавие. Как на первом листе книги кратко означает ее содержание; так в лице или предмете, именуемом главизною, полагается зерно, зародыш, начало, сокращенное указание того, что должно последовать дальше.

Прежде веков предопределено, чтобы воплощением Сына Божия восстановлено было падшее человечество. Пророк Давид и апостол Павел, созерцая эту тайну, возводят и нашу мысль к началу воплощения Сына Божия. Христос, входя в мир, говорит Богу Отцу: «Жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовал Мне. Се иду, как в начале книги написано о Мне, исполнить волю Твою, Боже» (Евр. 10:5,7; Пс. 39:7–9). Какая же это воля, и в начале какой книги она первоначально была объявлена? В начале Библии, где написано Божие предопределение о том, что семя жены сотрет главу змия (Быт. 3:15). Это значит, что Сын Божий, воплотившись, сокрушит силу врага рода человеческого. Для воплощения же нужно зачатие, и та великая минута, когда архангел на землю принес благовещение, когда Дух Святой возвел естество Девы целомудренной в состояние Богоматери, означает в церковных песнопениях именовании главизны; ибо с того мгновения уже с нами Спаситель, с нами Бог.

Посему и сама Приснодева Мария в акафисте названа «велений Христовых главизною». Она не только была «чудес Христовых началом»¹⁴⁸, но от Ее судеб, от благовещения, Ей принесенного, стоят в зависимости важнейшие догматы нашей веры. Главный признак истинной веры есть исповедание Иисуса Христа, во плоти пришедша (1Ин. 4:2). Если б не было

благовещенного зачатия от Духа Свята, то и рождества Христова. Если бы Христос не родился, то и не умер бы; если бы не умер, то и не воскрес. Аще же Христос не воста; тща убо вера наша (1Кор. 15:14); не было бы у нас Спасителя, не было бы нам спасения.

Се ныне день спасения – воскликнем с апостолом (2Кор. 6:2). Какого же спасения, от чего избавления? – От вражия всегубительства, ибо сего ради явился Сын Божий, да разрушит дела диаволя (1Ин. 3:8). От мрака заблуждений; ибо в учении Христовом свет и истина. От рабства страстей; ибо Христос – нам помощник в борьбе с ними и вождь к безстрастию. От угрызений совести; ибо Он исцеляет кающуюся душу благодатию всепрощения. От смерти вечной; ибо кто православно верует, добродетельно живет, усердно молится, неосужденно причащается, тот и по смерти будет жить со Христом, егоже царствию не будет конца (Лк. 1:33). Аминь.

27. Слово в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, в субботу акафиста. (Девятое) Приветствие к Богоматери

Радуйся, Благодатная! (Лк. 1:28)

Ныне у нас два праздника: день Благовещения и суббота похвалы Богородицы. Какая же между ними связь?

Отличительное песнопение похвальной субботы есть акафист. Он входит в состав всенощного бдения, среди которого торжественно читается, разделенный на четыре части. Это хвалебное песнопение основано на обстоятельствах Благовещения. В самом начале воспоминается, как ангел-первостоятель послан был сказать Богородице: «радуйся». Это именно было ныне, когда архангел Гавриил принес Ей в Назарет приветствие: «радуйся, Благодатная». Слово «радуйся» у восточных народов значит тоже, что у нас желание здравствовать; но соединенное с названием «Благодатная», оно получает высший смысл. Архангел потому назвал Деву Марию благодатною, что Она превосходила всех Своими совершенствами, и сила Вышняго осенила Ее (Лк. 1:35). На всем протяжении акафиста указываются ее совершенства, которые раскрылись яснее со дня Благовещения, и те благодатные в Ней дарования, которые были в зависимости от сего преестественного события. Ей воспеваем: «Радуйся, чрево Божественного воплощения. Радуйся, Бога невместимого вместилище».

Итак, из события Благовещения взята основная мысль акафиста, отчего он и называется «Благовещенским»; а почему он читается в субботу на пятой неделе, тому есть своя причина. В седьмом веке Авары и Персы обложили Константинополь; спасения не оставалось. Тогда патриарх и духовенство вынесли из Влахернского храма чудотворную икону Божией Матери, Ее пояс и ризу, и с этой святынею по улицам города, в сопровождении молившихся жителей, совершен был крестный ход. В ту же ночь поднялась буря; неприятельские корабли разбились и потонули, а на войска, осаждавшие город с берега,

напал страх, и они отступили. То была ночь на субботу пятой недели. Это послужило поводом к составлению Неседального песнопения; «и оттоле» ежегодно в сию субботу «молебное благодарение поется, ради бывшего чудесе молитвами Пресвятыя Богородицы»¹⁴⁹; на что указывается в самом акафисте: «Радуйся, Еюже низпадают врази».

«Но для чего много раз произносится слово «радуйся»? Приятно ли такое повторение?» – Так иногда спрашивают люди легкомысленные, и некоторые из них, приписывающие себе остроумие, осмеливаются даже кощунствовать над тем, в чем выражается прославление Божией Матери. Как это постыдно и опасно, покажет повесть о происшествии, действительно случившемся. Один лицедей, по просторечию комедиант, понося Пресвятую Богородицу, представлял Ее на позорище в насмешливом виде. Явившись ему во сне, Она спросила: «Что Я сделала тебе худого, что ты надо Мною издеваешься?» Гаиан, – так было его имя, – не вразумился и продолжал свое. Она является вторично и с тем же вопросом, но и это не подействовало. Чрез несколько дней, когда Гаиан после обеда спал, Она снова явилась ему, но ничего не сказала, а только водила перстом по его рукам и ногам. И что же? Когда он проснулся, оказалось, что ноги и руки у него совсем отнялись, и он уже не мог владеть ими¹⁵⁰. Это наказание, постигшее хульника, может служить предостережением всякому, кто бы дерзнул обращать в шутку то, что совершается в наших храмах в честь Божией Матери. Не требует Она похвал. Но как оскорбительны для Нее кощунственные против Нее словоизвержения, так привлекают ее благоволение возносимые к Ней хвалебные молитвы. Это Она сама засвидетельствовала Своими светлыми явлениями, утешая совершавших пред ее иконами молебные пения. Если же часто в сих песнопениях повторяется речение: «радуйся», то спрашивается: какими словами лучше Ее восхвалять, человеческими или ангельскими? Без сомнения, ангельскими. Сего ради и мы «архангельский глас вопием Ти, Чистая: радуйся, Благодатная!»¹⁵¹. Надобно только помнить, что кто хотя бы и ангельским языком стал вещать Ей, но не имеет любви, тот

походит на колокол звучащий и бездушный. Хваля Богородицу, потщимся подражать Ее добродетелям; утвердим в себе ту любовь, которая в союзе с верою православною, далека от пороков и страстей, не своекорыстна, не знает зависти и мщения, долготерпелива к погрешающим, милосерда к нуждающимся и немощным (1Кор. 13:1–7); сохраним ту христианскую любовь, без которой нельзя спасти душу. Аминь.

28. Слово на день Успения Пресвятой Богородицы. (Первое)

Яко сотвори Мне величие Сильный. (Лк. 1:49)

Из всех праздников в честь Богородицы с большею торжественностью воспоминается и празднуется Ее славное Успение. Довольно припомнить то, как много в православных странах храмов и обителей, именуемых «Успенскими», и еще то, что праздник Успения предваряется двухнедельным постом, в честь Пресвятой Богородицы установленным. Также и песнопения церковные, если сличить их с прочими, для других праздников Богородичных сложенными, имеют преимущество всемирной радости и небесной торжественности: «Твое славят Успение силы и херувимы, и страшнии серафимы; радуются земнородные, припадают царие, со архангелы и ангелы»¹⁵².

Основание, почему Успение Божией Матери торжественнее других праздников Ее, можно усматривать в преимущественной: важности сего события, которое окружено было чудесами. Иные праздники в честь Богородицы служат воспоминанием отдельных из Ее жизни обстоятельств. Но в Успении венец и слава всей Ее жизни: тогда верующим ясно было открыто, что Приснодева Мария есть Царица неба и земли; в Ее смерти явилась поразительная, но и вместе весьма стройная и соответственная противоположность с Ее жизнью: Ее глубокое смирение покрылось божественным величием, Ее скромная земная доля пременилась в небесную славу, и Ее слава боголепная богоподобными воссияла чудесами. При жизни Сына Своего, Она редко являлась при Нем, и когда являлась, в делах Его почти не допускала участия, и даже слышала предостережение: что Мне и тебе, жено (Ин. 2:4)! А в минуту Ее кончины, сам Он идет, окруженный силами бесплотными, сретить и принять Ее душу из Ее тела, от которого Сам восприимчив человеческую плоть. В жизни Она любила уединение и простоту; на Ее торжественную кончину стеклись к Ней апостолы, путями воздушными на облаках несомые, и дом Иоанна Богослова, у которого Она жила, был приготовлен и

украшен, как для необычайного торжества и, быть может, как никогда прежде. Во время Ее жизни струя силы чудотворной едва проторгалась из глубины Ее смирения: но бессмертный гроб Ее был источником исцелений для веровавших, и грозных чудес для устрашения неверовавших. В Успении Ее, и вместе воскресении, по прекрасному выражению, песни церковной, «стечеся чудо в чудеси». Тогда знаменательно и торжественно начало исполняться пророческое слово Божией Матери: Сотвори Мне величие Сильный.

В примере Божией Матери уясняется и для нашей жизни значение смерти. Ее достославная кончина была подготовлена смиренною жизнью. Так ли мы смотрим на свою жизнь, как на время и на средство для приготовления к непостыдной кончине? – Обыкновенно люди каждый день в своей жизни усиливаются обратить в новый случай для себя испытать удовольствия жизни. Обыкновенно думают, что наслаждение жизнью есть победа над смертью, что думать о смерти значит прежде смерти умирать. Но вернее сказать, что христианская кончина есть венец жизни, что «жизнь предобручает смерть»¹⁵³, то есть что смерть для праведника служит залогом блаженной вечности, дверью того полного успокоения, которого напрасно душа стала бы искать на земле. Если жизнь человека есть сцепление его действий многосложных, иногда сокровенных, нередко и запутанных: то смерть есть развязка сих узлов, оценка истинных заслуг. Не бывает ли на этом свете, что жизнь иного человека промчится, как шумная колесница, окруженная пылью, след которой быстро разносит ветер? Напротив, иной трудится скромно, служит обществу по долгу и совести, безмолвно, без провозглашений о себе: а между тем, его дела так прочны, что не сокрушит их и разрушительное время; его имя так почтенно, что и далекие потомки будут благословлять его. Добросовестный труженик подвизается не для того, чтобы всем угодить и от всех заслужить похвалу; а потому, что он всегда готовится, как за свою жизнь отдать ответ Богу. Многие по суду человеческого умели жить хорошо; но по суду христианскому тот истинно мудр, кто сподобится умереть хорошо, неосужденно и непостыдно. Если всякое дело

украшается концом, то не более ли должно нам заботиться и принять меры, чтоб труд нашей жизни украсился христианской кончиной? – Для этой цели один святой подвижник дает такой совет: «Помни всегда о твоём исходе, и не будет греха в душе твоей»¹⁵⁴. Аминь.

29. Слово на день Успения Пресвятой Богородицы. (Второе)

Воскресни, Господи, в покой Твой, Ты и живот святыни Твоея. (Пс.131:8)

По древнему, от апостольских времен до нас дошедшему, преданию известно, что Матерь Божия, после всечестного Своего Успения, в третий день воскресла. Святые апостолы, похоронив Ее тело в Гефсимании, не отходили от погребальной пещеры, денно-нощно воссылая моления и сливая звуки своих псалмопений с голосом небесных сил, ублажавших в то же время Пренепорочную Богоматерь. Апостол Фома, по устройению Божию, не бывший при ее погребении, и в Гефсиманию явившись уже на третий день, скорбел и плакал о том, что не удостоился получить, как другие, последнее благословение Пречистой Богородицы и проститься с Нею. Прочие апостолы, ища доставить ему отраду, решились открыть гробницу, чтобы Фома воздал последнее целование досточтимому телу. Но каким они все поражены были удивлением, когда, отвалив камень от пещеры, нашли ее пустою. В недоумении о сем событии, пребыли они до вечера, и когда, после вечерней трапезы, стали на молитву, вдруг узрели Пречистую Деву на воздухе, живую, множеством ангелов окруженную и, притрепетные, услышали ее сладостный глас: «Радуйтесь; Я с вами есмь во все дни». Тогда они уверились, что Дева Мария воскресла и вознесена на небо.

За несколько веков предоткрыто было это дивное чудо пророку Давиду. Объятый вдохновением, он воззвал ко Христу, Богу и вместе человеку: «Воскресни, Господи, в божественный покой от земных Твоих трудов, и смертного томления; да воскреснет с Тобою и Та, Которая послужила кивотом святыни, пречистой плоти Твоей»¹⁵⁵.

След мудрости Божией ясно начертан в сем предсказании и его исполнении. Только глубокое смирение Девы Марии подчинило Ее общему закону смерти. Но гроб и смерть не могли удержать той, которая жила недремлемо в молитвах и святых

трудах, и в которой, по прекрасному выражению одной песни церковной, «вселися будущия жизни наслаждение»¹⁵⁶. В Ней вселился Спаситель мира, – надежда наша в смерти нашей, жизнь для нас по смерти нашей. Его благодатию Она предочищена была, чтобы быть для Него священным вместилищем; Его силою Она была так укреплена, что закон разрушения и тления не мог возобладать над Нею. Если тщательно поддерживаются храмины, в которых витали и действовали великие умы, то могло ли быть обречено на жертву тлению святое тело, которое, как поет церковь, соделалось «чертогом света» Присносущного? Как Ева, первая вкусив от смертоносного, запрещенного плода, внесла в собственное тело и на потомков своих распространила заразу разрушения, из всех жен в мире первая подверглась смерти: так Дева Мария, от Духа Святого зачавши плод жизни и спасения, Иисуса Христа, сохранила Свое тело непричастным общему в мире закону разрушения, и первая из жен воскресла, прежде общего всех воскресения.

Тайна успения и воскресения Девы Марии есть источник утешительных для души сетующей созерцаний.

Нередко жалуются женщины, как будто забыты, или унижены они Богом: их тяготит и слабость их пола, опасность, болезненность чадорождения и законом положенная зависимость от мужей. Но если пол женский много для себя невыгодного получил от своей праматери Евы; то надобно представить, как он возвеличен в лице Девы Марии? – Ни Предтеча Господень и никто из святых мужей не поставлен выше сил бесплотных. На сию почесть вознесена чистейшая из дев Матерь Божия: Ее величаем как честнейшую херувимов, и славнейшую без сравнения серафимов.

Но что же в том, что одна из дочерей земнородных так превознесена?

Очень многое, и притом не для женщин только, но для всех очами веры обращающихся к Ней.

Тяжело, говорят, быть в зависимости от других. Но вот Матерь Учителя чистейшей свободы провела всю жизнь Свою в зависимости, сначала при храме от его первостоятеля, потом от

Иосифа обручника, далее в строгом послушании Сыну Своему, наконец была поручена ученику Его Иоанну Богослову, всегда оставаясь в удалении от общественных дел, и только упражняясь в рукоделии, чтении слова Божия, в служении ближним и несчастным, в беседовании о Божиих делах, – и однако ж посредством этой скромной доли взошла на степень высшей славы.

Нас устрашает суровый закон, что рано или поздно придется умирать. Вместо того, чтобы смущаться мыслию о последствии неизбежном, воззрим лучше на Ту, Которой кончину церковь не называет смертью, а успением, и для Которой смерть была предобручением жизни. Она не боялась умереть, даже молила Сына Своего, чтобы скорее соединиться с Ним, – и Она прожила на земле более шестидесяти лет, и безболезненно предала душу в руки Сына Своего. Чем достигла Она долголетней жизни и блаженной кончины? – Чистотою целомудрия, строгостию воздержания, постоянством молитвы, силой терпения в трудных обстоятельствах и упования на промысл Божий. По мере Ее добродетелей благодать одухотворяла Ее тело, и хотя подчинилось оно закону смерти, но только на короткое время, и как бы для того, чтобы нам показать, какими средствами мы можем умягчать для себя этот грозный закон, которого избежать не можем.

Страшна смерть; но для кого беспечальна и жизнь? Всем знакома горькая чаша несчастий. И там, где средства человеческие ослабевают, когда мрак печали окружит нас, как темная ночь, поспешим просить помощи у Той, по предстательству которой Спаситель начал совершать чудеса, и которой жизнь по смерти ознаменована потоком чудодейственных благотворений. Первое ее слово к апостолам, по вознесении на небо, было: «Радуйтесь!» Будем возносить к Ней и мы ту первую молитву, с которой обратились к Ней обремененные трудами и скорбями апостолы, когда увидели Ее в Гефсимании на высоте воздушной и в славе небесной: «Пресвятая Богородице! помогай нам». Аминь.

30. Слово на день Успения Пресвятой Богородицы. (Третье)

С семенем их пребудет доброе наследие. (Сир. 44:10)

Мать Божия жила более пятнадцати лет по вознесении Спасителя; Она известна была в Иерусалиме всему обществу христиан, которые благоговейно Ее чтили, и конечно в житейских потребностях не забывали. Какое же Она, по успении Своем, оставила наследство? – Пояс и две одежды; одежды, по Ее завещанию, отданы были двум бедным вдовам.

«Ужели только!» – с удивлением скажут люди, которые, слыша о кончине покойника, спрашивают не о том, как он жил, и чем был примечателен, а о том, сколько после него осталось.

Так! Не нашлось на земле, по отшествии Божией Матери, ничего, кроме одежд Ее. Но если перестанешь любопытствовать о вещественных Ее стяжаниях, которых Она не собирала, и перенесешься мыслию к тому, что Ею оставлено на земле для духовной жизни человечества, для утверждения церкви православной: то окажется великое наследство, неистощимое сокровище. Наследство, Ею оставленное, есть пример Ее добродетелей; сокровище, которым христиане пользовались и пользуются, есть сила молитв Ее.

Немало нужно времени, чтобы описать святую жизнь Божией Матери. Дух Святой потому и избрал Ее быть Материю Сына Божия, что предузрел в Ней высокие качества, которые сами по себе давали Ей преимущество не только пред Ее сверстниками, но и пред всеми девственницами в роде человеческом. Довольно привести здесь древнее сказание о том, как Она жила в доме Иоанна Богослова, где и скончалась. «Мать Божия исполнена всякой благодати: в горестях Она благодушна, в нуждах беспечальна; на обижающих Ее не гневалась, но их же благовоспитывала; в счастии кротка, к бедным милосерда, и им помогала, сколько могла; отвращалась только восстававших на святую веру, а верным содействовала во всяком добром деле; особенно же любила смиренных, потому что Сама была глубоко смиренна»¹⁵⁷.

Как всегда поучителен пример Ее добродетелей, так неистощима сокровищница молитв Ее. Мы воспеваем ныне «в молитвах неусыпающую Богородицу»¹⁵⁸, потому именно, что Она недремлемо и постоянно за нас грешных предстательствует у престола Божия. О силе молитв Ее свидетельствует множество икон Ее, явленных и чудотворных, которые не являлись бы, если б не служили верным знамением Ее ходатайства за нас, и не чудодействовали бы, если б Ее предстательство не привлекало к нам всемогущества Божия, без которого невозможны никакие чудеса. Но иконы сии чудодействуют: «много бо может моление матернее ко благосердию Владыки»¹⁵⁹.

Если же сокровище молитв Ее повсеместно и неистощимо, то возбуждается вопрос: можем ли, и как удобнее можем воспользоваться и мы сим духовным достоянием?

На всякое наследство нужно иметь право. Кто хочет воспользоваться достоянием молитв и заступлением Пресвятой Богородицы, тот должен подумать, имеет ли право назвать Ее Материю своею и Заступницею. Первому из всех Христос дал сие право возлюбленному ученику Своему, когда сказал: Се Мати твоя (Ин. 19:27). Но не лишил Он сего преимущества и всех, в Него истинно верующих, поелику не стыдится братиею нарицати их (Евр. 2:11). Между тем, сам Он объясняет, кто суть братия Его: иже сотворит волю Божию, сей брат Мой и сестра Моя есть (Мк. 3:35). Очевидно, прямой наследник материнских молитв Богоматери есть тот, кто заповеди Божии исполняет. Впрочем, не о безгрешности здесь речь (ибо кто безгрешен?); Мать Божию и именуем все Заступницею грешных. Но каких грешных? – Тех, которые к вере православной сердечно привержены, и далеки от вольнодумства; чтут Божий закон, и боятся тяжких пороков; впадая в грехи, каются в них, и не продолжают упорно грешить; которые, сами видя «страстей своих смущение», взывают к Деве чистой: «Бурю утиши наших прегрешений, Богоневестная!». С таким, еще не погибшим, семенем пребудет доброе наследие молитв Богоматери.

То обстоятельство, что Она не оставила на земле вещественного наследства, внушает нам, какое и мы должны

готовить достояние своим наследникам. К сожалению, властвует над людьми предрассудок, будто богатство есть надежное всегда обеспечение для их родных и лиц любимых. Но как нередко сбывается предсказание древнего мудреца: чад грешных погибнет наследие (Сир. 41:9)! Бесчестно нажитое имущество не бывает прочно, не приумножается в руках наследников, и самое потомство худого родоначальника скоро пресекается. А иногда и небезчестно собранное достояние исчезает от расточительности порочных детей: ибо есть присловье, что дурному сыну не в помощь родительское богатство. Благодетие есть лучшее для потомков достояние предков. Кто иждивает свое имение на храмы Божии, на вспоможение бедным, на благотворительные учреждения, тот может быть уверен, что не допустит Господь до нищеты детей и родных его. В сем уверяет нас богодухновенный Давид, который говорит: «Был я молод и состарелся, и не видал праведника оставленного, и детей его просящих хлеба» (Пс. 36:25).

Такова судьба людей благочестивых. С семенем их пребудет доброе наследие на земле; а самих их ожидает наследие нетленно, нескверно, неувядаемо, соблюдаемое их ради на небесах (Пет. 1:4). Аминь.

31. Слово на день Успения Пресвятой Богородицы. (Четвертое)

Скажи ми, Господи, кончину мою, и число дней моих. (Пс. 38:5)

Успение Пресвятой Богородицы предвозвещено Ей было свыше. Однажды, когда Она на горе Елеонской молилась, архангел Гавриил возвестил Ей о скором Ее преставлении. Пречистая стала готовиться к Своему исходу, и чрез несколько дней последовало Ее успение.

Многие сгорают желанием узнать, сколько им остается жить; но весьма немногим бывает предвестие их кончины. Отчего же ангел смерти, всем угрожающий, редко кого предваряет о приближении смертного часа? И позволительно ли искать средств, чтоб предузнать свою кончину?

Жизнь Пресвятой Девы объясняет нам, почему Она была предварена об успении Своем. Она полна была даров духовных и добродетелей: в бедах спокойна, в нуждах не предавалась скорби, на огорчавших не гневалась, к бедным милосерда и всегда смиренна. Такая жизнь приближала Ее к небу и душа Ее стремилась отрешиться от тела и вознестись ко Господу. Именно об этом Она и молилась, когда предстал Ей вестник Ее славного успения.

Есть люди и ныне, которые более, нежели равнодушны к наслаждениям жизни земной, но весьма внимательны в потребностях своей души, и так препобеждают влечения чувственной природы, что ее грубость и дебелость постепенно менее препятствует им прозревать в высоту духовного мира. В теле, как в темнице, они воздыхают, в жилище небесное облещись желая (2Кор. 5:2). При таком настроении многие благочестивые люди сподобились предузнать свою блаженную кончину.

Могут быть и другие причины, почему иные получают предвестие о своей смерти. Падают и праведные; но чтоб не погиб их труд, Бог путем откровения их судьбы, спасает их от отчаяния. В Печерской лавре был подвижник Еразм. Он имел

большое богатство, и все употребил на украшение соборной Успенской церкви. Оставшись ни с чем, он впал в уныние, и стал жить рассеянно. Вскоре постигла его болезнь, и несколько дней он был как бы в беспамятстве. Но вдруг он встал здоровый, и поведал окружавшим, что ему явилась Пресвятая Богородица, и сказала: «За то, что ты украсил Мою церковь, возвеличу Я тебя в царстве Сына Моего. Встань от одра, и кайся: в третий день Я возьму к Себе тебя, возлюбившего благолепие дома Моего». – На третий день Еразм скончался¹⁶⁰.

Иногда и людям нечестивым свыше объявляем был угрожающий им конец. Конечно такое предвещание не награда им и не утешение, но начало того суда, о котором сказано: лежит человеку единою умереть, потом же суд (Евр. 9:27). В сем смысле должно понимать предвещание, данное скупому богачу, которое он уже не мог обратить в свою пользу: безумне, в сию ночь душу твою истяжут от тебе (Лк. 12:20). Людям жестоким и гонителям веры особенно угрожали такие страшные предвещения. Когда, впадши в ересь, греческий император Анастасий начал преследовать православных, и двух патриархов сослал в заточение, то в одну ночь во сне ему явился муж величественный и грозный, который, показав ему раскрытую книгу, и тут же изгладив из нее число четырнадцать, сказал ему: «Вот, за твое вероломство, я изглаждаю четырнадцать лет из жизни твоей». Через два дня Анастасий в лютых мучениях умер¹⁶¹.

Ясно, что предвещание смерти, объявляемое некоторым, есть орудие в руках промысла Божия, утешающего праведных, восстанавливающего падших, карающего нераскаянных. С другой стороны и неизвестность смерти, общая для всех, имеет по назначению Божию, свою спасительную цель. И теперь многие каяться во грехах отлагают до старости, хотя не знают, доживут ли до нее. А если б каждый знал, сколько ему жить, то и рассчитывал бы на последние годы жизни, думая тогда уже позаботиться о душе своей. Посему скрывает Господь время нашей смерти, чтобы ее неизвестность побуждала нас всегда готовиться к исходу из земной жизни и суду. Помни последняя твоя, и во веки не согрешиши (Сир. 7:39).

Если же сам Бог не хочет, чтобы каждый знал время своей кончины, то неизвинительны усилия людей суеверных, которые прибегают даже к темным средствам, чтобы угадать предел своей жизни. Шестой Вселенский собор¹⁶² подвергает правилу шестилетней эпитимии тех, которые, желая знать свою судьбу, обращаются к гадалцам и гадалщицам.

Однако святой Давид молился, чтоб ему сказана была его кончина. Что же? Молился, а не к гаданиям прибегал. Надобно еще вникнуть в сущность и цель молитвы его. «Скажи мне, Господи, – взывает он, – когда конец мой, и какое продолжение моих дней, чтобы я знал, как я ничтожен». Не потому просил сего Давид, чтобы пристрастен был к настоящей суетной жизни, но чтобы, видя быстротечность и краткость человеческой жизни, меньше привязываться к земле, и чаще очи возводить к Живущему на небеси (Пс. 12:2). Молитва Давида объясняется словами другого псалма: возжада душа моя к Богу крепкому живому; когда прииду и явлюся лицу Божию (Пс. 41:3).

А мы потому ли желаем предузнать кончину свою, что снедаемся желанием скорее достигнуть жизни будущего века? – Сколько между нами малодушных, которые по страху смерти и из пристрастия к настоящей жизни, ищут получить откуда-нибудь хотя слабое уверение, что им еще немало остается жить на свете! Бывают, по свидетельству Писания, и такие между людьми, которые, если б и получили предупреждение, что не прожить им долго, решаются короткий остаток своих дней отдать в жертву нечистым удовольствиям. Поощряя друг друга на худые дела, они говорят: станем есть и пить, ибо завтра умрем (2Кор. 15:32), и будем яко же не бывше (Прем. 2:1).

Но и без всяких предварений о дне кончины каждому должно быть известно, что не очень долго жить нам на земле, потому что смерть медлить не любит: помяни, яко смерть не замедлит (Сир. 14:12). Будем же, вместо прихотливых желаний в точности знать время кончины нашей, прилежно молиться, по руководству церкви, чтоб нам даровано было «прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати». Аминь.

32. Слово в день Успения Пресвятой Богородицы. (Пятое) Душа по разлучении с телом

Бысть же умрети нищему, и несену быти ангелы на лоно Авраамле. (Лк. 16:22)

На иконе Успения Божией Матери изображается Она как бы уснувшей. У смертного одра Ее предстоит Иисус Христос, окруженный ангелами и апостолами, и в Свои руки приемлет Ее душу, излетевшую в младенческом образе из Ее пречистого тела. Что же, это изображение есть ли мечта иконописцев, или соответствует действительному событию?

Нет, это не мечта художников. Предание повествует, что когда для Приснодевы Марии пришло время кончины, к смертному Ее одру нисшел Божественный Сын Ее, окруженный небожителями, и Она «неизреченно веселящаяся и аки сладким сном уснувши, предаде в руке Его пресвятую Свою душу. И тако торжественно от небесных чинов душа Ея бе проводима в горняя, руками Господними несомая. Провожаху же ю апостольская очеса, на видение то преславное смотрети сподобившаяся»¹⁶³.

Повествование о том, как душа Божией Матери была воспрята руками Господними, вполне соответствует и придает силу тому древнему верованию, что души людей благочестивых, по исходе из тела, приемлются ангелами и бывают ими сопровождаемы на небо. Такое верование было еще в ветхозаветной церкви и подтверждено самим Спасителем. В притче о богатом и Лазаре Он так изобразил блаженную кончину этого страдальца: «умер нищий, и отнесен был ангелами на лоно Авраамово». Не о теле это сказано, которое лежало бездыханно, но о душе. Так как ангелы посылаются Богом на служение или вспоможение тем, которые в сей жизни стараются и трудятся, чтобы наследовать спасение (Евр. 1:14); то они принимают и в час смерти телесной душу, Богу угодившую, и вводят ее в обители вечного спасения.

Отчего же при исходе души мы не видим ни ее, никого, кто бы ей сопутствовал, и об отшествии ее заключаем только

потому, что уже нет в теле дыхания и других признаков жизни? – Оттого мы сего не замечаем, что существо души неудобозримо, ибо она невещественна и как в теле пребывает невидимо, так неприметно и исходит из него. Но отсюда еще не следует, чтобы она не могла никогда и нигде быть видима. Ангелы суть духи бесплотные, однако ж являлись людям в образе человеческом. Так для утверждения нашей веры в жизнь загробную бывали, по устроению Божию, случаи, когда душа, по исходе из тела, принимала вид младенца, или иное какое-либо очертание, например, голубицы, вылетающей из уст. Святой Григорий Двоеслов, которого сильно занимал этот таинственный предмет, свидетельствует, что «многие из тех, которые очищали око ума своею чистою верою и плодоносною молитвою, часто видали души, исходящие из плоти»¹⁶⁴. Он рассказывает несколько тому опытов, и один из них довольно передать теперь. Преподобный Венедикт стоял ночью на молитве. В самую полночь вдруг показался необыкновенный свет. Преподобный подошел в окну, чтобы лучше рассмотреть это явление, и видит он душу Германа, епископа Капуанского, на огненном круге несомую ангелами. Он поспешно стал звать к себе бывшего в другой комнате диакона, который, вошедши, застал еще конец видения. Послали в Капую узнать, что делается с епископом Германом. Посланный нашел его уже умершим, и оказалось, что он скончался в ту самую минуту, в которую святой муж увидел его возносимым на небо¹⁶⁵.

Для каждого неизбежен час смертный, и какая душа верующая не пожелает, по разлучении с телом, быть отнесенною ангелами на лоно Авраамово, в царство небесное? Как же удостоиться сего? – Слыша о блаженной участи Лазаря по смерти, напрасно, однако же, кто бы подумал, что нужно для этого быть нищим и лежать в страданиях. Ни бедность сама собою не спасет, ни богатство не погубит. Мало ли нищих, погрязающих в пороках, на которых прострется грозное слово: Таковая творящий царствия Божия не наследят (Гал. 6:21)? Мало ли бывало богатых, которых за их добрые дела приняли небожители в свои вечныя крови (Лк. 16:9)? Божия Мать не была богатою, хотя при уважении к Ней современных христиан,

а главное, при всемогуществе Божественного Своего Сына, могла бы быть окружена благами мира сего; не была однако ж бедна до такой степени, чтобы в потребном нуждалась; напротив, другим в нуждах помогала. Ее скромную жизнь и довольство Своим состоянием, Ее терпение в скорбях, Ее чистоту в чувствах, мыслях и словах, глубокую и крепкую веру примем себе в руководство. Подражая сим Ее добродетелям, и мы возможем при исходе из сей жизни удостоиться сопутствия и водительства ангелов к горним обителям. Аминь.

33. Слово на день Успения Пресвятой Богородицы. (Шестое) Позволительно ли желать себе смерти?

Дерзаем и благоволим паче отъити от тела. (2Кор. 5:8)

В сказании о бессмертном успении Пресвятой Богородицы пишется, что Она сама желала кончины, и слезно молилась о Своем от тела разрешении¹⁶⁶.

Что же, можем ли и мы по Ее примеру желать себе смерти?

Вопрос этот для любящих жизнь может показаться странным. Но в том и дело, что не все и не всегда любят жизнь, не все пристрастны к ней. Больной, терзаемый долговременными страданиями, потерявший надежду выздоровления, сам желает, чтобы смерть скорее окончила его мучения. Человек, усвоивший себе вредные учения, увлекаемый страстями, смотрящий на жизнь, как только на время и средство наслаждения, но встречающий препятствия своим худым наклонностям, иногда и угрызаемый своими бесчестными поступками, сам начинает искать смерти, и как она не приходит, то несчастный решается даже на самоубийство.

Такое искание смерти безусловно преступно, ибо есть следствие отчаяния, которое влечет неизбежную и вечную гибель. Но и в болезни просить смерти не совсем извинительно; ибо это есть признак малодушия, недостаток надежды на Бога, который, попуская искушение, обещает нам и облегчение, чтобы понести (1Кор. 10:13).

Совсем иная побуждения у людей благочестивых, когда они желали своей кончины и молились о ее ниспослании. О сем воздыхаем, говорят они, в жилище наше небесное облещися желающе. Живуще в теле, отходим от Господа; дерзаем же и благоволим паче отъити от тела, и внити ко Господу (2Кор. 5:7,8). Не то здесь говорится, чтобы тело само по себе удаляло душу от Господа; но то, что, пребывая в теле, живя на земле, никто не достигает полноты боговедения, ибо верою ходим, а не видением, никто не может быть блаженным, ибо нет на земле полного счастья, а бедствия и скорби неизбежны, и доколе мы в теле сем, воздыхаем отягчаемы. Тяготясь сим бременем, души

благочестивые усиленно желали внити ко Господу, в Его вечные кровы, в небесное царство, где все видят Его, якоже есть (1Ин. 3:2), где нет ни печали, ни воздыхания. Для истинных рабов Божиих разлучение с телом не есть смерть, но преставление от печальнейших на полезнейшая и сладостнейшая, и на упокоение и радость¹⁶⁷; для них жизнь – Христос, и смерть – приобретение (Флп. 1:21). Посему апостол писал о себе: «Желание имею разрешиться, и быть со Христом; ибо это несравненно лучше, нежели оставаться во плоти» (Флп. 1:23,24). Так и Пресвятая Богородица пламенно молилась к Сыну и Богу своему, «да от сего плачевного удолия поймет Ю к Себе в горняя некончаемая радования».

Чем же приобретается дерзновение, чтобы так желать и так молиться? – Стремится девица из места воспитания в свой родительский дом, желая не только облобызать родителей, с которыми долго была в разлуке, но и порадовать их своими успехами и услышать от них похвалу, что было для нее немалым побуждением и учиться прилежно и вести себя неукоризненно. Горит желанием христианская душа взлететь в горнее отечество к Отцу небесному; но по сему самому во время земного воспитания не оставляет своей ревности, чтобы подвигом добрым подвизаться, возделывать данные ей от Бога таланты и получить от Него мзду. Назначение настоящей жизни требует, чтобы мы были верны своему призванию, чтобы исполняли свои обязанности. Апостол желал умереть, но хотел и еще пожить, ради своего проповедничества: еже жити ми телом, сие плод дела (Флп. 1:22). Объясняя сии слова, Златоуст говорит: «Значит настоящею жизнью должно пользоваться, чтобы приносить плод. Ежели же она бесплодна, то уже не жизнь. В нашей воле, жить хорошо, или худо. Но Бог дал тебе жизнь, чтобы ты жил для Него»¹⁶⁸.

Итак главная наша забота в том, чтобы неопустительно приготовляться к смерти покаянием и добрыми делами. Это самое мы внушаем себе сами, когда при богослужениях у Господа просим христианской кончины жития нашего не только безболезненной, но и непостыдной. Аминь.

34. Слово на день Успения Пресвятой Богородицы. (Седьмое) Об исполнении духовных завещаний

Обаче человеческого предъутвержденна завета никтоже отмечает. (Гал. 3:15)

Когда архангел Гавриил предвозвестил Божией Матери день Ее успения, Она дозволила, чтобы собрались к Ней сродники и знаемые, и объявила им свои последние желания. «Заповеда же о своих двух ризах, да даны будут двум вдовицам, яже Ей со усердною служажу любовию. Такожде и о пречестном теле Своем завеща, да в Гефсиманстей веси будет погребено»¹⁶⁹. Все сие в точности исполнено, и поныне верные поклоняются гробу Богоматери, близ места, где божественный Сын Ее принес свою предсмертную молитву.

Если от сего умирительного примера обратимся к настоящему течению дел, то нетрудно приметить, как поверхностно и слабо уважение к последней воле отходящих из сей жизни. Умирает человек и с ним оканчиваются его начинания, рассыпаются, как прах, его заветные желания. Родственники его стараются по-видимому соблюсти все погребальные обычаи, не только церковию благословенные, но по местам и суеверные, чтобы не навлечь осуждения от молвы людской; а между тем оставляют без внимания распоряжения почившего; даже бывает, что усиливаются уничтожить письменное его завещание, или уклониться от исполнения его, и предается ими навсегда забвению тот, кому сами просили петь «вечную память».

Не так следует поступать. Всякое завещание усопшего, не противное закону, должно быть свято исполняемо.

Апостол Павел, указывая на обычай уважать завещания, обычай всюду и издревле известный, говорит: человеческого предъутвержденна завета никтоже отмечает. Когда завещание дано, и оно не противоречит установлениям ни священным, ни гражданским, то не должно быть отменяемо, или дополняемо, или нарушаемо. Его обязательная сила опирается на взаимных отношениях людей. Кто связан с завещателем дружеством,

родством, полученными благодеяниями, или данным ему согласием исполнить завещаемое, тот и обязан сделать сие. Дети, как при жизни родителей, должны слушать их, так и по их кончине исполнять волю их. В книге Товита сохранилось его завещание, в котором он трогательно заповедует сыну похоронить его, почитать и покоить мать свою, удаляться греха, давать милостыню бедным, любить своих собратий, просить во всех делах успеха от Бога, и в заключение внушает: «помни, сын мой, заповеди мои, и да не изгладятся они из сердца твоего» (Тов. 4:19). В той же священной книге повествуется, как усердно исполнил почтительный сын завещание отца своего.

Изъявление последней воли умирающего имеет священное значение. Это есть не простое требование или препоручение, но мольба к ближним, соединенная с призыванием Бога Свидетеля и Судии. Часто завещатели Христом Богом заклиняют, чтобы не отвергнуты были их желания, чтобы не нарушены были их распоряжения. Завещания же письменные обыкновенно начинаются словами: «во имя Отца и Сына и Святого Духа». Посему христианское человеколюбие требует, чтобы к таким убеждениям внимательны были те, к кому они обращены. Как утопающий, не имея сил бороться с волнами, взывает о помощи, так и умирающий, бессильный, видя, что пришло ему время все оставить, выражает желание своего сердца пред теми, на распоряжение которых надеется. «Не может усопший представить дел милосердия? Не может уже творить милостыню? Но можешь ты за него»¹⁷⁰, и особенно, если он оставил, что подать. Души отшедшие и в загробной жизни не престают желать, чтобы их завещания непременно исполнялись. Один благочестивый старец поведал, что ему некогда случилось проходить мимо усыпальницы, и видит он, что стоит там человек недавно похороненный, черный, как уголь. Мертвец, подозревая его, проглаголал: «Мною написано в завещании, сколько раздать на избавление души моей; но не дали ничего. Скажи, чтобы отдали: ибо если сего не сделают, таким я останусь, как видишь»¹⁷¹. Надобно посему полагать, что души томятся, если ими завещанное не исполняется, и получают отраду, как скоро приводится в исполнение.

Но и верные исполнители завещаний не забыты у Бога. Доброе дело приносит свой плод. В Священном Писании, нам в наставление, повествуется о Рехавитах, которые, получив от своего родоначальника Ионадава завещание, между прочим, о том, чтобы не пить вина, хранили строгое воздержание. Для их испытания пророк, по повелению Божию, поставил им полные чаши; но они пить отказались. Тогда объявлено им благоволение Божие в том, что не отнимется в их роде муж, «предстоящий пред лицом Всевышнего во все дни» (Иер. 35:19).

Да хранит вас Господь от рановременной утраты близких вашему сердцу и родных. Но если бы кому тяжело больной расположился доверить свои предсмертные распоряжения, долг человеколюбия требует успокоить умирающего и ответить, как Товия своему отцу: «исполню все, что ты мне завещаешь» (Тов. 5:1). Аминь.

35. Слово на день Успения Пресвятой Богородицы. (Восьмое) Восхваление живых

Темже прежде времени ничтоже судите. (1Кор. 4:5)

В одной богослужебной книге пишется: «Пречистыя Девы Марии и Богородицы всего лета различная празднования и чествования церковь совершает; но праздник Успения Ее всех превосходит»¹⁷². Праздник этот читается предшествующим двухнедельным постом; совершается с преимущественным церковным великолепием; песнопения службы успенской отличаются особенною умиленностью и силою, и продолжается празднование Успению долее других Богородичных праздников, девять дней. К сему должно припомнить, как много существует храмов приходских, соборов и монастырей, именуемых «успенскими».

В той же церковной книге указана и причина, почему день Успения поставляется выше других праздников Богородичных: «Понеже никтоже прежде смерти достойне блажим бывает». Как бы ни велики были достоинства человека, беспристрастная и полная оценка его действий и заслуг может быть только после его смерти; прославление живого преждевременно.

Пресвятая Дева Мария, как избранная Матерь Божия, как благословенная в женах, «и прежде успения бе достойна блажима быти». Хотя о Своем ублажении Она и сама предрекла (Лк. 1:48); но Ее достоинства и добродетели сокрыты были под покровом Ее смирения и не видно, чтобы при Ее жизни восписуемы были Ей какие-либо восхваления. Ее прославление на небе и на земле настало после Ее кончины. Самое Ее успение сопровождалось дивными чудесами. Оно предвозвещено было архангелом; к Ее смертному одру явились апостолы, из разных стран на облаках принесенные; святую душу Ее, видимо для окружающих, принял сам Божественный Сын Ее, и всечестное Ее тело в третий день воскресло. Затем в последующее время церковные писатели восхвалили Ее жизнь, добродетели и подвиги, речами, сказаниями и песнопениями, – Ее чистоту и целомудрие, трудолюбие, пребывание в молитве,

пощение, терпение, милосердие, Ее кротость и смирение. И поныне «слава Ее боголепная богоподобными сияет чудесы»¹⁷³.

Некогда Коринфяне восхваляли апостола Павла, как своего учителя. Труды его проповеднические вполне сего были достойны. Но он ограничивал своих хвалителей. «Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы (1Кор. 4:3). Не судите никак прежде времени, пока Господь не осветит сокрытое во мраке и не обнаружит намерения сердечные» (1Кор. 4:5).

В сокровенности души заключается главная причина, почему неудобно прославлять и достойных при жизни их. Деятельность человека имеет внешнюю, для посторонних удобопознаваемую сторону, и таинственную, в глубине души лежащую. Почему и сказано: кто весть от человек, яже в человеце, точию дух человека, живущий в нем (1Кор. 2:11)? Дела его наружные могут быть достохвальны, а побуждения сердечные и цели предосудительны. Посему иногда то, что иные предпринимали, как казалось, для общего блага, по причине их скрытого и хитрого своекорыстия, сопровождалось впоследствии великим вредом. Разве не были превозносимы похвалами, как благодетели человечества, такие общественные деятели, которые потом оказывались разорителями многих, обманутых ими, лиц и семейств? Очень нередко развращенные сердцем скрывают под личиною добродетели свои страсти и пороки, и, наоборот, лица высокой нравственности, избегая славы человеческой, таят от взора посторонних доблести души своей. Представим себе двух нищих. Один сидит, прося милостыню ради Христа и творя молитву. Болезненный вид его и худая одежда убеждают всякого, что это раб Божий, проводит жизнь в нужде и терпении. Умирает он, и в его рубищах находят зашитые деньги. Ясно, что, алкая и претерпевая лишения, он работал не Богу, а идолу корысти. Так наружность обманчива. Другой нищий просит богатого, но благочестивого человека, чтобы тот позволил ему привить при воротах своего дома. Нищелюбец позволяет и дает ему пропитание; но странник все получаемое отдавал другим нищим, а сам довольствовался только хлебом и водою. Предаваясь молитве и другим духовным занятиям, терпя от прислуги насмешки, он

семнадцать лет провел в своем подвиге. Когда он умер, кончина его ознаменовалась чудесами, и открылось, что это был родной сын того, при доме которого жил, – Алексей, человек Божий¹⁷⁴. Так Господь прославляет истинно достойных славы.

Искать славы, яже от Бога (Ин. 5:44), спасительно, и сподобиться ее, для души вожделенно; а домогаться в обществе прославления суетно и тщетно. Многие как бывают неудержимы в своем порицании ближних, так неумеренны в восхвалении тех, кого хотят или имеют надобность хвалить. Простое исполнение долга, благотворение, хотя и значительное, но по состоянию благотворителя, ничего для него не значащее, предначинание чего-либо общепольного, не требовавшее, впрочем, от начинателя ни ума, ни труда, – все это толпа хвалителей возводит в подвиг, великое дело. Наступает какой-нибудь знаменательный день в жизни и службе начальника. Являются к нему подчиненные с приношениями и речами; в лицо ему превозносят высокие качества его души, излагают последовательно его похвальные мероприятия и деяния, описывают свое счастье быть под его управлением. Но за порогом его дома некоторые из этих самых хвалителей начинают говорить совсем противоположное. На замечание, что это двоедушно, не искренне, они отвечают, что они приходили к начальнику его приветствовать, сказать ему приятное, а не порицать его; заочно же можно о ком угодно говорить правду. С своей точки зрения такие судьи правы; ибо каждый начальник имеет свои достоинства и недостатки, и нет человека без греха. Только остается признать за несомненное то, что прославление лиц, хотя и достойных, но живых, едва ли может быть чуждо односторонности, преувеличений и лести. По замечанию святого Григория Богослова, тех хвалить ничто не препятствует, «которые уже переселились от нас, которым и льстить уже поздно, потому что они оставили, как все прочее, так и хвалителей и порицателей»¹⁷⁵.

Если кто, трудясь ради Бога и ища горней славы, при успехах своей общепольной деятельности, колеблется мыслию и о прославлении от людей, тот да примет предостережение от святого Златоуста, который поучает: «Желающему той и другой

славы невозможно получить той и другой вместе. Правда, можно достигнуть и той, и другой, но только в том случае, если будем желать не обеих, а одной небесной, если будем убегать славы человеческой»¹⁷⁶. Отцы ублажение в лицо не только признавали опасным «для того человека, которого имя выше дел его», но и думали, что «оно вредит и достигшим в меру духовного преуспеяния»¹⁷⁷. Все же мы, не позволяя себе осуждать ближних, будем осмотрительны и правдивы и в похвалах им. Надобно при случае умолчать, а не льстить, помедлить осуждением, а не руководствоваться человекоугодием. Прежде времени ничтоже судите. Аминь.

36. Слово на день Успения Пресвятой Богородицы. (Девятое) Неодобрительные похоронные обычаи

Умре же и богатый, и погребоша его. (Лк. 16:22)

Успение есть кончина, смерть, за которую следует погребение. Ныне мы воспоминаем Успение Божией Матеря. Какое же было Ее погребение?

Когда пришло время, апостолы подняли одр с пречистым телом на свои рамена, и шествие направилось в Гефсиманию. Впереди Иоанн Богослов нес райскую ветвь, которую дал святой Деве архангел Гавриил, предсказав Ей кончину. Несомый одр сопровождали священнослужители с кадилами, и верующие с возженными свечами. На всем пути возглашалось исходное пение; Петр апостол предначинал псалмы и другие песнопения; прочие пели, часто повторяя «аллилуия». Дошедши до погребальной пещеры, положили туда одр, с пречистым телом, которому воздали последнее поклонение, продолжая еще потом псалмопения¹⁷⁸. Так просто, но благочестно и умирительно совершилось Ее погребение.

Представим себе нынешние похоронные обычаи: вполне ли соответствуют они древней христианской церковности – простой, чистой и трогательной? Не говорим о людях невежественных, которые унижают достоинство христианского погребения, присоединяя к нему суеверные действия; посмотрим на то, чем христиане небедные и образованные стараются почтить своих покойников.

Древний обычай нести тело на руках (Лк. 7:12) до могилы, соблюдаем был повсеместно и у нас; он служит выражением любви родных и знакомых к умершему. Ныне по городам вошла в употребление печальная колесница: она печальная не потому только, что на ней возлагается жертва смерти, но и потому, что с своими украшениями и принадлежностями представляет грустную картину мирской суетности, неуместной пышности и тщеславия. Похоронную колесницу окружают факелоносцы и другие приставники, в одеянии, не свойственном священному делу, которые не снимают своих шлемов и пред святыней.

Народ толпами собирается, только не для того, чтобы воздохнуть к Богу о новопреставленном, а чтобы посмотреть на это движущееся зрелище и, быть может, похвалить распорядителей, если они не пожалели для него издержек. В притче сказал Господь: умре богатый, и погребоша его. Нет сомнения, что похороны эти по своему времени были великолепны, и не забыто было ничего, чтобы почтить богатого покойника; но Спаситель оставляет все это без упоминания, а внушает только нам, что этот богач, сый в муках, и увидев Лазаря в блаженном состоянии, возымел надежду получить чрез него прохладу, и не получил желаемого. Прямое отсюда заключение, что пышность похорон не поможет умершему. «Честь для него, – говорит святой Златоуст, – составляют священные песни и псалмопения и добрая жизнь. Такой человек отходит отсюда с ангелами, хотя бы никого не было при его останках. А человек развратный, хотя бы целый город провожал его, не получит от сего никакого плода»¹⁷⁹.

Правда и у нас исполняются погребальные песнопения, по чину священного отпевания. Но как исполняются? – Апостолы три дня при гробе Богоматери совершали молитвы и псалмопения. А у нас и краткое отпевание для иных отяготительно. Они или выходят из храма, или, стоя у гроба, позволяют между собою разговоры. Эта холодность к душе отшедшей произвела то, что и самый чин погребения отправляется сокращенно; не только не поются, но и не читаются песнопения «за усопшего, необходимейшие, – как заметил один церковный писатель¹⁸⁰, – к умолению Бога». Вместо полезных, для души отшедшей, песнопений, вошло ныне в обычай говорить надгробные речи, в которых допускаются напряженные и преувеличенные похвалы умершему, а иногда и выражения, достойные смеха.

К числу нынешних похоронных обычаев относится и украшение гробов цветами. Несена была при погребении Богоматери живая пальмовая ветвь. Но и та ветвь была необыкновенная, ибо испускала отблеск света неземного; и значение ее особенное: она была предвестием, что Приснодева «и по смерти жива», и вечно пребудет во свете неувядаемой

славы. Покрывающие же своих покойников цветами, что отвечают, для чего это делают? Одно, что так ныне принято, из уважения к умершим. Но и язычники, не имея упования жизни будущей, для прославления своих мертвецов, между прочим, украшали их бездушные тела живыми цветами и зелеными венками. Достоин ли такой обычай подражания, показал святой Григорий Богослов, который при погребении своего брата Кесария, во всеуслышание говорил: «Прочь от меня с теми языческими обрядами, в которых насыпями, приношением начатков, венцами и свежими цветами упокоивали усопших человеков, покоряясь более отечественному закону и неразумию горести, нежели разуму»¹⁸¹.

Скажут: изменить современные обычаи не от нас зависит. – Но в нашей воле не во всем им следовать. Никто не обязывает делать то, что несогласно с духом и правилами православной церкви. «Ты хочешь почтить умершего? – Почти его милостынями, благотворениями, литургиями»¹⁸². По смерти кого-либо из присных созывай нищих, проси священников молиться, чтобы умерший получил упокоение, чтобы Судия был милостив к нему¹⁸³. Из собственного его имущества, или из твоего, из чего хочешь, окажи ему помощь. Он не может представить своих дел милосердия: пусть будут родственные. Не имеет совершенных им самим: пусть будут совершаемы за него»¹⁸⁴.

Но как всем неизбежно умирать, то каждому самому нужно готовиться в смерти. И в этом нас руководит пример Богоматери. Она уготовляла Себя не только святостию и молитвою, но и благотворениями. Что имела, Сама раздавала, и две Свои последние одежды завещала отдать вдовицам, которых содержала на Своем иждивении. Постараемся и мы хранить чистоту душевную, удаляясь от грехов; будем употреблять на пользу ближних то, что имеем и приобретаем; до конца дней наших пребудем верными чадами православной церкви, чтобы по исходе нашем заупокойные о нас молитвы оказались полезными душам нашим. Аминь.

37. Слово на день Успения Пресвятой Богородицы. (Десятое) Желание скорой кончины

Желание имый разрешитися, и со Христом быти, мною паче лучше. (Флп. 1:23)

Божия Мать сама желала, чтобы незамедлительно послан был Ей конец земной жизни. Однажды, когда Она о сем прилежно молилась, предстал Ей архангел Гавриил, и возвестил, что чрез три дня исполнится Ее желание¹⁸⁵. Как предсказано, так и последовало Ее блаженное успение.

Не может ли каждый из нас, подражая общей нашей Матери и Заступнице, желать себе скорой кончины?

Желание смерти достохвально или предосудительно, смотря по тем побуждениям, от которых оно проистекает.

Желают смерти те самоубийцы, которые с намерением и с сознанием на себя руки налагают. Но такое желание противоестественно, ибо никтоже когда свою плоть возненавиде (Еф. 5:29), – почему и не дано нам особой заповеди о хранении жизни. Однако ж решимость насильственно прекратить ее законопреступна. Жизнь нам дана Тем, Кто мертвит и живит (1Цар. 2:6); и мы должны отдать отчет за нее до последнего естественного ее предела. Кто покушается на себя, тот восстает против Божия установления и изобличает в себе признаки неверия, гордости и отчаяния. Такие несчастные или совсем не верят в будущую жизнь, осуждая себя на ничтожество, и говоря: самослучайно есмы рождени, будем, якоже не бывше (Прем. 2:2), или сомневаются, что самоубийство непростительно, и не верят в угрожающее им осуждение, а обольщают себя мечтою, что получают прощение, насильственно отворив пред собою двери гроба и самовольно оставив подвиги земной жизни, тогда как и подвижник не увенчивается, если незаконно будет подвизаться (2Тим. 2:5). Они горделиво почитают себя властными распорядителями своей жизни, пренебрегая Того, Кто дает всем жизнь и дыхание (Деян. 17:25). Недовольные собой и судьбой своей, они ропщут, доходят до отчаянной

мысли, что им незачем жить, и при новых неудачах ищут смерти.

Впрочем, бедствия иногда так продолжительны и жестоки, что ослабляют терпение человека верующего, возбуждают в нем желание смерти. Бывают, например, такие тяжкие болезни, что больные не знают ни на один час покоя, непрерывно мучаются, и поэтому желают, чтобы смерть поскорее прекратила их страдания. Это желание, хотя в нем есть недостаток мужества, по немощи нашего естества извинительно и не богопротивно, доколе не уничтожает в душе преданности воле Божией.

Желание смерти является, как доблесть души, когда оно проистекает из побуждений веры и любви к ближним. По учению Христову, нет больше любви, если кто душу за братьев своих положит (Ин. 15:13). Одушевляемые самоотвержением – готовы на смерть. Старец Елеазар, восстав с семейством Маккавеев на защиту отечества, говорил окружавшим: «мужественно расстаюсь я с жизнью, и оставляю добрый пример юным охотно умирать за досточтимые законы (2Мак. 6:27,28). Так и ныне многие идут на войну, побуждаемые достохвальным желанием принести свою жизнь на жертву отечеству. – Венец мученичества также достигается решительным желанием смерти, которое поощряет сам Господь, сказав: Иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю (Мк. 8:35). Все мученики, Христа «ищуще, страдальчествовали; умирали за Него, чтобы жить с Ним». «Я связан за Христа, – писал христианам Игнатий Богоносец. – Я горю желанием умереть за Него. Лучше принять смерть за Христа, нежели царствовать над всею землею»¹⁸⁶.

Жизнь со Христом есть высшее побуждение для христианина желать себе перехода в вечность. Все святые подвижники и Божии угодники, почитая тело темницею души и землю страною пришельствия, горняя мудрствовали, вышних искали, идеже есть Христос (Кол. 3:1,2). Апостол Павел рассуждал, что оставаться ему в теле нужнее для проповеди евангельской, для блага новообращенных в христианство; но несмотря на это святое призвание, он не мог победить в себе

желание отрешиться от тела. Почему же? Чтобы быть со Христом. Это, по его убеждению, «несравненно лучше». Посему и свидетельствовал о себе: Дерзаем и благоволим паче отъити от тела и внити ко Господу (2Кор. 5:8). Так Божия Матерь желала Себе кончины, не по причине скорбей житейских, ибо когда они находили, их мужественно переносила, – но «объята бысть желанием непрестанным, еже видети превожделенное лице Сына Своего и с Ним на небесех жити». Посему и Гавриил архангел, возвестив Ей успение, – «ждет, рече, Сын Твой и Бог наш пояти Тебе в горнее царство, да живеши и царствуеши с Ним в бесконечные веки»¹⁸⁷.

Если мы еще не возросли до той высоты, чтобы, презирая земное, стремиться к небесному; если не можем препобедить в себе привязанности в сей жизни: то предостережемся, да не нази обрящемся (2Кор. 5:3) от добрых дел, когда определением Божиим позваны будем в другой мир, и позаботимся «прочее время живота нашего в покаянии скончати». Аминь.

38. Слово на день Успения Пресвятой Богородицы. (Одиннадцатое)

Праведник, яко финикс, процветет. (Пс. 91:13)

Приснодева Мария почитала для себя вожденною кончину, желая пребывать в иной жизни с Божественным Своим Сыном. Однажды, когда Она по обычаю совершала молитву на горе Елеонской, и о сем молилась, предстал архангел Гавриил, и возвестил Ей, что чрез три дня последует Ее успение; при чем вручил Ей финиковую ветвь, о которой сказал, чтобы Она была несена пред Ее гробом. Возвратившись домой, Божия Мать поведала Иоанну Богослову, у которого жила, о бывшем явлении, и завещала, чтобы он нес эту райскую ветвь пред Ее погребальным одром; что в точности было исполнено¹⁸⁸. Согласно сему священному преданию, на иконе погребального шествия в Гефсиманию с телом Богоматери, Иоанн Богослов изображается несущим впереди пальмовую ветвь.

Откуда же взял, и как мог принести эту ветвь ангел, по существу бесплотный? – Предание не говорит о сем. Но если Бог может, Как сказано, и «из камней воздвигнуть детей Аврааму» (Мф. 3:9); то по Его же воле и всемогуществу являлись ангелы в человеческом образе. Они ходили, говорили, пели, держали в своих руках вещи, как люди, не призрачно, а действительно. Посему и архангел Гавриил подал Богоматери пальмовую ветвь, свежую, с живого дерева снятую.

Вместо изысканий неразрешимых, предложим вопросы, не бесплодные для ума и сердца. Какое значение имела финиковая ветвь, поданная ангелом Божией Матери? И какое отсюда назидание для нас?

Пальмовое дерево, по своей крепости, постоянной зелени листьев, по цветам и плодам, издревле служило указанием превосходства, победы, торжества и бессмертия. Иисуса Христа, при входе Его во Иерусалим, «людие сретоса, ваиа от финик в руках держаще», как знамение Его победы над смертью и Его воскресения¹⁸⁹. Подобно сему и финиковая ветвь, с которою ангел явился Божией Матери, была знамением Ее

превосходства, Ее торжества над телесною смертию и блаженной жизни со Христом. «Ты будешь жить и царствовать с Ним вечно», – возвестил архангел. И действительно, чрез три дня после Ее погребения, апостолы, открыв Ее гроб для утешения Фомы, тела Ее не нашли; но увидели Ее на воздухе, окруженную небесными силами и сияющую Божественною славою.

Вошло ныне в обычай окружать гробы покойников зеленью и цветами. Какой духовный смысл соединяется с этим обычаем, еще не объяснили те, которые ему следуют. Быть может, тут имеется в виду и то, чтобы запах тления заглушать благоуханием растений. Но печальная действительность дает себя чувствовать, и нередко бывают нужны более сильные средства, чтобы менее ощущалось зловоние, исходящее из гроба. Если при погребальном одре Богоматери была пальмовая ветвь, то есть здесь глубокий смысл: ветвь эта служила указанием, что Она превосходила всех людей Своими совершенствами. Ее жизнь была поучительным выражением того, что сказано в Писании: Праведник, яко финикс, процветет. Цветет он своею верою и любовью. Как пальма покрывается бесчисленными цветами и потом прекрасными плодами; так человек благочестивый украшается добродетелями и духовными подвигами, которые служат и к назиданию других. Труды его пойдут за его гробом и в иную жизнь. Блажени мертвии, умирающие о Господе. Дела бо их ходят в след их (Откр. 14:13). Тайнозритель видел их, стоящих пред престолом и пред Агнцем: они облечены были в белые одежды и в руках держали финиковые ветви (Откр. 7:9). Одежды белые означают, что они сохранили чистоту веры до конца; а пальмовые ветви служат знаком, что они мужественно перенесли скорби земной жизни, были победителями греха и ревностными поборниками правды и добра.

Не помогут покойнику цветы и венки, которыми украшает гроб его усердие близких к нему лиц. Пока мы живы, примем урок от ветвей зеленеющих, цветущих и плоды приносящих. Требуется и от нас духовное цветение и плодоприношение, – правая вера, чистое сердце, любовь, терпение и доброе житие.

Сим путем приобретается неувядаемый славы венец (1Пет. 5:4), как сам Мздовоздаятель изрек: Буди верен до смерти, и дам ти венец живота (Откр. 3:10). Аминь.

39. Слово на день Покрова Пресвятой Богородицы¹⁹⁰

Сынове человечести в крове крилу Твоею надеяться имут.
(Пс. 35:8)

Промысл Божий всегда бдит над нами, и чтобы мы не унывали, а надеялись, проявляет себя иногда в знамениях и чудесах. Побуждением к надежде на помощь свыше служит и событие, нынешним праздником воспоминаемое.

Во время всенощного бдения на первый день октября, во Влахернском храме, святой Андрей и ученик его Епифаний видели Божию мать, идущую от царских врат, по воздуху, в сопровождении апостолов и других небожителей. На середине храма Она остановилась, и коленопреклоненная молилась за народ православный; потом взяла в Свои руки покрывало, которое было на главе Ее, и простерла покров этот¹⁹¹ над предстоявшими тогда в храме.

Святой Давид, указав на то, что Господь не только людей, но и животных милует и хранит, в предведении восклицает: «Сыны человеческие под осенением крыл Твоих будут покойны». Они живут без боязни и спокойно, предаваясь промыслу, и если б угрожала какая опасность, уповают от нее укрыться в крове Бога небесного. Кокош собирает около себя птенцов, и они, когда чего испугаются, спешат под ее распростертые крылья. И над нами простерт вышний покров, под которым все скорбящие и бедствующие могут найти себе убежище и защиту. То, что видел святой Андрей, было проявлением покровительства Царицы небесной роду христианскому. Мать Спасителя нашего, бывши началом нашего спасения, являет Себя и посредницею Его о нас промышления, «подательницею божественные благодати». В сем нас уверяют чудотворные иконы Ее, в том числе и чтимая в нашей области, Касперовская. Покров, которым осенила некогда Божия Мать молившихся в храме Влахернском, простирается и на все страны православные. Сим ободряемые «под кров Твой, Владычице, мы земнороднии прибегаем».

Но все ли прибегающие получают, чего ищут и желают? Каких сынов человеческих святой Давид разумел, о которых предсказывал, что они в крове крыл Всевышнего будут покойны? – Этих сынов человеческих псалмопевец, противопоставляя пребеззаконному (Пс. 35:2), и на ложи своем умышляющему беззаконие (Пс. 35:5), далее отличает, как ведущих Бога (Пс. 35:11) и правых сердцем. Следовательно, по слову пророка, надеяться имут в крове крыл Всевышнего только души верующие, кающиеся, благочестивые. Так и благодатная ткань покрыва Богородицы, простертая всюду, хотя ниспускается и на грешных, но таких, которые каются во грехах своих, не хотят погрязнуть в пороках и помышляют об исправлении своей жизни. Несомненно, что в тяжелые дни, когда стала угрожать нам губительная болезнь, не одна какая-либо душа христианская, а и многие благочестивые жители града сего воздохнули о своей судьбе к Богу, приходили в храмы с сокрушенным сердцем, и слезно молились об избавлении от напасти. В сии дни Пречистая Владычица осенила нас пришествием Своего чудотворного образа, и мы слышим, что становятся реже случаи заболевания. Возблагодарим Царицу небесную, и постараемся быть достойными Ее милости, сердечно взывая к Ней: «Премени на радость печаль нашу¹⁹². Спаси нас, к Тебе прибегающих»¹⁹³. Аминь.

40. Слово в день празднования Курской иконе Знамения Пресвятой Богородицы. (Первое)

И рече Господь к Моисею: доколе преогорчевают Мя людие сии? И доколе не веруют Мне во всех знамениях, яже сотворих в них? (Чис. 14:11)

Кому из жителей сего града и здешнего края не известна икона Знамения? – Но всякому ли известно, почему она так называется?

Не бесполезно для незнающих изъяснить, а знающим напомнить, что означает и что нам внушает это название.

Икона Знамения весьма древняя. На ней изображены Богоматерь, молитвенно подъемлющая длани, и на лоне Ее Предвечный Младенец. Икона сия первоначально прославилась в Новгороде, где стояла в церкви всемилостивого Спаса. Во времена удельных междоусобий, в двенадцатом веке, соединенные войска нескольких князей подступили к Новгороду. Осажденным жителям его угрожала гибель неизбежная. В одну ночь тогдашний новгородский архиепископ услышал голос, повелевающий ему взять эту икону и, вознести на городскую стену. Объявив гражданам видение, он послал священнослужителей за иконою, а сам в соборе начал молебен; но посланные скоро возвратились, и с ужасом поведали, что она не двигалась с места. Все отправились в ту церковь, и в горьких слезах стали пред образом совершать молебствие. Когда запели: «Предстательство христиан непостыдное», икона заколебалась. Народ взывал: «Господи помилуй», а святитель принял икону на свои руки. Принесли ее на городовое укрепление, и там поставили ликом против неприятелей. Тучи стрел носились над осажденными. Одна стрела вонзилась в икону: тогда лик Пречистой Девы обратился к городу, и из очей Ее слезы падали на ризы святителя. В умилении архиепископ воскликнул: «Царица! Ты даешь нам знамение, что так прилежно молишься об избавлении нашем!» Вслед за сим в войсках неприятельских произошло смятение: враги стали поражать друг друга и обратились в бегство. От сего события

усвоено иконе имя Знамения, и упрежден праздник в двадцать седьмой день месяца ноября.

Спустя более ста лет после сего события, в здешней окрестности, один зверолов нашел в лесу образ и, подняв его, увидел, что это икона Знамения. На том месте, где она лежала, показался источник воды. Слух о ее обретении привлек множество народа; а последовавшие чудеса подтвердили, что икона чудотворная. На месте ее явления построена была часовня, и приставлен священник. Но вскоре крымские татары часовню сожгли, икону рассекли на две части, а священника увели в плен. Выкупленный потом из плена, он возвратился на место, где была часовня, и к удивлению нашел там обе половины раздвоенной мечем иконы. Он сложил обе части, и они мгновенно срослись в одну целую доску. Малая и тонкая черта раздвоения, доныне с одного конца видимая, служит свидетельством, что икона была разделена, но что части ее не искусственным способом, а сверхъестественною силою совопились воедино. Это и соединение иконы Курской также осталось навсегда ее знамением, как слезы были знамением иконы Новгородской.

Есть люди, которые на сии и подобные повествования священные набрасывают тень темного предания, и мало верят им. Доказательства истины, совершенно успокоительные для верующих, нисколько не удовлетворяют неверующих. Но как губительно такое неверие, достаточно указать на один опыт в судьбах еврейского народа.

Исход этого народа из Египта был почти непрерывным рядом чудес. Однако ж израильтяне, скучая постною пустынною пищею и вздыхая о египетских мясах, стали роптать на Моисея и на Бога. Несколько успокоенные, уже подходили они к земле обетованной. Но чревоугодие и чувственность постепенно повергают человека в малодушие и неверие. В виду земли, текущей медом и млеком, вероломный народ колеблется мыслию, не лучше ли опять возвратиться в Египет, в землю рабства? Тогда Господь говорит Моисею: «Доколе будет пренебрегать Меня народ сей? И доколе не будет Мне верить при всех тех знамениях, которые делал я среди его?» Сколько

после сего упрека ни ходатайствовал Моисей за свой народ, Бог народов и вождей изрек Свой приговор: «Все, которые видели знамения Мои в Египте и в пустыне, и не слушали гласа Моего, не увидят земли обетованной; все пренебрегшие Меня, не увидят ее» (Числ. 14:22, 23). И действительно, все, вышедшие из Египта, кроме двух человек, положили свои кости, во время сорокалетнего странствования в пустыне.

Остережемся, как бы не случилось что-либо подобное и во время нашего земного странствования. Много в нашем отечестве было знамений и чудес; бывали они и в наши дни. Знамения сии внушают нам чтить истинного Бога, Который есть один, творящий чудеса (Пс. 74:15). Если кому и не вполне известны подробности и доказательства, как совершилось то, или другое чудо, во всяком случае лучше верить, нежели не верить. Ибо вера есть опора души и основание надежды; а неверие есть разрушение спасительных убеждений и путь к отчаянию. Кто верует всему, что Бог сказал и сделал, тот с упованием прибегает и к заступлению Пречистой Богоматери, и спокойнее смотрит на свою будущность. А какая будущность, в ком и в чем успокоение для тех, для которых, чрез неверие, все погибло?

Итак не достаточно знать, что существует икона Знамение; а надобно верить, что это есть действительно знамение Божией благодати (Пс. 85:17), воздвигнутое среди нас для ободрения нашей надежды, для руководства нашего ко спасению.

В таком духовном, устройении, «честного Твоего образа знамение празднующе, Богородительнице, верую Тебе взываем: Радуйся, Дево, христиан похвало!»¹⁹⁴ Аминь.

41. Слово в день празднования Курской иконе Знамения Пресвятой Богородицы. (Второе)

И другим градовом благовестити ми подобает царствие Божие. (Лк. 4:43)

Известно, что чудотворная икона Знамения, нарицаемая Курская, обретена в здешней окрестности жителем Рыльска, и первоначально переносима была в тот город; но там не осталась и, несмотря на усилия граждан удержать ее, чудесным исчезновением возвращалась на место своего явления.

Наблюдательные к путям промысла Божия могут прийти в недоумение: почему же икона Знамения не осталась в том городе, а чудесно возвращалась на прежнее место?

Скажем ли, что тогдашние жители города Рыльска были грешны и недостойны такой святыни, а будущие жители здешних мест, тогда еще пустынных, будущим благочестием своим наперед вызвали сию милость Божию? – Избави нас Бог от такого фарисейского тщеславия и осуждения других. Уже то служит к похвале городу Рыльску, что одним из его жителей и обретена икона. А их общее усилие удержать ее у себя прямо свидетельствует об их вере и благочестии: ибо цель их была та, чтобы пред новоявленной святыней всегда молиться и ее заступлению вседушно предаваться. Желание очевидно святое; но тем удивительнее, почему в населенном городе том икона не осталась и скрылась сюда в пустыню.

Пришел Господь во град Капернаум. Там Он проповедывал Евангелие и исцелял больных, какие были в городе, в том числе и тещу Петрову от горячки. Его учение и чудеса так привлекли к Нему капернаумских жителей, что когда Спаситель отходил от них в пустыню, они старались удержать Его, просили, чтобы не оставлял их. Но Христос им сказал: и другим градовом благовестити ми подобает царствие Божие, и из пустыни уже не возвратился к ним, а начал проповедывать в пределах галилейских.

Приспособительно к сему обстоятельству, можно угадывать цель промысла Божия, почему чудотворная икона Знамения не

осталась в городе Рыльске, а возвратилась в здешнюю область. Не водворилась бы эта святыня здесь, если б наши окрестности обречены были на всегдашнее запустение и неудобны были к населению: ибо чудеса бывают не для мест пустынных и безлюдных, а для вразумления и спасения людей. Подобало сей явленной иконе, да благовестит и другим градовом царствие Божие. И действительно, сделавшись известною по своим чудотворениям, она в престольном граде Москве, в Путивле, в Белеграде, и особенно в окрестностях Курских благовествовала силу веры православной, и способствовала в нашем крае процветанию благочестия христианского. Нынешний, значительный город Курск обязан ей своим существованием. Разоренный татарами, он пришел в совершенное запустение, так что, когда явилась икона Знамения, на том месте, где мы теперь, рос дремучий лес. Но царь Феодор Иоаннович, узнав, какими икона эта ознаменовалась чудесами, и сам пожелал воздать ей поклонение, и дал повеление снова населить до основания скрытый город Курск. Ее защите он был обязан и своим спасением от осады ляхов, после чего устроен на этом месте монастырь. А кто из нас не знает и не видит, какое стечение народа из разных, даже отдаленных мест бывает при перенесении ее в Коренную Пустынь и обратно? Не ясно ли, что, не выходя ныне из здешних пределов, эта явленная икона благовествует жителям других градов и весей царствие Божие, подавая им утешения Христовой благодати?

Чем же заслужили здешние жители такой великий дар Божий? – Очевидно, ничем. Ибо когда икона явилась, еще и населения здесь не было, а следственно и заслуг ничьих быть не могло.

По крайней мере, чем мы можем благодарить Бога за этот дар? – Верою и усердием.

При первой встрече сей иконы в городе Рыльске был поразительный случай. Тамошний князь, по неверию, уклонился от участия в этом торжестве, и за свое неверие был наказан слепотою. Да вразумятся сим случаем те, которые по надмению своему не захотели бы веровать в чудотворную силу иконы. Не

верующий уже осужден есть, яко не верова (Ин. 3:18), и если не возблагоговеет верою, должен, кроме страшной участи за гробом, опасаться, как бы и в настоящей жизни не получить тяжелого урока.

Строят родители дом; добрые дети стараются украшать его. Обитатели вновь населенного Курска, по обету, устроили обитель здесь; на их потомках лежит обязанность поддерживать ее. Спаситель, когда восхотел совершить праздник Пасхи с учениками, повелел уготовать горницу велию, постлану (Мк. 14:15), то есть по возможности украшенную. Не должен ли, сколько позволяют наши средства, быть украшен и этот храм, куда чудотворная икона Знамения, изображающая того же Господа в богоматерних объятиях, входит, чтобы пребывать большую часть года, и где столь светло совершается нынешний главный праздник ее? – Бесспорно, все части сего обширного дома ее заслуживают несравненно лучших украшений, нежели богатые жилища человеческие, где ныне в обилии блесит золото, или те палаты, которые назначаются для общественных собраний.

Только при сердечной вере и при живом усердии к чудотворной иконе Знамения Божией Матери, мы не лишимся права и дерзновения произносить в молитве к Ней: «Мир граду Твоему даруй, и душам нашим велию милость». Аминь.

42. Слово в день празднования Курской иконе Знамения Пресвятой Богородицы. (Третье)

Се сотвори начаток знамением Иисус. (Ин. 2:11)

Сими словами евангелист Иоанн заключает сказание о чудесном изменении воды в вино на браке в Кане Галилейской. Здесь этим действием Иисус Христос положил начало Своим чудесам и явил славу Свою: ибо до тридцатилетнего возраста Своего и до крещения Он не был известен как Чудотворец.

Из сего же евангельского сказания видим, что первое чудо Христово совершилось не без участия Божией Матери, и мы не погрешим против слов евангелиста, ежели им усвоим и тот смысл, что «Живоначальный Источник содела Богородицу» начатком знамений Христовых.

Един Бог может творить истинные чудеса. Из орудий же Его всемогущей силы первое и высшее есть предстательство пред Ним Пресвятой Богородицы. Посему и в песнопениях нынешнего праздника величается Она, как «Источник чудес»¹⁹⁵. Приникнем истее к сему неиссякаемому источнику, и мы с утешением увидим, как достойно и истинно именуется Она «чудес Христовых началом»¹⁹⁶.

Как только в мире возвещено было первое обетование о Христе, соделалось известно и другое лицо, которое ублажают ныне вси роди. Сказано было первому человеку: семя жены сотрет главу змия (Быт. 3:15). Это семя есть Христос, а под образом жены предуказана была приснодевственная Его Мать. И поелику воплощение Бога Слова есть велия благочестия тайна (1Тим. 3:16), есть высшее, неизреченное чудо милости Божией, то Пречистая Дева Мария уже по тому самому есть Источник чудес, что от Нее родился Спаситель мира и всех чудес Совершитель.

«Слышан был Отроковицею и Девою чистою совет Вышнего. Она соделалась к приятию готова Божию, чрез Нее Невместимый с человеки поживе»¹⁹⁷. По-видимому, во время земной Его жизни не было заметно Ее влияния на Его дела, и сам Он как бы отклонял Ее в них участие. Говорят Ему: Мати

Твоя и братия Твоя ищут Тебе; а Он отвечает: Кто есть Мати Моя (Мк. 3:33). Обращается к Нему сама Его Мать в Кане, желая чуда; а Он останавливает. Ее: что Мне и Тебе, жено? Не у прииде час Мой.

Неудивительно, со стороны Богоматери, это видимое уклонение от участия в делах возлюбленного Сына Своего: на всей Ее жизни лежала печать сокровенного смирения и глубокого молчания. А что сам любящий Ее Сын ограничивал Ее участие в Его великих делах, это объясняется общим духом Его действий и некоторыми частными обстоятельствами. Для служения спасению рода человеческого нисшел Он с небес, и дело сие поставлял выше всякого родственного союза. Посему, когда Он проповедывал, и Ему сказали, что Мати Его и братия ждут Его, Он не пожелал к ним пойти, чтобы не прерывать Своего поучения к народу. Или, когда в Кане Мать Его просила чуда, Он медлит исполнить Ее желание, чтобы, как изъясняет святой Златоуст, дать присутствующим почувствовать самую нужду чуда и всю поразительную, не допускающую никаких сомнений, действительность его. Между тем, очевидно, что совершить чудо именно Мать Его убедила; ибо сказав: что Мне и Тебе, жено, вскоре за сим делает то, о чем Она говорила Ему. Да послужит сие обстоятельство в ободрение для тех, которые с своими нуждами и мольбами притекают в сей храм к чудотворному лику Богоматери: на браке в Кане, по Ее желанию, Милосердый Сын Ее поспешил исполнить то, чего до времени Сам не желал совершить.

Земная жизнь Спасителя увенчалась славным Его воскресением, и тогда разрушилась преграда, отделяющая горний мир от дольного. Стали открываться явления на земле небожителей, и нетрудно приметить, как с судьбами Богоматери сопряжено было начало сих знаменательных явлений. Есть верное, благочестивое предание, что Сам Спаситель первым Своим явлением по воскресении почтил Пречистую Мать Свою; почему и ублажает Ее святая церковь, песнословствуя: «Еже радуйся, первее, яко всех радости вина, восприяла еси»¹⁹⁸. Потом, когда праздный гроб Пречистой Девы послужил указанием, что Она с пречистым телом Своим вознеслась к

Сыну Своему и Богу, Она вскоре сама явилась вестницею Своего прославления и райского торжества, и таким образом положила начало светлым явлениям праведников. После Ее успения, апостолы, пребывая в Гефсимании, услышали однажды ангельское пение, и возведши очи горе, узрели на небе Пречистую Деву, окруженную сонмом ангелов. В избытке восторга воскликнули они: «Пресвятая Богородице, помогай нам»¹⁹⁹. И неоскудевающая Ее помощь, как ключ воды живой, из горы исторгшийся, доньше изливается в знамениях и чудесах.

К Ее Святому лику относится и начало христианского иконопочитания. Первые и древнейшие из чудотворных икон суть Ее изображения. О святом евангелисте Луке повествуется, что он художественным живописанием изобразил на доске лик Пречистой Девы, носящей на руках Сына Своего, Предвечного Младенца; потом написал еще две иконы, и все три представил самой Божией Матери. Взглянув на них, Она повторила Свое предсказание: отныне ублажат Мя вси роди, и присовокупила: «Благодать Рождшагося от Мене и Моя с сими иконами да будет»²⁰⁰. Две из сих икон в нашем отечестве под именами – Владимирской и Смоленской, ознаменовались великими чудесами.

Не умолчим и мы, участники нынешнего торжества, что то же начало знамений и чудес положено и на судьбах нашего богоспасаемого града. Первое его существование ознаменовано было явлением, в окрестностях его, чудотворного образа Богоматери. Потом, восстановление нашего града, после разорения татарского, утверждено принесением сюда того же Чудотворного образа. Вскоре нашествие иных врагов грозило граду нашему новым разрушением; но великая Заступница знамениями Своими предуказывала, откуда будет нападение и какую часть города преимущественно надлежит защищать. Сами враги после говорили, что видели на стенах города жену, с шестью светлыми мужами, грозившую им. Таковы были начатки знамений Божиих граду сему.

Матери Божией, соделавшейся для нас и всего рода христианского чудес Христовых началом, прилично быть предначинательницею и церковных молитв. Если несомненно,

что предстательствуют за нас святые: то столько же несомненно, что между ними Она есть первая предстательница наша. Когда блаженный Андрей увидел на воздухе собор праведников, молящихся Богу за земных своих собратий: то впереди всех молитвенников и ближе в престолу Божию стояла Пречистая Ходатаица²⁰¹. Посему и чтим мы преимущественно пред всеми святыми Богородицу «в молитвах не усыпающую и в предстательствах непреложное упование»²⁰². Посему и нет в православной церкви богослужения, в котором бы, прежде других святых заступников, не была воспоминаема и призываема на помощь Преподобная Владычица наша.

Итак, да приближаемся к Матери Божией, к сему источнику чудес, – да приближаемся с дерзновением и вместе со страхом: с дерзновением – в надежде на готовое Ее заступление, со страхом – за наше недостойнство. Высоко Ее заступничество; но весьма глубоко и наше падение. Отверсты двери Ее милосердия; но ничто скверное и недостойное не может привлечь Ее благоволения. Близь Она, чтобы услышать наши мольбы и внимать нашим нуждам; но и молитва должна быть достойна услышания, и жизнь не лишена качеств, привлекающих Ее внимание. Что убо сотворим мы, часто притекающие к чудотворному лику Богоматери, но не часто обретающие себе знамение во благо (Пс. 85:17)? На браке в Кане Галилейской, имевших увидеть первое чудо Ее Божественного Сына и нуждавшихся в Его чудодейственной помощи, Она предварила следующим извещением и наставлением: еже аще глаголет вам (Иисус), сотворите. Сие предупреждение относится и к нам. Вы желаете, чтобы Господь, ради молитв Пречистой Своей Матери, явил вам милость Свою: будьте готовы и творить, еже Он глаголет вам. Наполните сосуды ваших душ слезами покаяния и умиления, чистотою незлобия, духом смирения, теплотою любви к ближним: и вы узрите на себе чудеса промыслительной милости Божией. Земля, орошаемая обильною и чистою водою, покрывается сильной и цветущей растительностью; на земле безводной и песчаной напрасно стали бы мы искать признаков жизни и проявлений растительной силы, – там мертвенность и

запустение. Вот образ души, иссушенной пороками, стирающей страстями, глухой к вещаниям евангельским, мертвой для дел добра и любви христианской. Скоро ли проникнет туда струя жизни и благодати из Источника чудес?

О, Владычице Чистая! Стяжавше Тя, яко необоримую стену и источник чудес, Твоею любовью к нам грешным умоляем Тебя: мир даруй граду Твоему, с благоговением чтущему Тя, и душам нашим велию милость²⁰³. Аминь.

43. Слово в день празднования Курской иконе Знамения Пресвятой Богородицы. (Четвертое)

И по Нем идяше народ мног, яко видяху знамения Его. (Ин. 6:2)

За Спасителем, в последние годы Его жизни на земле, следовало множество народа, потому что путь Его сопровождался чудесами.

Тот же Спаситель, в младенческом возрасте, с Пречистою Своею Материю, изображен на иконе честного Ее Знамения. И как усердно к сему образу православный народ притекает, в каком множестве за ним следует, тому мы сами бываем очевидцами.

Чем же объясняется такое стечение народное? – Есть ли оно следствие безотчетной веры, или потому не прекращается оно, что икона источает чудеса?

Для нас, верующих, нет сомнения в том, что икона сия есть источник чудес. Но люди сомневающиеся могут спросить: если по причине чудес чтится она, то кто их видит и когда они были?

О Спасителе евангелист замечает, что, по причине знамений, ходил за Ним народ, и непосредственно за сим замечанием повествует, как Господь пятью хлебами насытил около пяти тысяч народа. Чудо, можно сказать, было всенародное; но на другой день после этого события, между его свидетелями нашлись люди, которые обратились к Спасителю с вопросом: «какое Ты дашь знамение, чтоб мы увидели и поверили Тебе?» (Ин. 6:30). Чудо совершилось у них пред глазами; а они ищут знамения, собираясь основать свою веру на нем. И в такое ослепление впадали люди не простые, а ученые, – книжники и фарисеи. Смотря на предметы веры глазами чувственности и гордости, они утратили способность верить тому, что совершилось пред всеми. Вот опыт, как в одно и то же время, чему удивляется, пред чем благоговеет верующий, того самого не видит неверующий.

Если бы кто спросил: были ль какие чудеса от здешней иконы Знамения Пресвятой Богородицы? – по самой строгой

справедливости, на сей вопрос можно отвечать, что сама эта икона есть продолжающееся чудо. Известно, что неистовыми татарами она была рассечена на две половины. Обе ее части немалое время оставались разделенными. Потом, когда священник, их нашедший, сложил их вместе, обе части дски опять составили целую икону, без повреждения лика. Нельзя думать, чтоб это сказание основывалось на темном предании. Внимание к иконе уже было возбуждено. Еще до того времени, она приносима была в Рыльск, и тамошний князь не хотел ей верить. Наказанный слепотою, он раскаялся, поверил, и снова возвратилось ему зрение. Рыльские жители располагались удержать икону, но она невидимо возвращалась на место первоначального своего явления. Такие обстоятельства не были тайною, и не могли изгладиться из памяти народной. Посему не могла остаться неисследованною и безвременною судьба сей иконы, во время и после татарского нашествия. И если б чудо мгновенного соединения ее частей не утверждалось на достоверности письменных сказаний, то издревле идущее благоговение к ней служит подтверждением благочестивого предания о чудодейственной силе ее.

Но люди, более испытующие, нежели верующие, продолжают спрашивать: почему же ныне менее чудес, или совсем не видно их?

В святых иконах мы чтим не вещество, но веществом изображаемые лики; или потому чтим и лобызаем вещество, что оно освящено наитием Святого Духа Божия. Священные иконы подобны драгоценным камням. Как эти камни, остаются ли они в земле, или подвергаются отделке, всегда хранят в себе способность воспринимать внутрь себя свет и производить его отблеск и игру: так и освященные иконы, землею ли закрытые, в воду ли ввергнутые, или на местах почетных благоговейно чтимые, сохраняют в себе дар являть чрез себя чудодействующую силу Божию. Но представим себе большое собрание драгоценных камней, одинакового цвета и достоинства. Легко можно заметить, что не все они, в одну и ту же минуту, одинаково блестят. Отчего ж зависит эта разность, тогда как вещество одно? – От движения света: те камни тотчас

издают блеск, на которые сильнее и прямее ударяют лучи света; а напротив, другие, которые расположены в тени, хотя также как и первые, прозрачны, кажутся менее светлыми, или даже темными. Так позволительно судить и об иконах. По веществу внешнему достоинству, многие из них могут быть одинаковы, а по чину освящения церковного, и все они между собой равны; но различно в них действует Дух Божий. На одних является ясно и часто всемогущая Его сила; в других она присуща прикровенно, и даже не приметно. Оттого первоначальное явление некоторых икон, как и здесь пребывающего чудотворного образа, сопровождалось великими знамениями; а иные несколько даже веков остаются ничем не ознаменованными, и потом, в свое определенное время, начинают чудодействовать.

Сие направление чудотворяющей силы Божией, сие не повсеместное и не непрерывное обнаружение ее в святых иконах зависит от особенного промысления Божественного, всегда премудрого, но не всегда нам известного. Однако же, кто не заражен язвою неверия и не предубежденными очами смотрит на прежние и окружающие нас события, тот может приближать к своему разумению дивное сплетение нитей и путей, из которых связуется таинственный узел Божия направления. – Облегают враги город; жители в страхе и в умиленной молитве; и что же? Икона Богоматери, из сухого дерева сделанная, и во время осады врагом устреленная, источает из своих очей слезы, и тем являет Новуграду знамение скорого своего заступления. – Находит на город Устюг-Великий страшная туча, обремененная каменным градом; взволнованные жители спешат к иконе Богоматерней, и вдруг от нее, как из источника, истекает миро: туча прошла, и вместо города разразилась над лесом, который поломан был и обожжен горячими камнями, из нее испавшимися. – Некогда в городе Шуе показалась язва. Благочестивый иконописец пишет икону Смоленскую; ее вносят в собор, молятся пред нею умиленно, и она дала знамение во благо: ангел смерти удалился. – Иногда больные возносили свои вопли к Небесной Заступнице, и Она Сама, во сне или в видении являясь,

указывала врачевную силу в той или другой своей иконе. Из сих и подобных опытов, которых множество, видно, что чудотворное качество святых икон ознаменовывается там, где это более нужно, где естественные, человеческие средства оказывались бессильными, и что благодать чудотворений соответствует степеням веры самих нуждающихся в ней. Но вообще, в судьбах нашего отечества не было столетия, не исключая и настоящего, когда бы не было чудес от иконы Богоматери. Таких знамений было бы даже больше известно, если б иногда сами участники знаменательных событий, видя на себе явную свыше помощь, не умалчивали о ней, по чувству скромности, или боязни, как бы не подвергнуться насмешкам или отяготительным вопросам. Требовать же, чтобы всегда и над всеми чудодействовала икона, было бы столько же дерзко, как и бесполезно. Для неверующего частые чудеса так же бы сделались обыкновенны, как его повседневная пища, очень просто вкушаемая, но весьма удивительно внутри тела перерабатываемая, и неприметно свои тонкие частицы в состав телесный отделяющая.

Итак, не о том нужно спрашивать, почему чудес нет; а о том всем нам надлежит заботиться, чтоб не быть лишенными милости Божией, от чудотворных икон изливающейся. Кто верит, тот еще может чего-либо надеяться; а неверующий, все отвергая, над всем священным посмеиваясь, – не получит ничего. В летнее время, после засухи, может быть дождь, столько же чудесный, как и благотворный; но среди зимы какую бы пользу принес он, если б, по какому-нибудь чуду, пролился из снежного облака? Так зима неверия есть первая противница чудес. Сжатое неверием сердце, видя, не видит чудес, слыша о них, слушать не хочет, что они были. Источник чудес пред нами. Но кто не знает, как иногда живой родник, в слоях земли, оставляя одну жилу, избирает для своего течения другую? Так и струя благодати не во всякую душу свободно вливается, но обильнее в ту, которая сама заботится о своем очищении от греховного засорения. Будем прилежно прибегать в чудотворной иконе, благодатно охраняющей наш град; но не менее прилежно

позаботимся, чтобы сердца наши очищались силой веры,
омовением молитвы, светом добрых дел. Аминь.

44. Слово в день явления Курской иконы Знамения Пресвятой Богородицы. Пятое)

Истекает шестое столетие, как образ Спасителя, изображающий Его, в виде младенца, на лоне Пречистой Матери, явился в сей области, где потом обитатели нашего града и окрестных селений начали принимать Его в свои дома.

Обычай древний и святой! Но с надлежащим ли вниманием и благоговением он соблюдается?

Как во время земной жизни Иисус Христос и Его Пречистая Мать нелицеприятно посещали и богатых, и бедных, знаменитых и незнатных: так и ныне Их чудотворный образ безразлично вносится в дома жителей всякого состояния, звания и значения. Как же встречают икону желающие принять ее? Их часто и сильно занимает вопрос: в чей дом нести прежде? – Один говорит, что к нему ближе; другой, – что он просил раньше; третий даже опасается, не послужило бы унижением его дому и чину, если он принужден будет несколько часов ожидать икону.

Для решения таких вопросов надобно помнить, как жители Палестины принимали Спасителя. Желавших было не мало, но не было между ними соревнования и зависти. Всякий, уверовавший в Него, почитал великим, но и требующим внимания делом принять Его у себя, и тот, на кого падал жребий этого счастливого и спасительного гостеприимства, проникнут был чувством собственного недостойнства. Так, сотник, человек с значением в обществе, видя, что Спаситель направляет путь Свой к нему в дом, в трепете воскликнул: «Господи! я недостойн, чтоб Ты вошел под мою кровлю» (Мф. 8:8). Симон Петр, прежде уже принимавший у себя в доме Спасителя, ужаснулся своего недостойнства, и произнес при другом случае то, чего бы не хотело обрадованное сердце его: «Выйди от меня, Господи; я – грешный человек» (Лк. 5:8).

Такие примеры ясно внушают всем, усердствующим принять чудотворную икону, что и им прилично не предвосхищать друг у друга честь ее принятия, а терпеливо

ожидать своей очереди. Часы ожидания иконы, чем они дольше, тем больше могут способствовать к испытанию веры приемлющего ее. Кто обременится трудом пождать гостя, которого уважает и посещение которого высоко ценит? Чья не преломится гордость от одной мысли, что приготовление не останется напрасным, что вожденное посещение, хотя и нескоро, последует? Так и приглашающий здешнюю икону, должен воспользоваться часами ее ожидания, что бы смирить себя, подумать, нет ли желающих, которые достойнее его пред Богом, расположить свою душу к безмятежному, молитвенному принятию Царицы Небесной. Бедный, долго ожидая икону в свою хижину, иногда жертвует для сего половиною своего рабочего дня: богатому ли не пождать, когда от сего ожидания он ничего не теряет?

С принятием гостя соединяется желание угостить его. Что можем воздать Господу и Пречистой Его Матери, в своем чудотворном образе посещающим дома наши? – Иные, движимые сим побуждением, учреждают угощение для знаемых, сопровождающих икону, и священнослужащих. Все это само по себе не предосудительно, и согласно с церковным уставом, который позволяет, труда ради бденного, предлагать утешение братии. Но и обычай, сам в себе чистый, перестает быть похвальным, как скоро становится неуместным. Какая ответственность между обстоятельствами, когда в храме досточтимая, чудотворная икона, – и там же различные яства и питье; когда одни вкушают, – а другие ждут, скоро ли можно будет нести икону далее, для молебствий в иных домах? Не должно действий священных перемешивать с занятиями самыми маловажными, и, начиная духом, оканчивать плотию. Хлопотала Марфа, из доброго желания угостить Спасителя, а Он излишних забот ее не одобрил, но похвалил сестру ее, которая вовсе не заботилась об Его угощении. И апостолы разве ожидали пиршества от лиц, которые принимали Спасителя? Напротив, не рассчитывая ни на чье угощение, ходили во град, да брашно купят (Ин. 4:8).

Если бы кто захотел соединить молебствование пред иконою с благотворением: ужели только чрез угощение это

сделать можно? Закхей, принявший Спасителя, говорит Ему: «половину имущества моего, Господи, дам нищим, и кого чем обидел, возвращу вчетверо» (Лк. 19:8). Принимая Царицу Небесную, во имя Ее, не забудем и мы нищих, утешим скорбящих, вознаградим обиженных. А кто заботится о служителях церкви, тот может следовать совету, какой дал апостол Павел Коринфянам: «Касательно сбора в пользу святых иерусалимских поступайте так: в первый день недели каждый из вас пусть отлагает у себя, и сберегает, сколько позволит ему состояние» (1Кор. 16:1,2). Из сбереженного у всякого составитя жертва в пользу братии святого храма.

Наконец, и это самое главное, – пользуемся ли мы, как следует, минутами пребывания святой иконы в наших домах? Молебен совершен: какие последствия? Просили избавления от печали: ослабы нет. Молили о счастии: оно не приходит. И думает неверующий: где же чудотворная сила иконы? не напрасна ли надежда припадающих к ней?

Вместо всякого колебания и ропота, должно обратить внимание на то, что делается в доме после принятия святой иконы. Не то же ли самое, что и прежде? Наши нравы и привычки, наши семейные отношения, наши домашние увеселения очищаются ли после молебствования пред нею? Или все дурное в них также остается неизменным, как не изменяются, по своей внешности, стены, окропленные тогда священной водой? Дом веселый, дом порочный перестает ли быть таким, только от того, что внутрь его внесена была святыня? Нет, судьба дома, от одного присутствия святыни, не изменится к лучшему, если его обитатели не позаботятся исправить себя. Один брат сказал святому Антонию: «помолись обо мне!» – Преподобный отвечал на это: «ни я, ни Бог не сжалятся над тобою, ежели ты сам не позаботишься о себе»²⁰⁴. Ничье ходатайство не поможет тому, кто, соблюдая священные обряды, небрежет чистоте жизни. Какую пользу принесло иудеям предстательство за них пророка Иеремии? Господь неоднократно (Иер. 7:16; 11:14; 14:11) говорил ему: «ты и не молись об этих людях». Правда, что Божия Матерь заступница грешных: но каких грешных? Не тех конечно, которые, совершив

молебствие пред ее образом, чрез то как будто возлагают на Нее обязанность молиться за них, не тех, которые продолжают вести себя постыдно и нечестно; но тех, которые сознают свои слабости, остерегаются ныне от того, чем соблазнились вчера, – живя в шуме суеты мирской, внемлют тихому голосу совести, – не пренебрегая общественных приличий, ставят выше их закон христианский.

Сказано было некогда служителям скинии ветхозаветной: нечистоте не прикасайтесь... носящие сосуды Господни (Пс. 52611)! Тем больше нам, христианам, должно заботиться об очищении душ наших, чтобы не в осуждение, а в пользу себе, носить по нашим стогнам и домам сей, хранимый здесь кивот святыни и благодати Господней. Аминь.

45. Слово в день явления Курской иконы Знамения Пресвятой Богородицы. (Шестое)

И воспевше, изыдоша в гору Елеонскую. (Мф. 26:30)

К числу обрядов, которыми чествуется икона Знамения Пресвятой Богородицы, принадлежат крестные ходы. В минувшее лето²⁰⁵ они особенно были часты, более продолжительны и многолюдны, сравнительно с предшествовавшими годами. Для сердца верующего умирительно совершение крестных хождений, но и прискорбны те недостатки, в которых не невинны многие участники сих священнодействий.

К чему же теперь речь о крестных ходах: они бывают у нас больше летом, а не зимою? – Нет, они нередки у нас во всякое время. Ибо, как скоро несут икону Знамения в дом, и ее сопровождает священник с животворящим крестом: это, хотя и менее торжественный, но уже крестный ход. Притом, не тог да нужно учиться, когда исполнять; но прежде надобно узнать дело, чтобы потом в нем участвовать.

Среди торжественной тишины сего праздника, мы тем спокойнее можем вникнуть в дух и значение крестных хождений, чтобы сообразить, вполне ли чисто и благоговейно мы чтим посредством их икону, которой ныне светло празднуем.

Когда начались крестные ходы? – Для ответа на этот вопрос надобно взять во внимание, почему они называются крестными.

Ход крестным называется потому, что необходимая и отличительная принадлежность его есть крест Господень, несомый так, чтобы, по возможности, был больше виден. – Когда же и кем совершен был первый крестный ход? – Тем, кто первоначально понес на раменах Своих крест, как основание и знамение нашей веры. Сердцу христианскому не трудно угадать, кто этот первый Крестоносец. Он знает, о ком написано в Евангелии: И нося крест свой, изыде на глаголемое лобное место (Ин. 19:16). И идяше в след Его народ мног (Лк. 23:27). До сего события, крест был орудием смерти, которое преступники

вынуждаемы были нести на место своей казни; но Иисус Христос понес Свой крест, как орудие искупления, как средство нашего спасения, как хоругвь победы над грехом и злом, господствовавшим на земле.

Крестное шествие, как путь страданий Спасителя, началось из той храмины, где совершилась тайная вечеря. После этой первой литургии, ученики Его, вместе с Ним, воспевше, изыдоша в гору Елеонскую. Там Его была первая лития: там Он начат скорбети и тужити (Мф. 26:37), молился Сам, и неоднократно взывал к ученикам: «бдите и молитесь!» Испытав предательство Иуды (а предательство друга тяжелее нападений врага), Он подвергнут был истязаниям от судей и воинов. По стогнам иерусалимским неся крест, Он видит плачущих о Нем женщин, и сим участницам Его крестного хода внушает, чтоб они плакали о себе. Изнемогши под крестом, Он допускает, чтобы Симон Кирийский понес это священное бремя. Но и изнуренный крестными страданиями, Спаситель болен о людях, преданных Ему, которые дошли с Ним до Голгофы, и возлюбленного ученика поручает Матери Своей: Жено, се сын Твой. Так окончился этот крестный ход, и тотчас чудеса всему миру возвестили, как он был спасителен: ибо, не только землетрясение и померкшее солнце, но и мертвецы, восставшие из гробов, явились проповедывать силу Креста и Воскресения Христова.

Сие крестоношение Христово есть первообраз наших крестных хождений.

Прежде всего мы должны помнить, что крестный ход есть подвиг благочестия, а не простое шествие, тем паче не прогулка. К нему готовиться и начинать его надлежит средствами духовными, – очищением сердца, воздержанием от пресыщения и страстных влечений, бдением над собой и препобеждением лени. Исшествием апостолов на гору Елеонскую, Златоуст иносказательно побуждает нас исходить «на то место, где простерты руки нищих»²⁰⁶, которые суть в духовном смысле маслины для нас же, если мы им благотворим. Литии, на перекрестках и площадях совершаемые, суть усиленные моления, к каким Господь побуждал учеников, и

которые должны быть повсюду нами возносимы, чтобы все, повреждаемое грехами нашими, очистилось. По апостолу, содержа в уме, что Христос вне городских врат пострадати изволил, исходим к Нему вне нашего житейского стана, поношение Его носяще (Евр. 13:12). А какое это поношение, Симеон Солунский так изъясняет: «Недостойные рая и неба, мы исходим вне града; молим Того, Кто ходил по земле и распялся за нас; несем крест Его, исповедуя дело крайней Его благодати, по которой Он изливал Свою кровь на кресте»²⁰⁷. Берем из храма иконы, и особенно икону Царицы Небесной, призывая святых на молитву за нас грешных, и преимущественно уповая предстательством Божией Матери спастись от бед и злоключений.

Если с Христовым крестоношением и истинным духом крестных хождений сравнить наши крестные ходы: то, увы, быть может, останется одна только черта сходства: и воспевше, изыдоша... то есть: мы также исходим из храма, поя священные песни, как некогда апостолы, воспев, пошли из Сионской горницы.

Существенная черта крестного хода есть всенародная молитва, а она не будет всенародною, без общего, единодушного всех участия. Иудеи, в тяжкое для них время, купно из домов истекаху на всенародную молитву. Все же, воздеваяще руце на небо, моляхуся (2Мак. 3:18). А у нас бывают такие участники крестного хода, которые за стыд почтут воздеть руки на небо, даже знамения крестного на себе не положат. Иные выходят только посмотреть на это стройное движение священнослужителей, хоругвей и прочей святыни, на эти широкие волны народа, на этих Симонов Киринеев, приходящих с села, которые несут кивот с иконою Богородицы, в тесноте, покрытые пылью и кровавым потом.

К бдению возбуждал Господь Своих учеников. Не спят, конечно, когда идут, и участники наших крестных хождений. Но сделав несколько шагов, некоторые начинают чувствовать скуку, и чтоб развлечь себя, передают друг другу свои впечатления, не умеют воздержаться от неприличного смеха, обращают даже к священникам вопросы, вероятно думая, что и лица священные

скучают также. Но если не все священнослужители могут участвовать в священном пении: то обязанность всех идти и молча молиться, как Моисей, при переходе чрез Чермное море, храня глубокое молчание, вопиял к Богу.

Постились апостолы, когда отнимаем был у них Жених (Лк. 5:35), и совершался Его крестный Путь. В подвиге ли воздержания мы готовимся к крестному ходу, и совершаем его? Есть, конечно, воздержные; но, вероятно, их не очень много. Иначе, на пути наших крестных хождений в Коренную обитель, зачем является такое множество палаток, которых бóльшую часть без сомнения нельзя назвать скиниями воздержания?

Довольно и сего, чтобы судить, достигается ли, и всеми ли, то высокое назначение, ради которого учреждены крестные ходы. Не требуется слез, хотя и плакали женщины во время Христова крестного шествия; но надобно, чтоб не было и смеха, который тогда напоминает собою насмехавшихся над пригвожденным ко кресту Спасителем. Не могут все петь, подобно как древние христиане, идя крестным ходом, всенародно пели псалмы; но не следует и разговаривать, и нужна осторожность, чтоб не склонять к тому других. Не все могут нести святыню; но все должны молиться ей. Не налагается в те дни особого поста; но весьма тогда прилично ограничивать себя воздержанием, а людей бедных утешать благотворением. Кто так участвует в крестном ходе, и до конца его сопровождает святыню, тот, по совершении своего подвига, взирая на сию чудотворную икону, ощутит в сердце своем силу живительного извещения, какое со креста, от Спасителя услышал верный ученик Его: се Мати твоя! Аминь.

46. Слово в день явления Курской иконы Знамения Пресвятой Богородицы. (Седьмое)

И от того часа поят ю ученик во свояси. (Ин. 19:27)

В час крестной смерти Христовой Иоанн Богослов взял Божию Матерь в дом свой, где Она потом постоянно пребывала.

Это событие, в существе не подлежащее повторению, не недоступно однако же нашему подражанию. Каждый может Божию Матерь принять в дом свой, и притом не для минутного посещения, но для постоянного пребывания.

В последние годы жизни Богоматери умножавшиеся последователи Христовы нередко приходили Ее видеть, но неотлучно быть с Ней не могли. Чтобы духовно не разлучаться с Нею, они возжелали в снятых кистью очертаниях святого лица Ее иметь всегда средство Ее лицезрения и благоговейного с Нею сопребывания. Удовлетворяя сему желанию, первый иконописец, святой евангелист Лука, художественною живописью сделал несколько изображений Пресвятой Богородицы, носящей на руках предвечного Младенца²⁰⁸. Списки с этих икон в больших и малых размерах по времени стали между христианами распространяться. Есть даже предание²⁰⁹, что богатые римские женщины носили на себе изображения Богоматери, вырезанные на изумрудах и других драгоценных камнях, и, умирая, возлагали на своих дочерей сии знамения святой веры и благословения от Пречистой Девы.

И действительно, изображения Богоматери не были холодным напоминанием о лице Ее, а служили живым орудием Ее к верным душам приближения и благодатного с ними пребывания. Когда евангелист Лука первые из написанных Ее икон принес Ей показать, Она изрекла: «Благодать Рождшегося от Меня и Моя с сими иконами да будет». – Еще древнее сказание гласит, что когда апостолы Петр и Иоанн, устроив в Лидде, в честь Божией Матери храм, просили Ее освятить его Своим посещением и благословением, Пречистая им отвечала: «Идите, радуясь: Я буду там с вами». Они возвратились, и что

же нашли? – На столбе храма нерукотворно написавшийся образ Приснодевы, совершенно сходный с чертами лица Ее²¹⁰. Иконы сии и многие другие прославились чудесами, что служит несомненным доказательством Ее милостивого к людям приближения и Ее благодатного между ними пребывания. Примечательно, что некоторые из Ее икон начинали чудодействовать в домах, а потом уже переносимы были в храмы.

Если бы кто усомнился, как Божия Матерь присутствует повсюду в своих изображениях, когда везде присутствие свойственно единому только Богу, то недоумение сие можно разрешить простым подобием. О человеке, который восстает от сна в поздние часы утра, говорят, что солнце давно пришло в его комнату, а он еще спит. Но кто ж не знает, что не солнце пришло, а лучи солнечные, проливаясьсь чрез окна, прерывают, наконец, дремоту соннолюбивого. Так сияет на тверди неба духовного жена облеченная в солнце (Откр. 12:1). Лучи, исходя от Нее, проникают посредством святых икон, как бы сквозь чистые стекла, в наши жилища, и пробуждают наши, погруженные в греховный сон, души. Не существом Своим Небесная Царица присутствует в Своих иконах; а благодать, дарованная Ей Божественным Ее Сыном, пребывает в них, изливается чрез них.

Отчего же, скажут, не все Ее иконы чудодействуют? Оттого, что не всегда и не везде нужны чудеса. Они даются не для того, чтоб люди праздные дивились, а для того, чтоб вера утверждалась и неведущие ее света просвещались и спасались. Бесполезны чудеса для неверов, хулящих самые средства спасения. Людей, которые, испытывая Христа, искали знамений, Он назвал родом лукавым (Мф. 16:4). Так и иконы Богоматерние чудодействуют только те, которые predeterminedены на сие, по премудрым целям Божия Промысла; а облагодатствованы все, как скоро они освящены по чиноположению церковному. Посему эти иконы, когда приобретаем их для домов своих и имеем их при себе, служат не только напоминанием о великих совершенствах Царицы

Небесной и Ее предстательстве за нас, но и орудиями Ее благодатного с нами пребывания.

Жители сего града счастливы, что имеют, чтут и лобызают икону Божией Матери, ознаменованную чудесами. Но да позволено будет спросить: во всех ли домах находятся списки с этой досточтимой иконы, которая, как свыше нам ниспосланный сосуд, хранит в себе чудотворную силу? – Ныне вошло в обычай, в знак внимания и взаимного расположения, дарить друг другу собственные изображения. Остережемся; не в ущерб ли этот обычай нашему благоговению к лицам святых и к Святейшей между святыми? В ином доме можно встретить лицевые изображения людей вовсе не достопамятных, даже забвения достойных; но напрасно очи веры стали бы на стенах искать ликов досточтимых и присноживых, и между ними икону Той, заступлением Которой уже более двух веков охраняется наш град.

О, Пречистая! да не поглотит слабую нашу веру суета века сего, и да знаменается чудный свет лица Твоего (Пс. 4:7) в душах наших и в жилищах наших. Аминь.

47. Слово в день явления Курской иконы Знамения Пресвятой Богородицы. (Восьмое)

Не прикасайся Мне: не убо вздых ко Отцу Моему. (Ин. 20:17)

Между многими знаками почтения, воздаваемыми чудотворной иконе Знамения, существует обычай целовать икону.

Обычай этот всем известен, и в часы церковных собраний, нет большого промежутка, когда бы не было стремящихся приложиться к святой иконе.

Но всем ли известны древность и значение сего обычая и соблюдаются ли при исполнении его нужные предосторожности?

Когда Иисус Христос жил на земле, весь народ искал прикасаться к Нему. Нет сомнения, что одним из видов сего прикосновения было целование Его рук и ног. Это ясно видно из поступка кающейся грешницы, на которую с выражением одобрительным указал Спаситель фарисею Симону: сия, отнелиже внидох, не преста облобызаючи Ми нозе (Лк. 7:45). Читаем также в Евангелии о мироносицах, что они, как скоро увидели воскресшего Иисуса, ухватились за ноги Его (Мф. 28:9) и, конечно, облобызали их.

По вознесении Спасителя, христиане чтили все, что было устроено в напоминание о Нем, и целовали не только алтарь и священные вещи, но и самые стены храма. «Приближаясь к жертвеннику, мы со страхом и радостью целуем его», – замечает св. Афанасий Великий²¹¹. И Златоуст, проповедуя в храме, указывал слушателям на тот же общеизвестный обычай: «Не видите ли, как многие лобызают преддверия и стены сего храма»²¹². – После того, как обретено было древо Креста, лобызать его народ отовсюду стекался в Иерусалим, особенно к празднику Воздвижения. Только в век иконоборства преследуем был обычай целовать священные изображения. По когда воцарилась Феодора и патриарх Мефодий пришел просить ее о восстановлении иконопочитания, она взяла икону, которую

носила на груди, и с чувством глубокого благоговения поцеловала ее. Вскоре за тем, совершен был «чин православия», и этим обрядом навсегда утвержден древний обычай чтить и целовать святые иконы.

Какое значение имеет этот священный обычай?

Прежде всего, целуя иконы, мы свидетельствуем чрез то наше православие. «Мы, – писал некогда защитник иконопочитания святой Герман, – изображаем Сына Божия в доказательство, что Он принял естество наше не мнимым образом. С этою мыслию лобызаем икону Его, вспоминая воплощение Его»²¹³. Поелику же чествование, иконе воздаваемое, возводится к лицу, изображенному на ней; то, целуя ее, мы прикасаемся мысленно к тому самому лицу. Тогда душа верующая, воображая величие напоминаемого иконою лица, наполняется радостью и страхом: «страхом, – как изъяснено сие в одной церковной песни, – греха ради; радостью, – спасения ради»²¹⁴. Действительно, представляя, как неизмеримо далеко небесное от земного, святое от греховного, мы при помощи сего противоположения легко можем перейти к живому сознанию своего недостойнства, когда прикладываемся к чудотворной иконе, и, целуя святыню, не оставляем надежды, что ее благодатная сила очистит терние наших страстей, подобно как горящий уголь, коснувшись уст Исаии, уничтожил нечистоту, которую ощущала и которою смущалась душа пророка. Очистительная и целебная сила икон засвидетельствована чудесами. Как одно прикосновение к Спасителю избавляло от несчастий и страданий; как платки и опоясания, принадлежавшие апостолу Павлу, когда прикасались к ним больные, прекращали болезни (Деян. 19:12): так и от чудотворных икон многие верующие дивную получали помощь, и именно в то мгновение, когда, после одушевленной молитвы, с благоговением лобызали святыню.

Но нужна большая осторожность, чтобы неосужденно облобызать ознаменованную чудесами икону.

Не прикасайся Мне, – изрек некогда Господь Марии Магдалине. Если так было сказано той, которая и не недостойна была прикоснуться к Нему, и неоднократно этой чести была

удостоена: то не с большею ли строгостию предупреждает сие предостережение тех, которые ни верности и усердия Магдалины не имеют, ни ее покаянию и исправлению подражать не стараются? Что пользы лобызать святую икону, если кто, сделав это по наружной только набожности, спешит возвратиться к своим дурным делам, с которыми расстался лишь на время, чтобы сходить в церковь? «Приближаются, – говорит Спаситель, – ко Мне такие люди, и устами чтут Меня, а сердце их – далеко от Меня: напрасно они и чтут Меня» (Мф. 15:8, 9). Никакого для души освящения не приобретут и те, которые прикладываются к иконе без искренней веры, и не лобзанием святым. «Что такое святым? – вопрошает Златоуст, – и отвечает: – Не таким льстивым и притворным, каким Иуда облобызал Христа»²¹⁵. Как это возможно? – подумают теперь слышавшие. Очень возможно, если, например, иной легкомысленный юноша, в храме, из приличия, на глазах у своих домашних и старших от которых зависит, тоже прикладывается к иконе, а где-нибудь в знакомом доме истощает все свое воображаемое остроумие, смеясь и издеваясь над иконопочитанием.

Хотя у добрых христиан и чиста совесть от такого двоедушия; но все должны избирать приличное время, когда прикладываться к иконе.

Кто не знает, что, литургия есть воспроизведение важнейших событий из жизни Спасителя? Между тем, многие, оставляя следить службу вниманием и молитвой, идут, как вздумается, во время литургии прикладываться к иконе. Это неблагоприятное подхождение к иконе и отхождение от нее противно приглашению церковному: «да молчит всяка плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом»; противно и закону гражданскому, которым прямо воспрещается прикладываться к иконам во время богослужебных действий. Возьмите в соображение и догматический состав литургии. Последнее событие земной жизни Спасителя – вознесение на небо воспоминается в конце литургии, когда в последний раз являются святые дары в царских вратах, и священнослужитель возглашает: всегда, ныне, и присно и во веки веков.

Совершенно было бы прилично, если бы, по вниманию к сему последнему явлению даров, или, что то же, до конца литургии, предстоящие в храме, «стояли добре», без переходов с места на место, и не позволяли себе такого беспорядка, даже и для той благочестивой цели, чтобы устами прикоснуться к чудотворной иконе, помня предостережение изображенного на ней, сказанное Магдалине: Не прикасайся Мне: не убо вздох к Отцу Моему.

Правда, древние христиане и между собою лобызались во время литургии, в знак единомысленного исповедания веры и общения в христианской любви. – Но потому сей обычай и отменен, что, при умножении христиан, оказался несоответственным ни времени, ни месту. Ныне, вместо всех предстоящих, лобызаются только священники по произнесении слов: «возлюбим друг друга». Кроме того хотя они во время литургии многократно целуют престол и другие священные вещи; но каждому их целованию есть свое значение, приспособленное к порядку действий, ими совершаемых. Притом, что священники должны совершать по чину, того предстоящие не могут делать по произволу. Все же мы, принадлежащие к церкви апостольской, обязаны, при исполнении православных наших обрядов, наблюдать сие требование апостольское: Вся благообразно и по чину да бывают (1Кор. 14:40). Аминь.

48. Слово в день явления Курской иконы Знамения Пресвятой Богородицы. (Девятое)

Пребысть же Мариам с нею, яко три месяцы, и возвратися в дом свой. (Лк. 1:56)

Дева Мария, узнавши от ангела о Своей престарелой родственнице Елисавете, что она непраздна, пошла навестить ее и, прогостивши у нее около трех месяцев, возвратилась домой в Назарет.

О сем путешествии Божией Матери всегда читается Евангелие на всенощных и молебных пениях, в честь Ее совершаемых, потому что в сем евангельском повествовании находятся Ее пророчесственные слова: ублажат Мя вси роди.

Но не производят ли на нас особенного впечатления заключительные слова сего Евангелия, когда мы исходим в сретение этой чудотворной иконы, которую вносим, торжественно в сей храм, после пребывания Ее в Коренной пустыни, продолжающегося около трех месяцев?

Границы отбытия и возвращения этой чудотворной иконы трогательно напоминают продолжительность пребывания Пречистой Девы в Нагорной стране, у праведной Елисаветы. Но не будет ли самоуверенно и произвольно, если к сему храму приложим слова: И возвратися в дом свой? Можем ли утешить себя мыслию, что этот храм есть действительно дом Богородицы, не в том только общем смысле, что всякий храм Богородицы есть дом Ее, а в некотором особенном и для нас преимущественно близком значении?

Никакой земной дом для Божией Матери более не нужен; ибо от земли прешла Она к вечным обителям. Но поелику и в успении Своем нас Она не оставила, а пророчество Ее, что все роды (до скончания века) будут ублажать Ее непреложно: то к разным видам Ее ублажения скоро присоединился и тот, что в честь Ее созидаться стали храмы. Дом Ее в Назарете был бедный и простой, но еще в древние века христианства он превращен в благолепный храм; потом построен там же новый прекрасный, стены и помост которого одеты мрамором, а алтарь

возвышен на семнадцать ступеней. По свидетельству путешественников, и теперь церковь назаретская дышит радостью и великолепием²¹⁶.

Сохранилось древнее предание, что апостолы Петр и Иоанн, соорудив в Лидде храм в честь Девы Марии, умоляли Ее, чтобы Она посетила и Своим благословением освятила его. Пречистая им отвечала: «Идите и радуйтесь: Я буду там с вами». Апостолы, снова прибыв в Лидду и вошед в церковь, увидели на одном столбе нерукотворенный образ Божией Матери, на котором Ее святой лик оказался совершенно с Нею сходен.

Подобные примеры объясняют нам, что тот храм по преимуществу должен быть именуем домом Царицы Небесной, который ознаменован Ее благодатным явлением и где находится какой-либо памятник чудодейственной Ее силы. Так было и есть на востоке; так и у нас, в России. Достаточно напомнить, что Московский Успенский собор называется домом Богоматери, и именно потому, что туда перенесена из Владимира, и там пребывает икона Ее, писанная евангелистом Лукою.

Обратимся к судьбам этой нашей обители. В смутное время самозванцев, и здешние окрестности заняты были вражескими полчищами. Икона Знамения была тогда в Москве, и по-видимому, должна была там остаться. Но помощь Ее не оставляла сего града. При самом начале осады стали повторяться чудные видения, устрашавшие даже и врагов: по укреплениям ходила светлая Жена с двумя иноками, и осеняла город. Осажденные, уразумев, что это являлась Мать Божия, дали обет, в случае избавлении, создать среди града монастырь и поставить в нем чудотворную икону Знамения. Освобождение не замедлило; монастырь создан, и, по прошению граждан, возвращенная икона в нем поставлена. Таким образом, сами здешние жители желали, чтобы обитель, сия была постоянным местопребыванием возвращенного образа Божией Матери, Ее благодатным домом. И поелику уже два с половиною столетия пребывает здесь чудотворный лик Ее: то получаем дерзновение думать, что сей священный дом не неприятен Ей.

В сем обстоятельстве для здешних граждан и великое утешение, и важная обязанность. Их предки стяжали духовное сокровище, досточтимую икону Богородицы. Может ли быть для сего града более высокое стяжание? Может ли быть залог более твердый для его благоденствия и более надежное прибежище во дни скорбей, если бы по грехам человеческим и они оказались неизбежны?

Прежние жители нашего града построили сей монастырь Пречистой Владычицы. Они сделали свое дело; исполнили свой обет. Но всякий дом, по существу всего тленного на земле, требует поддержки. На ком же лежит долг пещись об этом доме Божией Матери?

Ты судил, Господи, чтобы сему священному дому подобала чудотворная святыня, в долгоу дней (Псал. 92, в). Сам утверждай в нас и в тех, которые будут после нас, ту благочестивую мысль, что святыне подобает соответственное благолепие, достойное ее украшение.

Нам, со всеми здешними гражданами, не следует забывать, что приснопамятный строитель этого храма оставил нам честь украшать его. Это не только наша честь, но и весьма важная обязанность наша. Всякий город имеет какое-нибудь священное место, куда народ собирается в случаях торжественных, радостных и печальных. Это место, где мы теперь находимся, озаменовано чудотворным пребыванием Царицы Небесной, и внутри сего святилища стремятся здешние граждане и облегчения искать в своих скорбях, и благодарить Бога за свои радости.

«Для этого храма не довольно ли того, что сделано; а для Царицы Небесной разве нужны какие украшения?»

Такой вопрос не от веры; а для неверующего сердца никакой ответ не нужен, точно так же, как для мертвого пища. Для укрепления же жертвующих, но современным ветром неверия колеблемых, достаточно рассказать сию священную повесть. Во дни киевского князя Изяслава некто боярин Климент, идя на брань, дал обещание, что если возвратится цел, принесет Пресвятой Богородице в Ее монастырь две гривны злата и венец на Ее икону. Возвратившись домой

невредим, он забыл о своем обете. Чрез несколько дней, во сне слышит он, что зовут его по имени; воспрянув, он видит икону, и от нее, как живой, поражен был упреком: «По что, Клименте, еже обещал дати мне, не дал еси? Но се ныне глаголю тебе: потщися совершити обещание твое». Вразумленный видением, боярин не только обещанное внес в дом Божией Матери, но вскоре устроил в тот же Ее храм на престольное Евангелие²¹⁷.

Кто не знает, что не Богоматери нужны наши дары? – Всякое украшение в ее храме служит признаком усердия жителей города и клонится к поддержанию благочестия в народе.

Приношения должны соответствовать месту. Простой, здравый смысл где ищет больше украшений: в доме ли христианина, хотя и богатого, или в храме Той, Которая славнее Серафимов?

Радуется приносящий, когда благосклонно приемлется дар. Должен Бога благодарить тот, кто своими силами или пожертвованиями служит сему дому Царицы Небесной: ибо не исчезнут пред всевидящим оком добрые труды и чистые жертвы, как не забыты были две лепты евангельской вдовицы. Аминь.

49. Слово в день Знамения Пресвятой Богородицы. (Десятое)

Дал еси боящимся Тебе знамение, еже убежати от лица лука, яко да избавятся возлюбленнии Твои. (Пс. 59:6, 9)

Прошедшая весна была неблагоприятна для здешнего города²¹⁸. От неосторожного обращения с огнем сгорело несколько домов и много имущества. Сухость погоды и сильные ветры увеличивали опасность от огня. Чудотворной иконы Знамения не было в городе. Как Геден, во время бедственной войны, усомнившись в Божием покровительстве израильтянам, сказал: «аще есть Господь с нами, и вскую обретоша ны вся злая сия» (Суд. 6:13): так некоторые в сем городе, при повторявшихся несчастиях от огня, думали и говорили: «если бы Матерь Божия была с нами, не постигли бы нас эти бедствия». У здешних жителей есть уверенность, что ее чудотворная икона Знамения служит городу защитой и хранит его в безопасности.

Имеет ли твердое основание эта уверенность и чего она требует от нас?

В священной древности было предуказано, что даст Господь знамение, взирая на которое, Его возлюбленные могли бы избегать угрожающих опасностей. По толкованию отцов и учителей (Василия Великого и Феодорита), это знамение есть благодать, кровию непорочного Агнца Христа нам приобретенная. Она присно живет в церкви православной, и действует в таинствах и других богослужебных учреждениях, в святых мощах и чудотворных иконах. Такое чудотворное знамение, икону Пречистой Богоматери имеет и наш город, «яко неодолимую стену». Немало было опытов благодатной помощи, какую обретали прибегавшие с мольбою к сей иконе. Но было время, когда жители сего города чудодейственно спаслись и от лука вражия. При нашествии ляхов видимо для них самих Царица Небесная явилась защитницей места сего; их пленные сказывали, что видали на укреплениях города жену с шестью светлыми мужами, угрожавшую им. А то в наши дни случилось,

что бедствия прекращались, как скоро возвращалась сюда сия чудотворная икона.

Однако бывают же и здесь заразительные болезни и другие бедствия? – Бывают, и иные все это объясняют порчею воздуха, борьбою стихий, нарушением правильного их взаимодействия. Но спрашивается: само собой ли происходит это нарушение? Отчего огонь и вода в одном месте действуют разрушительно, а в другом в то же время не делают никакого несчастья? Лучше послушать священных мудрецов. Пророк Амос решительно отрицает, чтобы могла быть в городе беда, которую бы не Господь попустил (Ам. 3:6). А пророк Иеремия считает непозволительным подумать, будто могло произойти, что не было бы Господом повелено (Плч. 3:37). Ясно, что все бедствия по попущению Божию бывают.

Но как понять, что иному месту Бог чудодейственно покровительствовал, и в том же месте всенародные бедствия попускал? Не Сам ли Спаситель в объятиях Пречистой Своей Матери изображен на иконе Знамения, которая защищает град наш, и нельзя сказать, чтобы наш город всегда был свободен от несчастий.

К сожалению, они бывают, и нередко, по грехам нашим. Выражение: «по грехам нашим» так часто и легкомысленно употребляется, что обратилось в поговорку, лишенную значения. Но если вникнуть поглубже, то окажется, что действительно грехи наши причиной наших бед. Все обыкновенные в природе явления могут сделаться наказательными орудиями, которые праведный гнев Божий обращает туда, куда привлекают их человеческие беззакония. Стихии, сами по себе благотворные, по мановению Божию бывают и опустошительны. «Аще в наказание, аще на милость обрящет их» (Иов. 37:13) Бог. Премудрый сын Сирахов прямо утверждает, что «огонь, град, голод, вся сия создана быша на месть» (Сир. 39:36). Кому же «на месть?» – На это сам он отвечает, когда дальше, упоминая о болезнях и других несчастьях, присовокупляет, что «на беззаконных создана быша сия вся» (Сир. 40:10). Один святой отец говорит: «Все, что ни случается с человеком, служит к испытанию его, чтоб он потерпел, и укорил себя, как

недостойного. Скорбные приключения попускаются на нас за нерадение, или в наказание, чтоб мы покаялись» (Варсон., вопр. 518 и 699). Относительно того или другого общественного бедствия хотя неудобно судить, за какие и за чьи грехи попущено оно; но что ему предшествовала виновность, которая собрала около себя небесную кару, в этом трудно сомневаться. Всем нам известно, как часто от неосторожного обращения с огнем горят селения и города. Что же это «неосторожное обращение с огнем» есть преступление, или невинное действие? Законом гражданским оно не преследуется, ибо злого умысла тут не предполагается, и чаще сам виновник бедствий первый страдает от него. Но с нравственной точки зрения неосторожное обращение с огнем вовсе не безгрешно, ибо изобличает в человеке нерадение о благе ближних, об охранении общей безопасности. Представьте вы себе невольного убийцу. Суд гражданский не налагает ему наказания, но и не признает совесть его чистою, и отсылает его к духовному суду на церковное покаяние. Так и тот, от чьей неосторожности сделается пожар, в котором иногда погибают и люди, не судится как поджигатель; но чист ли он пред Богом, – это вопрос, на который служит ответом само происшедшее несчастье. Ибо, по суду Божию, очень нередко орудие греха обращается для грешников и в орудие наказания.

«Хорошо, – скажут, – если б только тот наказывался, кто грешит. Зачем же по неосторожности одного подвергаются бедствию другие?» – Но, во-первых, Богу одному известно, кто грешнее, тот ли, у кого загорается, или тот, чей дом горит последним. Каждый за себя говорит в покаянном псалме: «Беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну» (Пс. 50:5). Во-вторых, по закону природы нельзя вдруг остановить разъяренную стихию. А достойны ли мы, чтобы при всяком несчастье ожидать чуда? Например, когда и среди сена неосторожно обращаются с огнем и по небрежности бросают там искру, ужели позволительно желать, чтобы наше сено подобно было тому священному кусту, который пред глазами Моисея, загоревшись, не сгорал? Наконец, если бы кто и действительно без достаточной личной виновности в общем

бедствии пострадал, не забудет Бог его неповинного страдания и терпения, и вознаградит его или в сей жизни, как Иова, возвращением благополучия и богатства, или в будущей соответственным венцем блаженства.

Итак хотя сия чудотворная икона дарована нам, как благодатное знамение, которое поддерживает в нас надежду избавления от угрожающих или уже обдержавших зол; но оно требует от нас и осмотрительности в жизни. Мы не должны забывать, что оно дано Богом для боящихся Его. Бояться Бога значит соблюдать Его заповеди, хранить себя от пороков, заботиться о благе общем. Есть народное присловье: кто себя бережет, того и Бог бережет. Мы обязаны остерегаться, чтобы от нашей небрежности не пострадать и нам самим, и нашим ближним. Домохозяин не за себя только ответит пред Богом, а и за своих домочадцев. С этой предосторожностью направляя жизнь свою к добру, можем в надежде защиты припадать к сей чудотворной иконе Знамения, когда она здесь; но и когда не здесь, не усомнимся простирать к Пречистой Богородице молитвенный глас наш: «Мир граду Твоему даруй!»²¹⁹. Аминь.

50. Слово на день Казанской иконы Пресвятой Богородицы (22 октября)

Возсияет вам, боящимся имене Моего, солнце правды, и исцеление в крилах его. (Мал. 4:8)

День явления Казанской иконы Божией Матери, как известно, празднуется в июле месяце. Нынешний же праздник в честь сей иконы установлен по особенному случаю.

Во времена самозванцев и несколько после, Россия страдала от внутренних беспорядков и раздоров. Враги отечества, пользуясь смутами, хотели подчинить его Польше. Уже в Москве своевольно распоряжались иноземцы. Но любовь к отечеству возбудила верных сынов его ополчиться за него. Дружины разных городов соединились под предводительством князя Пожарского. Этот вождь всегда имел при себе икону Божией Матери Казанскую. Веруя в Ее помощь, он победил врагов, и в самый нынешний день очистил царствующий град Москву от нашествия иноземцев и крамольников. Все сие было два с половиною века назад.

Не своею силою и искусством защитники отечества получили тогда успех: воинство было малое и вооружение малонадежное. Но предки наши были богобоязненны, и упованием на помощь Божию сильны. Движимые все одним чувством благочестия, они прежде всяких приготовлений к брани, наложили на себя пост и обратились с молитвою к Господу и к Пречистой Его Матери. И совершилось с ними то, что чрез пророка предрек некогда Господь народу Своему, скорбевшему в бедствиях, но веры и надежды не оставлявшему и в покаянии о помощи свыше воздыхавшему: возсияет вам, боящимся имене Моего, солнце правды, и поперете беззаконники, и будут пепел под ногами вашими. В воспоминание и веры наших предков, и чудной помощи свыше, какой сподобились они, в одном песнопении нынешнего праздника возвещается: «Источает неоскудная милости Пречистая Богородица, предваряет на помощь, и избавляет от всяких бед и зол, благонравные и богобоящиеся рабы своя»²²⁰.

Люди ставят в честь и гордость принадлежать к такому обществу, которое свою деятельность выражает в каких-либо трудах, примечательных и полезных в жизни гражданской. Не более ли нам чести принадлежать нашему отечеству, которое потому именуется «православным», что хранит в себе неприкосновенно веру и благочестие предков и много над собою видело знамений милости небесной? Кто хотя мало знаком с летописями отечества нашего, то знает, как многократно чудесным образом оно избавлялось от врагов. Это нас обязывает служить отечеству, на каком бы поприще и месте каждый из нас ни был поставлен. А если б иному и никакая должность не досталась, может служить обществу и его пользам своими пожертвованиями, или иным содействием и, наконец, тем, что всякому доступно, – своим благонравием. Судьба народа Божия нам показывает, как от доброй жизни семейств, от благонравия частных лиц зависит благоденствие целой страны. Иудеи, доколе были верны Богу и Его закону, благоденствовали; а после того, как оставили Бога и не уверовали в Единородного Сына Его, – рассеяны по всему свету.

Иные, нерадя о чистоте совести, и между тем впадая в несчастья, притекают к Богородице, молятся пред ее святою иконою; но, не видя избавления от зол, приходят к недоумению, готовы усомниться в чудодейственной силе святыни. Таким людям надлежит подумать: какая земная мать может быть приветлива и внимательна к лицам, которые оскорбляют ее сына? – будет ли и небесная Мать наша милостива к жестокосердым и порочным, которые дурною своею жизнью попирают закон Божественного Сына Ее? Надобно различать веру и неверие, порочность и слабость, беспечность и покаяние. Отвергает Мать Божия неверующих, гордых и развратных; приемлет притекающих к Ней «умиленною душою и сокрушенным сердцем», и заботящихся об исправлении жизни своей.

Будем готовы на молитву; потщимся на покаяние. Сохраним добрые нравы, – и можем надеяться, что, как крыльями, Мать Божия будет покрывать нас благодатию святых икон Своих. Аминь.

Примечания

- ¹ - Слово сказано в 1860-х годах. Изд.
- ² - Авв. Аммон. Дост. сказ., стр. 43.
- ³ - Чет.-Мин. февр. 3.
- ⁴ - Стих. на лит.
- ⁵ - Предисл к нравств. пр.
- ⁶ - Варс. и Ин. вопр. 265.
- ⁷ - Сред. 1-й седм. Веч. стих.
- ⁸ - Дост. сказ., стр. 121.
- ⁹ - Леств. XIV, 20.
- ¹⁰ - Посл. к Ир. Неп.
- ¹¹ - Беседа 168.
- ¹² - Авв. Дор. поуч. 21.
- ¹³ - Злат. Бес. на Мф. ч. II, стр. 364, 365.
- ¹⁴ - Толк. Злат. на перв. посл. к Кор., бес. 25. Феоф. Болгар. толк. на 8 и 10 гл. 1 посл. к Кор.
- ¹⁵ - Древн. Патер. гд. IV, ст. 54.
- ¹⁶ - Там же, ст. 20.
- ¹⁷ - Вечерн. стихир. на стих. в пон. сырн, и во вторн. первой недели.
- ¹⁸ - Стих. праздн. на лит. перв. и втор.
- ¹⁹ - Стихир. на стих, 2 и 3. – Служб. 3 Февраля втор. кан. п. 1, троп. 2; п. 8, тр. 2, на стих., утр. слава...
- ²⁰ - Прав. 92. Книга прав. стр. 332.
- ²¹ - Варс. вовр. 657.
- ²² - Там же, вопр. 367.
- ²³ - Синакс. в субб. сырн.
- ²⁴ - Тринесн. сырн. пятк., песн. 3, троп. 3.
- ²⁵ - Синакс. сырн. субб.
- ²⁶ - Чет.-Мин. Февр. 2. Сказ. о Срет. Госп.
- ²⁷ - Конд. праздн.
- ²⁸ - Часть IV, стр. 5, 6. Слич. Часть I, стр. 304.

- 29 - Злат. на Мф. бес. 39.
- 30 - VII Всел. соб., прав. I.
- 31 - На Кор., бес. 36, отд. 6.
- 32 - Апост. пост. кн. II, гл. 57, стр. 91 и след.
- 33 - 1 всел. соб., прав. 20.
- 34 - Сб. церк. пост. Барс. Том I, стр. 962.
- 35 - Твор., ч. II, стр. 9.
- 36 - Синакс. в нед. трет. поста.
- 37 - Злат. на Матф. сл. 68.
- 38 - Синакс. в нед. трет. поста.
- 39 - Кан. праздн. песн. 8. троп. 2.
- 40 - Нед. крестопоклон. 1 стих. на вел. веч. и кан., п.5, троп.

2.

- 41 - Благовест. ч. II, стр. 142 и 143.
- 42 - Чет.-Мин. 4 окт.
- 43 - Кирилл Алекс. в слове на неделю ваий.
- 44 - Испов. 1, 7.
- 45 - Стих. на Госп. воззв. в вел. ср.
- 46 - Тв. В. В. ч. IV, стр. 187.
- 47 - Бес. на Матф. ч. III, стр. 134.
- 48 - Поуч. 9, стр. 118.
- 49 - Дост. сказ, стр. 54.
- 50 - Пролог. 16 мая.
- 51 - Дост. сказ., стр. 26. Авв. Арсен. гл. 33.
- 52 - Лаз. субб. последн. ст. на Господи воззвах.
- 53 - На посл. к Римл. бес. 22, стр. 541.
- 54 - Синакс. праздника.
- 55 - Стихир. праздн. 3-я на стиховне.
- 56 - Толк. на Матф. бес. 66, стр. 138, част. III.
- 57 - Феоф. благов. на Еванг. Марк., стр. 242.
- 58 - Кан. праздн., песн. 8, троп. 1-й.
- 59 - В четв. ваий, на Господи воззв., стих. первая.
- 60 - На посд. к Римл., бес. 18, стр. 464.

- 61 - Твор. Част. V, стр. 422.
62 - Григ. Бог. часть II, стр. 270.
63 - Огл. сл. Гр. Нисск. гл. 30.
64 - Стих. на Ст. Утр. Вел. Четв.
65 - Тв. В. В. ч. II, стр. 187.
66 - Амвр. сл. 45. о перв. и вт. Ад.
67 - Благ. ч. II, стр. 236.
68 - На Иоан. бес. 95, стр. 676, 677.
69 - Твор. ч. II, стр. 92.
70 - Григ. Бог. там же.
71 - Синакс. — на вел. четв.
72 - Перв стих. праздн.
73 - Иерон. толк. на Ис.
74 - Конд. праздн.
75 - Твор. Том III, стр. 53.
76 - Гр. Двоесл. Соб. Кн. 2, гл. 9.
77 - Церк. ист. Евс. Памф. кн. V, гл. 5. — Терт. посл. к Скап.
гл. 4.
78 - Синакс. на нед. всех святых.
79 - Троп. предпразднества Преобр.
80 - Втор. кан. праздн. песн. 4, ирм.
81 - Сказано в 1892 году, во время холерной эпидемии.
82 - Луг. дух. глав. 25.
83 - Поуч. оглас. 4, отд. 10.
84 - Кан. Кр. песн. 9, троп. 1.
85 - Кан. кресту песн. 3, троп. 2 п. 6, троп. 3.
86 - Стих. праздн. на лит. 7.
87 - Димитрий Ростовский. Чет.-Мин. 9 сент.
88 - Чет.-Мин. 9 сент.
89 - На 1 посл. к Тим., бес. 9, отд. 2.
90 - Чет.-мин. 9 сент.
91 - Пролог. 21 ноября.
92 - Тв. II, 255.

- 93 - Касс. 6.
- 94 - Тертуллиан.
- 95 - Кан. праздн. песн. 5.
- 96 - Конд. праздн.
- 97 - Злат. на Иоан. бесед. 53.
- 98 - Пруден. гимн. 10 г. о венц.
- 99 - Кн. 3, отд. 6.
- 100 - Пис. 156. К Италике.
- 101 - О свящ. Кн. III.
- 102 - Прав. 18.
- 103 - Сл. защит. о своем удалении.
- 104 - Тертулл.
- 105 - Тв. Иер. Т. 1, стр. 208.
- 106 - Бес. на Матф. 77.
- 107 - Благ. Феоф. ч. III, стр. 47.
- 108 - Варсон. попр. 105.
- 109 - Бесед. 20 на посл. к Ефес.
- 110 - Чет. Мин. 21 ноября.
- 111 - Георг. Ником. в Чет.-Мин. 21 ноября.
- 112 - Злат. на перв. к Кор. бес. 23, № 2.
- 113 - Блаж. Феод. в русск. пер. ч. III, стр. 53.
- 114 - Св. Герман. Чет.-Мин. 21 ноября.
- 115 - Св. Герман.
- 116 - Феоф. Благовестн. на Матф. стр. 3.
- 117 - Чет. Мин. сказ. о Введ. 21 ноября.
- 118 - Слово сказано в церкви Кишиневского епарх. женск
учил.
- 119 - Стих. праздн. 2, на Господи воззв.
- 120 - На Матф. бес. 58, т. II, стр. 498–499.
- 121 - Никиф. ист. 11, 35. Чет.-Мин. 20 декабря.
- 122 - Луг. дух. гл. 194, стр. 211.
- 123 - Училище благочестия.
- 124 - Уст. о наказ. мир. суд. ст. 28,

- 125 - Златоуст, к Кор. бес. 36, ч. II, стр. 290–291.
- 126 - Троп. в конце великопостн. утрени.
- 127 - Чет.-Мин. 21 ноябр. сказ. о Введ. во хр. Пресв. Бог.
- 128 - Бес. на псалм. 44. Твор. част. 1, стр. 335.
- 129 - Дост. сказ. авв. Агаф. гл. 5.
- 130 - Варс. вопр. 799.
- 131 - Дост. ск. стр. 104.
- 132 - Григ. Двоесл. Соб. стр. 261.
- 133 - Акаф. икос. 5.
- 134 - Твор. Том. IV, стр. 47. II, 295.
- 135 - Дост. сказ. стр. 140.
- 136 - Стр. 300, гл. 13.
- 137 - Вел. кан. Песн. 2.
- 138 - Синакс. на вел. понед.
- 139 - Акаф. Бож. Мат., икос. 7.
- 140 - Стихир. на стих. в велик. понедельник.
- 141 - Краеострочие кан. в субб. акафиста.
- 142 - Мол. на акаф. пении Божией Матери.
- 143 - На Матф. бес. 53. Том. II, стр. 412.
- 144 - Синакс. в нед. третью поста.
- 145 - Варс. отв. 682.
- 146 - Злат. бес. на посл. к Римл., стр. 541.
- 147 - Древн. патер. стр. 385.
- 148 - Икос. 2.
- 149 - Триод. повест. о Неседальном.
- 150 - Луг дух., гл. 46.
- 151 - Велич. праздн. Благовещ.
- 152 - Стихир. праздн. на Госп. воззв. 3.
- 153 - Кан. празд., ирм. 9.
- 154 - Дост. сказ. авв. Евагр, гл. 4.
- 155 - Синаксарий на Успение, л. 228 на об.
- 156 - Служб. праздн. стихир. Еванг.
- 157 - Посл. Игн. Богон.

- 158 - Кон. праздн.
- 159 - Богородич. шест. часа.
- 160 - Пат. печ. лист. 216.
- 161 - Луг дух., гл. 37 и прим. к ней.
- 162 - Прав. 61.
- 163 - Сказ. об Усп. в Чет.-Мин. 15 авг.
- 164 - Собес. кн. IV, гл. 7, стр. 272, 276.
- 165 - Собес. кн. II, гл. 35, стр. 145, и в Чет.-Мин. 15 марта.
- 166 - Чет.-Мин. 15 авг.
- 167 - Мол. 3 на пятьдес.
- 168 - На посл. к Фил. бес. 3.
- 169 - Чет.-Мин. 15 авг. Сказ. о Усп. пресв. Богор.
- 170 - Злат. на Деян. Ап. Бес. 21, отд. 4.
- 171 - Прол. 24 авг., лист. 45 на об.
- 172 - Псалт. с возсл., месяц. авг. 15 г.
- 173 - Стих. праздн. на Господи воззв. 2.
- 174 - Чет.-Мин. 17 марта.
- 175 - Твор. Григ. Бог., ч. I, стр. 269.
- 176 - На Иоан., бес. 28, ч. I, стр. 340.
- 177 - Варс. Отв. 61. Вопр. 118, стр. 53 и 92. Слич. I. Леств., сл. XXV, отд. 13.
- 178 - Чет.-Мин. 15 авг.
- 179 - На Иоан. бес. 62, ч. 2, стр. 371.
- 180 - Сим. Сол. о священнод., гд. 331.
- 181 - Твор. част. 1, стр. 257.
- 182 - Злат. на Иоан., бес. 62. Ч. II, стр. 372.
- 183 - На Матф., бес. 31. Ч. II, стр. 41.
- 184 - На Деян., бес. 21. Ч. I, стр. 388.
- 185 - Чет.-Мин. 15 авг. Сказ. о Усп. Пр. Богор.
- 186 - Посл. к Римл., гл. 1.
- 187 - Чет.-Мин. 15 авг. Сказ. о Усп. Пресв. Богор.
- 188 - Чет.-Мин. 15 авг. Сказ. о Усп. Пресв. Богор.
- 189 - Мол. на освящ. ваий.

190 - Сказано в Одесском кафедральном соборе 1892 года, когда была холерная эпидемия.

191 - Агиол. 1 окт.

192 - Кан. праздн. Покр., песн. 6, троп. 1.

193 - Там же, песн. 4, троп. 5.

194 - Конд. праздн.

195 - Троп. праздн.

196 - Акаф. Бож. Мат., икос. 8.

197 - Кан. Благовещ., ирм. 8.

198 - Кан. Пасх., песн. 1.

199 - Чет.-Мин. 15 авг.

200 - Чет.-Мин. 18 окт.

201 - Чет.-Мин. 1 окт.

202 - Конд. Усп.

203 - Троп. праздн.

204 - Дост. сказ., стр. 7, гл. 16.

205 - В 1866 году, по случаю губительной болезни.

206 - Толк. на Матф., Ч. III, стр. 424.

207 - Нов. Скр. Ч. IV, § 57.

208 - Чет.-Мин. 18 окт.

209 - Слав. Пр. Бог., стр. 20.

210 - Чет.-Мин. 26 июн.

211 - Бес. прот. над. на чел.

212 - На 2 Кор., бес. 30.

213 - Посл. к Иоан. Син.

214 - Стих. на Воздв.

215 - Толк. на 2 Кор, гл. 13, ст. 12.

216 - Нор., ч. II, стр. 168 и след.

217 - Патерик. печ. л. 46 наоб.

218 - Слово это произнесено в Курском Знаменском соборе 27 ноября 1872 года.

219 - Тропарь праздника.

220 - Конд. праздн.